



イラスト・白味噌  
**間宮夏生**

 電撃文庫





### Конан

Легкомысленный детектив, который на самом деле ни о чем не задумывается.

«**Может, я и не произвожу такого впечатления, но я люблю женщин!**»



### Чизуру Усами

Прямолинейная девушка.

«**Я н-нормальная, понимаешь?**»



### Ёко Цукимори

Идеальная девушка, обладающая ошеломительной внешностью, выдающимися оценками и множеством загадок.

«**Ты помнишь свое обещание?**»



### Мирай Самедзима

Сильная женщина.

«**Какие-то проблемы?!**»



### Нономия

Циничный парень, не умеющий быть искренним.

«**Юность чудесна, не правда ли?**»



## Содержание

*Рецепт убийства*

---

*Жизнь*

---

*Признание*

---

*В кафе*

---

*Горький шоколад*

---

*Сладкий кошмар*

---

*Апельсин и вино*

---

*Тигр с сигаретой*

---

*Сомнение*

---

*Пока-пока*

---

*Лунный свет*

---



Design:T

<u>Рецепт Убийства.....</u>	<u>5</u>
<u>Live.....</u>	<u>15</u>
<u>Признание.....</u>	<u>20</u>
<u>В кафе.....</u>	<u>27</u>
<u>Горький шоколад.....</u>	<u>38</u>
<u>Сладкий Кошмар.....</u>	<u>44</u>
<u>Апельсиновый сок и вино.....</u>	<u>55</u>
<u>Тигр с сигаретой.....</u>	<u>70</u>
<u>Сомнение.....</u>	<u>84</u>
<u>Пока-пока.....</u>	<u>97</u>
<u>Лунный Свет.....</u>	<u>107</u>
<u>Послесловие.....</u>	<u>123</u>

## **Рецепт Убийства**

И дня не проходило, чтобы я не услышал это имя.

- Цукимори такая милая... - вздохнув, пробормотал мой одноклассник Камогава, а столпившиеся вокруг него парни дружно кивнули.

- Слушайте, ребята, не позволяйте этому стройному телу вас обмануть! Поняли? У нее ведь есть... сиськи!

Их жадные взоры были устремлены на Цукимори - девушку, которую они обсуждали. Она болтала со своими подружками. Если бы мне понадобилось описать ее одним словом, то я бы сказал следующее: притягательна.

- Не согласен, Нономия?

- Как скажешь.

- Ого, до чего прохладный ответ! Ты и вправду мужчина? Если есть гора, заберись на нее! Если есть красотка, влюбись в нее! Разве не это означает быть мужчиной?

Парни, ведомые Камогавой, начали бурно реагировать на мой равнодушный ответ.

- Ну, я просто думаю, что она слишком идеальна.

У нее прекрасное лицо, а в придачу отличная фигура и превосходные оценки. Даже с учетом ее личности, она была весьма популярна. Более того, она также была очень спортивной. Ёко Цукимори выглядела идеальной девушкой без недостатков.

- Разве это плохо?

- Я никогда не говорил, что это плохо. Просто рядом с ней я не могу расслабиться.

- Ах да, ты совершенно прав. В конце концов, Цукимори находится вне нашей досягаемости...

К счастью, Камогава по-своему интерпретировал мое заявление.

Мое истинное мнение состояло в том, что она настолько идеальна, что даже скучно, и, находясь с ней, будешь испытывать постоянное давление. Возможно, дело лишь в том, что мой разум сильно искажен, но я тайно держался от нее подальше, потому что не видел между нами абсолютно ничего общего.

Однако парни выглядели крайне заинтересованными в этой знаменитой девушке и начали обсуждать слухи о Цукимори, как будто сплетничая о какой-то звезде.

- Но я слышал, что у нее есть парень, учится в колледже.

- Ученик «К», не так ли? Тот парень, что на три года старше нее?

- Э? А я слышал, что она любовница президента компании...

- Ага, так вот почему она каждый месяц получает 200000 йен?

- Да бросьте! Но я слышал, что кто-то видел ее вместе с учителем математики Кумадой, когда они выходили из отеля!

Больше нет необходимости в метафорах, она и в правду звезда. Я еще раз осознал, насколько же она особенная.

Но в то же время, она, возможно, и не рада своему особому статусу. Я бы, по крайней мере, такого не выдержал.

- Это всего лишь беспочвенные слухи.

Я не смог сдержать короткого смешка, потому что они начали обсуждать эти вещи слишком серьезно и бурно.

- Почему бы вам не спросить у нее напрямую?

Поэтому я ошарашил их этим вопросом. Ради смеха. Как и ожидалось, мое предложение было с неодобрением отклонено.

- Как будто мы можем спросить у нее такое!

Поскольку меня очень позабавила эта реакция, я решил подразнить их еще больше.

- Хотите, я спрошу представителя класса?

- Стоп, стоп, стоп! Нономия! Не надо ничего портить! Что мы будем делать, если слухи окажутся правдой? - торопливо одернул меня Камогава.

- А может, это всего лишь слухи?

- А может, и нет!

Остальные кивнули в знак согласия с Камогавой: «Возможно. Если это Цукимори, то все возможно!»

Разумеется, Ёко Цукимори выделяется в нашем классе. Можно даже сказать, что она совершенно другого уровня. Неудивительно, что у каждого создается впечатление, что она уже знакома с миром, неизвестным ученикам высшей школы. Учитывая, что она очень по-взрослому себя ведет, то сложно поверить, что мы с ней ровесники.

- Правда скрыта во тьме.

Какой бы ни была эта правда, я смогу с легкостью ее принять, поскольку она не поранит меня так, как Камогаву.

- Не всегда правда это благо, не так ли?

Но, похоже, что они не смогут принять ее так же легко, как я, поскольку правда беспокоит их еще сильнее.

- Разве я неправ? Если вы отворачиваетесь от правды, то никогда не обретете то, что ищете!

- Нам плевать! Пару дней назад какой-то идиот признался ей и был сурово отшит. Если ты безрассудно позаришься на нечто совершенно другого уровня, ты только провалишься и сам пострадаешь. Я предпочитаю идеалы правде. Можно даже сказать, что мы хотим, чтобы Цукимори оставалась источником наших фантазий целую вечность.

Я был настолько удивлен, что смог только рассмеяться.

- Юность чудесна, не правда ли?

- Эй, нам семнадцать лет! Не трогай наши мечты!

Видимо, мне не следовало смеяться.

- Ну, раз вы настаиваете, то я вас больше не побеспокою.

- Да, настаиваем! Не разрушай мечты чувствительных парней.

- Ты хотел сказать: испорченных школьников.

- Тогда кто же нравится нашему дорогому Ниномие? Знаменитости не в счет.

Камогава неожиданно контратаковал. Остальные парни тоже воспользовались шансом и подались вперед, требуя: «Скажи нам! Скажи нам!»

- Ну, посмотрим...

Честно говоря, я еще не встречал девушки, которую бы считал особенной, но, учитывая сложившуюся ситуацию, я не верю, что этих испорченных школьников удовлетворят такие слова.

- Думаю, Усами очень милая.

Я всего лишь произнес первое пришедшее мне на ум имя, но все они выглядели весьма разочарованно и неловко ухмыльнулись.

- Как уныло. Банальнее некуда, ага? Ты такой скучный, - пожаловался Камогава.

- Значит, ты считаешь, что испытывать влечение к Цукимори не банально?

- Я признаю, что интересоваться ей тоже естественно, но ее качество, так сказать, на совершенно другом уровне, нежели Усами! Если бы Усами была апельсиновым соком, то Цукимори была бы вином.

- А ты не согласен, что нам, несовершеннолетним, больше подходит апельсиновый сок?

- Нет, идиот, ты не понял. Я использовал эту, хм, ну, отсылку к алкоголю, потому что ты на самом деле не должен его пить, понятно? Например, ты интересуешься запретным миром, открывающимся здесь, и... ты меня слушаешь?

- Кажется, я понял, что ты имел в виду. Но я все равно люблю апельсиновый сок. А ты?

- Э, ну да, мне тоже нравится апельсиновый сок, но...

Соратники Камогавы заворчали и поморщились.

Если Цукимори выдающаяся девушка, то Усами тоже очень привлекательна, но среди обычных девушек. Их реакция исходит от нежелания признавать мою правоту и неспособности опровергнуть мои слова.

Чувствуя себя победителем, я сказал: «Давайте тогда чокнемся апельсиновым соком и вином.»

Можно сказать, что я попробовал «отменное вино победы».

- Ты чертовски подлый парень, ты знаешь об этом?

- Спасибо.

- Это не комплимент.

Камогава все еще немного зол, но я рад, что поставил его на место.

- Эй, ребята! Садитесь по местам! Начинаются послеобеденные занятия!

Ведомые этим внезапно раздавшимся голосом, парни посмотрели на часы. Они так быстро отреагировали, потому что предупреждение исходило от девушки, которую они только что обсуждали.

- Она права. Давайте все последуем совету Апельсинового Сока и рассядемся по местам, - сказал Камогава, после чего все вернулись к своим партам.

- Апельсиновый Сок? - удивилась Апельсиновый Сок, она же Чизуру Усами, и покачала головой. - Надеюсь, вы не говорили обо мне глупости?

Усами, сидящая позади меня, поджала губы.

- Мы всего лишь говорили о напитках.

- Не лги. Когда несколько парней собираются вместе, они говорят только о пошлых или идиотских вещах, - заявила она.

Можно сказать, это довольно предвзятое мнение. Хотя я, к сожалению, не могу этого отрицать.

- Что же за трагическую жизнь ты прожила, Усами? Я забеспокоился о тебе.

- Не жалею меня, Нономия! Идиот, я нормальная! Обычная школьница!

Усами всегда сразу же выходит из себя, как только я начинал ее дразнить. И находясь в таком состоянии, она похожа на маленькое животное. На нее очень забавно смотреть.

- Послушай, тебе нужно сходить в больницу, пока не стало слишком поздно. Если ты смущаешься идти одна, я могу проводить тебя, но...

- Хватит! Перестать смотреть на меня таким сочувствующим взглядом!

Она оттолкнула ладонью мою голову: «Убирайся!»

- Радуйся, Усами! Похоже, Нономия предпочитает апельсиновый сок!

Камогава, наблюдавший за нами, засмеялся, скорчив такое лицо, словно он может говорить только о пошлых или идиотских вещах.

- Скажите мне, наконец, при чем тут апельсины...

Усами подавилась словами на середине фразы. Наш учитель математики, Кумада, вошел в класс.

Единственными звуками, раздававшимися в классе, были тихий голос Кумады и скрип мела по доске.

Видимо, наш разговор все еще беспокоил Усами. Она продолжает сверлить меня взглядом.

Через несколько минут она, наконец, потеряла терпение. Она наклонилась ко мне и прошептала: «О чем вы говорили?»

- Я пытаюсь сконцентрироваться на уроке, Усами-сан, - ответил я, не отводя взгляд от доски.

- Не будь таким жестоким...



Я продолжал молчать, и она начала тыкать в мою спину механическим карандашом. Его кончик пронзил ткань школьной формы и воткнулся мне в кожу.

- Эй, больно.

- Тогда перестань меня игнорировать, - надулась Усами. - Во время перерыва на ланч вы, парни, обсуждали Ёко-сан, я права?

- Думаешь?

- Ты всегда пытаешься сменить тему, Нономия. Вообще-то, я знаю, что вы сплетничали о ней!

- Ты шпионила за нами? Какое откровение.

- Все не так! Я просто случайно услышала имя Ёко-сан! Потому что вы, парни, говорили слишком громко!

- Усами, - привлек я ее внимание, поскольку Кумада повернулся к нам. Она торопливо села и сделала вид, что списывает с доски.

Через некоторое время молчания: «Скажи, Нономия. Ты тоже предпочитаешь таких девушек, как Ёко-сан?» - пробормотала Усами, опустив глаза в тетрадь.

Я посмотрел направо. Ёко Цукимори, означенная девушка, харизматично смотрела на доску. Сбоку ее лицо выглядело интеллигентно, создавая впечатление, что она похожа на ведущую новостей.

Сидя в самом центре комнаты, она словно распространяла невероятную ауру, благодаря которой казалось, что она сердце класса.

Согласен, она особенная. Хотя лично я предпочитал избегать с ней близких контактов, но могу смело заявить, что все в классе восхищаются ей.

- Да нет, не особо.

Я не люблю неприятности, но мне стало интересно, как отреагирует Усами.

- Неужели?

Она облегченно улыбнулась.

- Мы обсуждали такую аллегория: если бы Цукимори была напитком, то она была бы вином.

Интересно, как она отреагирует?

- Да, кстати, ты была бы апельсиновым соком.

Я услышал раздавшийся сзади звук сломавшегося карандашного стержня.

- Да ну?

Усами играла пальцами с карандашом, выражая безразличие. Но я не оставил без внимания то, что в этот момент ее щеки покраснели.

После этого Усами перестала задавать вопросы.

Ее честная реакция охладила мой пыл. Раньше я обращался к ней только для того, чтобы подразнить, но, возможно, что я таким образом скрывал свои мысли, которых и сам страшился.

По крайней мере, в тот момент я понял, что мне нравится Усами.

- Кстати...

Я решил, что наш разговор окончен, но, похоже, она все еще хочет что-то мне сказать.

Усами прошептала с серьезным выражением на лице: «Я н-нормальная, понимаешь?

Нормальная девушка! Не такая странная девочка, которой ты меня выставлял раньше! Я не хочу, чтобы меня неправильно поняли, ясно?»

Я неосознанно улыбнулся милым словам Усами.

Ее честность была мне приятна, я словно выпил стакан вкуснейшего апельсинового сока. Хотел бы я влюбиться в нее.

После ежемесячной встречи старост класса я понаблюдал за тем, как староста женской половины класса торопливо ушла, и направился обратно в свой класс.

Войдя в пустое помещение, я уже собрался уходить. Поскольку я не состоял ни в каком клубе, в школе мне больше нечего было делать. Мне нужно было пойти домой и подготовиться к временной работе.

Встав со стула, я заметил лежащую на полу тетрадь. Я сразу же понял, кому она принадлежит. Надпись на обложке гласила: «Ёко Цукимори».

Я посмотрел по сторонам, но тут никого не было. Поэтому я решил положить ее на парту, а потом уйти.

Но как только я собрался так поступить, то заметил клочок бумаги, выглядывавший из тетради. Я бездумно схватил его и вытащил наружу.

- Как неожиданно, - слова вырвались у меня изо рта, когда я разворачивал его.

Это оказался сложенный лист бумаги формата А4. Написанный на нем заголовок не соответствовал ни Цукимори, о которой все говорили, ни моему представлению о ней. Убедившись в том, что за мной никто не наблюдает, я спрятал его в свою сумку. Я поступил именно так, потому что решил, что полное прочтение такого мелкого текста займет довольно много времени.

Можно сказать, я поддался искушению.

Нет, в тот момент я не испытывал ни капли вины. Это было чистейшее любопытство.

Я ничего не имею против вина. Во-первых, я вообще не могу о нем судить, не сделав ни глотка. Просто моя привязанность к знакомому напитку склонила к себе мою осторожность к незнакомому.

В двух словах - меня заинтересовало вино, которое все так высоко ценят.

- Отлично, какой же секрет наш идол собирается мне поведать?

Я покинул класс.

Было 10 часов вечера, когда я вернулся домой, закончив работу в кафе.

Когда я пришел, то совершенно забыл про листок. Я с нетерпением ждал, когда же смогу его прочитать, но различные раздражители в кафе загнали информацию о нем в глубины памяти.

Мне нравится наблюдать за людьми. Можно даже назвать это моим хобби.

Одной из причин, почему я выбрал работу в кафе, было то, что я просто люблю кофе, но основная причина заключалась в следующем. Я встречал там различных людей, которые заинтриговывали меня.

Молодая женщина, всегда садившаяся на одно и то же место и смотревшая на улицу.

Мужчина в расцвете сил, который каждый раз приходил с новой девушкой. Остывшие отношения парочки, которые были безумно влюблены друг в друга всего лишь полгода назад. И многое другое.

Все это захватывало мое воображение, вот таким и было мое любимое развлечение.

Хотя, на самом деле, я ни на йоту не отличался от Камогавы. Я тоже был всего лишь 17-летним подростком. Я не хотел знать правду. Я всего лишь хотел наслаждаться полетом своей фантазии.

Я как раз расслаблялся в теплой ванне, когда вспомнил о существовании листа бумаги, подобранного после занятий.

Все еще теплый после ванны, я залез в кровать и развернул сложенный лист. Сдерживая себя от спешки, я медленно прочитал заголовок.

- Рецепт Убийства.

У меня возникло ощущение, словно я читаю детектив какого-то популярного автора.

Возможно, это из-за того, что заголовок похож на название книги.

Листок бумаги, показавшийся из тетради человека, чье имя было у всех на устах, Ёко Цукимори.

Слухам о ее бурной личной жизни не было конца, но ее образ до сих пор выглядел безукоризненно. Она совсем не выглядела девушкой, которой бы подошло слово «убийство».

Возможно, именно этот факт пробудил во мне любопытство. Подобные контрасты просто притягивают к себе, неважно, к добру это или нет.

Я пробежал взглядом по тексту, полностью поглощенный им. Соответствуя своему названию, «Рецепт Убийства» содержал различные способы чьего-либо убийства.

Я заметил, что некоторые части текста были стерты и переписаны заново. Это говорило о том, что рецепт подвергался пересмотру несколько раз. Я даже смог мысленно почувствовать дыхание человека, написавшего эти довольно сумбурные строки. Так сказать, очень ясно и отчетливо.

Читая текст, я обнаружил, что у всех способов есть общая черта.

Самая важная деталь заключалась в уничтожении цели, не замавав руки. Этот текст не был написан человеком, которому нравится убивать, который видит основной целью сам процесс убийства.

- Неужели она и вправду хочет стать детективным писателем?

Эти записи выглядели заготовками для детективной истории. Однако они были написаны довольно неумело и были далеки от идеала. Приведу пример: среди прочего был один способ, озаглавленный: «Рецепт убийства с помощью дорожного происшествия».

Содержимое было очень простым:

- На крутой дороге через горный перевал.
- Как-нибудь отвлечь водителя.
- Сделать так, чтобы он потерял контроль над машиной.

Были записаны только ключевые моменты. Дополнительные комментарии, например «Позвонить водителю, чтобы он потерял концентрацию?» или «Положить какое-либо препятствие на дорогу?», встречались изредка.

Как вы могли заметить, эти записи были далеки от завершения. Возможно, она всего лишь находится в процессе сортировки различных идей, пытаясь довести их до идеала?

Риск был сведен к минимуму, но я не думаю, что этот план бы сработал. Я понял, что она старалась, но это был бы очень плохой план, если бы она на самом деле попыталась кого-нибудь убить.

Я швырнул рецепт убийства на стол.

У меня были слишком большие ожидания, поэтому разочарование тоже было огромным. Чересчур детское содержание рецепта убило весь интерес.

- Я просто испортил себе послебанное настроение.

Громко выругавшись, я потянулся к книжному шкафу, чтобы смыть плохое послевкусие чтением настоящего детектива.

- Нет, постой-постой.

Однако моя рука замерла на полпути, а я задумался. Пришедшая мне в голову мысль снова подняла мне настроение.

Кто владелец этого «Рецепта Убийства»?

Это Ёко Цукимори!

И если просто предположить, что она написала его, планируя на самом деле кого-то убить? Тогда этот неуклюжий текст автоматически становится более реалистичным.

Отложим пока причину, но есть человек, смерти которого желает Цукимори, и она отчаянно пишет план убийства, чтобы претворить его в жизнь.

Цукимори! Эта идеальная, стильная, прекрасная, интеллигентная Цукимори, которой все восхищаются!

И она продолжала редактировать такой детский план убийства снова и снова.

- Ну и ну, разве мы не милые?

Если это окажется правдой, я стану ее большим поклонником.

Воображение разыгралось. Я начал представлять себе все обстоятельства, например, кого она хочет убить, ее скрытые мотивы, а также тайный характер. Я продолжал играть в эту игру, пока небо на востоке не начало светлеть.

На следующее утро я пошел в школу позднее, чем обычно.

Когда я вошел в класс, большинство моих одноклассников уже были там. Разумеется, Цукимори была среди них.

Направляясь к своему месту, я исподтишка поглядывал на нее. Она по порядку раскладывала свои вещи на парте. Для всех остальных ее действия выглядели совершенно нормально.

Но не для меня.

- Доброе утро, Цукимори.

Я поприветствовал ее как обычно. Она перестала рассматривать парту, наклонила голову и посмотрела на меня, убирая пальчиком с лица свои красивые длинные волосы.

- Доброе утро, Нономия-кун.

Как всегда, она по-взрослому мне улыбнулась.

Обычно наш разговор на этом заканчивается. Мы знакомы друг с другом лишь настолько, чтобы просто обменяться приветствиями.

- Ты что-нибудь потеряла?

Однако сегодня я не хотел, чтобы на этом все закончилось. Мое любопытство подзуживало меня, поскольку я полагал, что она ищет «Рецепт Убийства».

Я внимательно посмотрел на нее, не желая пропустить ни малейшей детали.

- Нет, я всего лишь раскладываю вещи.

К сожалению, ее улыбка осталась неизменной.

Ответив ей: «Ясно», я пошел к своему месту, размышляя о том, насколько скучна реальность по сравнению с воображением.

- Постой, - внезапно окликнула она меня. - Почему ты решил, что я что-то потеряла?

Я едва не расплылся в широкой ухмылке.

Я испытал такое чувство, как будто жертва попала в ловушку. Что бы она ни ощущала, у меня поднялось настроение в предвкушении интересных событий.

- Да просто так, - я повернулся к ней, кося под дурачка. - Но позволь мне задать ответный вопрос: почему ты спрашиваешь?

Я решил запустить пробный шар.

- Тоже просто так.

- Ясно.

Передо мной была ее неизменная взрослая улыбка. У меня возникло желание заморозить эту улыбку, но я пока еще не планировал доходить до самой сути. Я решил пока придержать мою козырную карту.

- Но если, - начал я, - если у тебя возникнут неприятности, не стесняйся обращаться ко мне за помощью.

- Что случилось, Нономия-кун? Я не помню, чтобы ты был таким внимательным.

- Я благодарнее, чем ты думаешь, это уж точно.

- Прощу меня простить. Но я бы обязательно это запомнила.

- Хотя моя основная цель заключается в том, чтобы такая невероятно популярная девушка оказалась у меня в долгу.

Цукимори захихикала.

- Спасибо. Я обязательно позову тебя, Нономия-кун, как только попаду в беду.

Цукимори улыбнулась, прищуривая миндалевидные глаза.

У меня сложилось такое впечатление, что она что-то задумала. Хотя я не буду отрицать влияния на это моего желания.

Наш разговор закончился, потому что классный руководитель, Укай, зашел в класс.

В тот день у меня было довольно хорошее настроение. Камогава и его товарищи допытывались до причин моего разговора с Цукимори, но я решил, что достиг хорошего результата, потому что обнаружил, насколько занимателен и захватывающ был наш с ней разговор.

Ну, вообще-то я просто-напросто наслаждался возбуждением, вызванным собственным воображением.

Хотя это все равно лучше, чем скучная реальность.

Безо всякого прогресса или новой информации моя обыденная жизнь продолжалась день ото дня, и, прежде чем я заметил, прошли уже две недели с того момента, как я обнаружил рецепт убийства.

Поскольку больше нечему было раздувать мое воображение, интерес к нему пропал, а я почти забыл о самом существовании рецепта.

Поскольку я тогда придержал козырную карту, игра медленно затихла. Это была по-настоящему жалкая ситуация.

Однако внезапно все изменилось.

Возможно, игра еще даже и не начиналась.

Однажды я, как обычно, пошел в школу, а класс был необычайно оживлен. Но Цукимори нигде не было видно. Ее место пустовало.

Я был озадачен, но ответ не заставил себя долго ждать.

- Эй, Нономия! Ты слышал?

Это был Камогава.

- Смотря что именно.

Разумеется, у меня не было ни малейшего понятия, о чем он говорит, потому что в его словах отсутствовал предмет разговора.

- Погиб кто-то из семьи Цукимори.

Мое сердце забилося быстрее.

- Кто? - спросил я, скрывая растущее возбуждение.

- Кажется, ее отец. Это было дорожное происшествие. Выражаю Ёко-сан мои глубочайшие соболезнования, - ответила Усами с грустным выражением лица.

- Мне тоже ее очень жаль. Потерять отца в таком юном возрасте, это...

В отличие от своего обычного поведения, даже Камогава выказал печальную мину.

Должно быть, это естественная реакция.

- Согласен. Давайте все поддержим ее.

Однако когда я отвечал, то испытывал совершенно другие эмоции, нежели все остальные.

Ёко Цукимори, дорожное происшествие, смерть. Эти ключевые слова привели мои мысли прямо к рецепту смерти.

Я отчаянно боролся с тем, чтобы не ухмыляться.

*Все интереснее и интереснее...*

# Live<sup>1</sup>

Первым уроком был английский, но я ничего из него не помню. Все мои мысли занимало происшествие с отцом Ёко Цукимори.

У меня была идея просмотреть новостные сайты с мобильного телефона, разумеется, втайне от учителя, но я передумал, потому что обладал репутацией правильного ученика. Я продолжал говорить себе, что самое лучшее стоит оставить напоследок, и в таком состоянии провел один мучительный час.

Как только закончился урок английского, я выбежал из класса и направился напрямиком в библиотеку в поисках подробностей.

Там должна быть сегодняшняя газета, а поскольку произошла авария, то в ней должна быть статья об этом.

Как я и ожидал, там была заметка, посвященная этому происшествию. Когда я начал читать, то был слегка разочарован. Статья оказалась крошечной и была напечатана мелким шрифтом в разделе местных новостей.

Однако как только я стал ее просматривать, мое сердце забилося чаще. В тексте я обнаружил несколько ключевых слов, которые искал.

- При возвращении домой по горной дороге...
- Крутой поворот с плохой видимостью...
- До этого там уже происходили аварии...
- Слишком большая скорость для такой крутой дороги...

Я заметил несколько фраз, похожих на те, что содержались в «Рецепте убийства» при помощи дорожного происшествия. Я не смог сопротивляться возбуждению, охватившему меня при мысли о том, что Ёко Цукимори привела в исполнение свой план убийства...

А еще я не смог справиться с пробежавшими по спине мурашками, когда представил себе это происшествие.

Но самое важное осталось за кадром.

Заметка не была бы такой маленькой, если бы полиция решила, что эта авария могла быть убийством. Более того, я бы не оставался в неведении до тех пор, пока не пришел в школу. Неужели я полностью ошибся?

На первый взгляд, тот план выглядел детским, подобно сомнительному трюку, зависящему от множества случайных факторов.

Но возможно, она исполнила этот план именно благодаря таким изъяснам?

Кто поверит в существование такого топорного плана убийства?

Кто увидит спланированное убийство в том, что выглядит всего лишь случайностью?

И факты таковы: полиция решила, что это было дорожное происшествие. То же самое относится к моим одноклассникам, все они посчитали Цукимори бедняжкой, потерявшей отца в автокатастрофе.

Готов поспорить, что даже сам убитый не подозревал, что его могут убить.

И я бы подумал точно так же, если бы не знал о рецепте убийства.

Вероятно, ничего бы не случилось, если бы этот план провалился. Он и так был основан на удаче. Если учитывать только случайности, то он вряд ли бы сработал с первого раза.

Но именно такой подход и был применен в этом рецепте убийства.

Там было написано несколько вариантов, причем все они полностью зависели от случайных внешних факторов. Неужели она с самого начала ожидала, что они могут не сработать?

Целью Цукимори был ее отец. Тот, кто всегда рядом с ней, а значит, это давало ей неограниченное количество возможностей убить его. Возможно, я слишком утрирую, но разве не говорят, что даже плохой стрелок попадет в цель, если дать ему достаточно попыток?

---

<sup>1</sup> Вероятно, английская игра слов: название можно перевести и как «Жизнь», и как «С места событий»

Цукимори определенно не стремилась сделать это так быстро, как только возможно. Она просто хотела, чтобы он рано или поздно умер. Полагаю, она думала именно так. Однако она не хотела, чтобы ее за это арестовали.

После того, как я в первый раз прочитал рецепт, то заметил, что цель плана заключалась не только в убийстве, но еще и в том, чтобы после этого продолжать жить нормальной жизнью.

В таком случае, в успехе не следует сомневаться. Цукимори совершила...

### *Идеальное убийство.*

Я не мог перестать думать об этом.

Разумеется, это всего лишь продукт моего воображения, который совершенно далек от того, чтобы можно было в это поверить.

Я знаю ее не лучше, чем мои одноклассники. Камогава имеет о ней гораздо больше информации. Такие мысли всего лишь частный случай моего любимого времяпрепровождения - воображай и наслаждайся, и они не имеют никакого отношения к решению загадки.

Однако я по какой-то причине просто не могу назвать мои догадки пустыми заблуждениями и перестать фантазировать.

В тот день классный час был посвящен смерти отца Цукимори.

- Думаю, все вы уже знаете о кончине отца Цукимори. Завтра после обеда пройдут его похороны, и я собираюсь их посетить. Поэтому пятый урок, биология, будет самообучением.

Когда наш классный руководитель Укай произнес слово «самообучение», по классу пронеслась волна радостных возгласов.

- Эй, это называется «бестактность»! Посочувствуйте немного Цукимори, которая потеряла одного из родителей! - отчитал нас учитель. Хотя он говорил не особо громким голосом, но класс сразу же замолк. Это было тяжелое молчание.

Видимо, озадаченный неожиданной тишиной, он решил закрыть тему.

- Более того, старостам класса также необходимо прийти на похороны в качестве представителей класса. Я надеюсь на вас. Ну ладно, классный час закончен.

Но только Укай собрался уходить, Усами подняла руку: «Сенсей! Ёко и есть староста среди девушек.»

- А-а-а, ты права. Ну тогда, Усами, могу ли я попросить тебя?

- Ах, да.

- Второй староста это ты, Нономия, верно? Надеюсь, ты придешь.

- Да.

Я спокойно кивнул и незаметно ухмыльнулся.

Все складывалось лучше некуда. Я даже и не мечтал, что мне выпадет шанс открыто прийти туда.

Вообще-то, прочитав заметку в библиотеке, я начал размышлять, как мне попасть на похороны, потому что я хотел собрать больше информации о Цукимори. Когда я понял, что церемония мне не светит, то подумал, что смогу хотя бы посетить поминальную службу.

- Только вы двое? Так нечестно!

Убедившись, что Укай ушел, Камогава сердито посмотрел на нас с Усами.

- Кто же был тот безответственный парень, который выдвинул меня на должность старосты в начале семестра?

Хотя сейчас я благодарен ему за эту безответственность.

- Без понятия. Я человек, не смотрящий в прошлое.

- Твоя безответственность достойна восхищения. В плохом смысле.

- Это честь для меня!  
Я смог только криво улыбнуться надменному ответу Камогавы.  
- Камогава, ты животное! Разве ты не слышал учителя Укая? Ты бестактен... - серьезно высказалась Усами, заметив его легкомысленное отношение.  
- Это недоразумение, Усами. Я всего лишь беспокоюсь о моей однокласснице, которая потеряла родственника, понимаешь? - кротко заверил нас Камогава.  
- Это ложь. Всем ясно, что у тебя есть скрытый мотив, раз ты хочешь встретиться с Ёко-сан! - отрезала Усами.  
- Дура! У меня никогда не было скрытых мотивов! Я всего лишь хочу утешить Цукимори в этот тяжелый момент, - немедленно возразил он. - Но я, разумеется, не стал бы при этом отвергать ее любовь, хе-хе!  
- Ты и вправду животное, Камогава!  
Усами выглядела полностью обескураженной. Как и я.  
- Камогава, прочисти уши, именно это и называется скрытым мотивом.  
- Ага, я понял! Век живи, век учись, правильно?  
Камогава ускользнул от моего замечания, притворившись невеждой. Его уже ничто не исправит.  
- Надеюсь, у тебя нет скрытых мотивов, Нономия?  
Она поняла, что Камогава безнадежен, и выбрала меня новой целью.  
- Разумеется, нет. Я иду на погребальную церемонию, потому что я староста класса, а не потому, что мне так хочется, - я нацепил слабую улыбку. - Более того, мне не нравится мрачная атмосфера похорон. Честно говоря, я бы предпочел не ходить.  
- Видишь? Я знала, что ты не такой, как Камогава!  
Усами внезапно улыбнулась, как будто она похвалила саму себя.  
- Твое отношение к Нономии абсолютно другое! Это дискриминация! Если бы я был американцем, то уже подал бы на тебя в суд!  
- Но ты с головы до ног японец. Все дело в разнице между твоим поведением и поведением Нономии. Сам виноват!  
Хоть и абсолютно иной, но у меня тоже есть скрытый мотив. Честно говоря, я люблю похороны. Главным образом потому, что там можно увидеть совершенно разных людей. Я ожидал следующего дня с таким же настроением, как если бы я пошел на концерт любимого исполнителя.

После трех уроков учитель повез нас с Усами к похоронному залу на своей машине. В ясном небе за окном не было ни облачка.  
Во время поездки мне удалось выведать у него кое-какую информацию о семье Цукимори. Их семья состояла из нее самой и двух ее родителей. Она была единственным ребенком. Я удивился, поскольку считал, что ее взрослое поведение вызвано тем, что ей приходится за кем-то приглядывать, например, за младшим братом.  
Кажется, ее отец был главой проектно-строительной фирмы. Поскольку мой отец работает в банке, расположенном неподалеку от нее, я решил узнать у него подробности.  
Как только мы добрались до похоронного зала и уладили все формальности на входе, то проследовали в помещение, отмеченное знаком «Цукимори».  
Гости принесли так много венков, что их вереница заканчивалась только в коридоре. Я даже подумал, что смотрю на новую аркадную игру.  
Мрачное широкое помещение было заполнено людьми в траурных нарядах. Местный алтарь понравился мне больше тех, которые я видал на других похоронах.  
Мы расселись по местам, предназначенным для обычных посетителей, и начали терпеливо ждать начала церемонии.  
Я поискал взглядом Цукимори и обнаружил, что она сидит неподалеку от алтаря, где собрались все родственники. Она утешала сидящую женщину, схватившуюся за голову, поддерживала ее и гладила по спине.

Судя по внешности, это, наверное, ее мать. Это была красивая женщина, похожая на Цукимори.

Однако я удивился тому, насколько спокойно Цукимори себя вела.

Тогда я вспомнил, что однажды спрашивал Усами, почему все девушки, говоря о Цукимори, добавляют суффикс «сан». Она ответила мне: «Может, мы и ровесники Ёко-сан, но разве она не выглядит и не ведет себя очень по-взрослому?» Потом кто-то начал называть ее Ёко-сан, что и привело к нынешней ситуации.

Согласен. Я даже не был уверен, кто из них мать, а кто дочь.

- Мне так жаль Ёко-сан.

Я увидел, что Усами расплакалась. Она не только производит впечатление «прирожденной младшей сестры», у нее на самом деле есть старший брат.

- Ну ты и плакса, - сказал я и протянул Усами носовой платок.

- Ты только посмотри, как она спокойна, хотя ей на самом деле очень тяжело. Если бы я была на ее месте, то не смогла бы...

Усами схватила мой платок и вытерла лицо. Она бы наверняка выплакала все глаза.

Но я не был с ней согласен, что Цукимори грустит о смерти отца.

Если я прав, и Цукимори желала его смерти, то она скорее удовлетворена, нежели расстроена. Ведь в таком случае эти похороны на самом деле являются праздником, устроенным в честь того, что ее желание исполнилось.

Через некоторое время все места в зале были полностью заняты, и прежде чем я это осознал, все вокруг окрасилось в черный цвет.

Со всех сторон раздавался шепот, который был приглушен из уважения к особой атмосфере, царящей в похоронном зале. Я решил внимательно вслушаться в эти разговоры, чтобы выполнить тем самым две задачи: убить время и собрать информацию. Я сконцентрировался на разговоре двух женщин, сидящих передо мной, которые тихо обменивались фразами. Как же мне хочется все записать!

Их разговор прервался на середине. Я бы хотел послушать еще, но с этим ничего не поделаешь, потому что началась церемония.

В зале раздалась сутра, произносимая священником.

Торжественное настроение, наконец, достигло моего разума, в результате сложилась подходящая обстановка, чтобы погрузиться в раздумья. Я предпочел мысленно воспроизвести услышанный мной разговор и рассортировать полученную информацию. Репутация отца Цукимори была невероятно хорошей.

Сначала они начали обсуждать его внешность, но я не сильно этому удивился, потому что это ее отец. Взглянув на его фотографию на алтаре, я увидел, что он выглядел, словно какой-то актер, и понял, почему он так популярен среди женщин.

Затем они стали разговаривать о его компании и о финансовом положении семьи. Пока они работали с S.M.E.<sup>2</sup>, бизнес шел неплохо, а их уровень жизни был довольно высок. Например, они жили в доме, построенном всего два года назад по сложному проекту. Ну, такого следовало ожидать от директора проектно-строительной фирмы.

Наконец, они перешли к его семье. Отец и мать были весьма общительны и находились в хороших отношениях с соседями. Женщины также упомянули Цукимори. Она считалась прекрасной дочерью с хорошими манерами.

Я вздохнул.

Разумеется, я обрадовался, что смог заполучить новую информацию, но там не было ничего, что могло бы разжечь мою фантазию. Газета слишком возбудила меня, поэтому я так много ожидал от похорон.

Я вдохнул безмолвный воздух этого помещения.

Собравшись с мыслями, я решил поддаться спокойному настроению зала. В конце концов, это многообещающие похороны! Было бы глупо не воспользоваться ситуацией, и не понаблюдать за людскими взаимоотношениями.

---

<sup>2</sup> Возможно, имелась в виду эта компания «Sony Music Entertainment»

Не нужно никуда спешить. Чем дольше будет длиться игра, тем лучше.  
Когда я посмотрел в сторону алтаря, то заметил, что мать Цукимори залилась слезами. Похоже, последовав ее примеру, все женщины вокруг начали всхлипывать. Кстати, Усами до сих пор продолжала плакать.  
Однако в глазах Цукимори не было ни слезинки.  
Ее взгляд был устремлен на алтарь.  
Поскольку черное траурное платье подчеркивало белизну ее кожи, создавалось такое ощущение, словно Цукимори светится.  
Больше, чем сам покойник, больше, чем богато украшенный алтарь, или рыдающая мать, или все остальные - больше всего в этом помещении выделялась Цукимори и ее молчаливый силуэт.

Для меня она выглядела, словно луна в ночном небе.  
Ошеломительно прекрасна.

Настало время выноса гроба. Под звук сирены, становящейся то громче, то тише, катафалк проследовал мимо людей, одетых в черное.

Родственники покойного, в том числе Цукимори, временно покинули помещение и направились в крематорий. Мы трое решили подождать ее возвращения, чтобы как минимум перекинуться с ней парой слов.

- Вы двое, должно быть, голодные? Позвольте мне угостить вас ланчем. Но только держите все в секрете от остальных, хорошо?

- Ура! Ты слышал, Нономия? – услышав слова учителя, Усами сразу же обрадовалась.

Видимо, это одно из таких постыдных перемен настроения.

- Ну, мне нравится слово секрет, - я тоже с радостью принял его предложение.

Через пару минут мы уже поедали рамен в лавке, расположенной неподалеку от похоронного зала.

- Возможно, вы еще не свыклись с этой мыслью, но смерть это неотъемлемая часть жизни,

- внезапно сказал Укай, когда очки на его лице запотели от пара, исходящего от рамена. -

Наверное, мои слова будут бестактны по отношению к Цукимори, но я хочу, чтобы вы ценили впечатление об этом редком печальном событии: смерти отца вашего товарища. Усами убедительно кивнула, ее рот был набит лапшой. Словно белка.

- Согласен. Это напомнило мне о том, что мы не будем жить вечно, а значит надо еще больше ценить свою жизнь.

Поскольку я нахожусь вместе с учителем, мне приходится очень тщательно подбирать слова, выражая свои впечатления.

- Ты великолепен, Нономия, - широко раскрыв глаза, похвалила меня Усами после того, как проглотила лапшу.

- Разумеется. В отличие от тебя, я не проплакал всю церемонию.

- Мне так много всего пришло на ум!

- Например?

- Э? А, м-м-м, мне было ее очень жаль...

- А еще?

- То, что мне было ее жаль.

- Я это уже слышал.

- Н-нет, не пойми меня неправильно! На самом деле я думала о многом, просто я не могу так же хорошо выражать свои мысли.

Укай, слушавший наш разговор, рассмеялся.

- Ну, ну, давайте остановимся на том, что у каждого из вас были схожие впечатления, хорошо? Просто Нономия более логичен, а Усами эмоциональна.

Укай вклинился в разговор и закончил нашу перепалку, как и подобает учителю.

Жизнь интересна, потому что она когда-нибудь закончится. Страх того, что ты не знаешь, когда она кончится, дает тебе ощущение жизни. На первый взгляд, это кажется противоречием, что смерть, являющаяся противоположностью жизни, увеличивает ее ценность, но на самом деле в этом и есть главный смысл. Я даже задумался о том, что, возможно, все в нашем мире работает по схожему принципу. Очарованный рецептом убийства, я чувствовал, что на самом деле жив.

Мы поприветствовали Цукимори, когда она вернулась в зал.

Укай первым выразил свои глубочайшие соболезнования, заверив ее: «Не беспокойся насчет школы. Немного передохни и возвращайся, когда тебе будет легче.»

- Большое спасибо вам за заботу. Однако я собираюсь вернуться в школу через два дня, потому что считаю, что это поможет мне прийти в себя, - она слабо улыбнулась. - Я не очень хочу оставлять мать одну дома, тем более ей сейчас особенно тяжело, но наши родственники заверили меня, что они какое-то время будут приглядывать за ней.

Цукимори выглядела измотанной. Судя по всему, она не выспалась.

Я знаю, что это довольно нетактично, но я не мог избавиться от впечатления, что ее бледное лицо, оттененное траурным платьем, выглядело еще более чувственным, чем в школе.

- Ясно. В любом случае, не стоит сдерживаться, поэтому если ты захочешь о чем-либо поговорить, приходи ко мне в любое время.

Укай похлопал ее по плечу.

- Вам тоже спасибо за то, что пришли, Чизуру, Нономия-кун.

- Все в классе беспокоятся за тебя.

- Мне очень приятно.

- Ёко-сан...

Усами опять была готова расплакаться, наверное, ее поразило храброе поведение Цукимори.

Я щелкнул ее по голове и сказал: «Разве тебе не стоит немного успокоиться? Ты же хочешь нормально выразить свои соболезнования?»

- Ага, - заплакав, кивнула Усами, - Э, Ёко-сан, тебе сейчас тяжело, но... тебе бхудет тхяжело, но...

Усами начала рыдать на середине фразы, потому что она больше не могла сдерживаться.

Цукимори, ни секунды не колеблясь, обняла Усами и начала ее утешать: «Спасибо, Чизуру. Я очень рада, что ты так сильно обо мне беспокоишься». Глядя ее по голове, словно любящая сестра, она прошептала: «Думаю, можно считать себя счастливой, если кто-то о тебе так беспокоится». После этого она снова и снова благодарила Усами.

В тот момент нежная и хрупкая девушка не выглядела той, кто захочет меня убить.

## Признание

Спустя два дня, когда Ёко Цукимори снова пришла в школу, даже ученики других классов столпились у наших дверей, чтобы взглянуть на нее.

Один за другим они выражали свои соболезнования, их лица при этом не выражали ничего, кроме жалости.

Из людского кольца, образовавшегося в центре класса, донесся голос Камогавы: - Школа без тебя, словно ночь без луны! Пожалуйста, Цукимори, взбодрись и освети мой путь во тьме так нежно, как только можешь!

Ого, хотел бы я посмотреть на то, как он запнется в темноте и упадет в канаву.

Группа парней, включая Камогаву, пыталась выглядеть обаятельно, разговаривая с ней как заведенные. Использование женской слабости, возможно, привычная и удобная стратегия, но я просто не мог смотреть на их жалкое и бесчестное поведение.

- Да ты просто поэт, Камогава-кун. Спасибо, что ты беспокоишься обо мне.

Однако Цукимори с каждым из них обходилась крайне вежливо, не выказывая ни капли неодобрения и даже улыбаясь. Я понял еще одну причину ее популярности.

Множество людей просто не могут вести себя, как она. Я, например, точно не могу. В конце концов, я уже разозлился, хотя и просто наблюдал за ней.

Как только волна посетителей спала, Цукимори поднялась и, улыбнувшись, зачем-то направилась ко мне.

- С твоей стороны довольно неожиданно подходить ко мне.

- Но ты же был на похоронах моего отца. Я просто хочу поблагодарить тебя, - она села на пустующий стул Усами и радостно мне улыбнулась. - Итак, спасибо, что пришел, Нономия-кун.

- Я не сделал ничего, чем бы заслужил твою признательность. Я всего лишь выполнял обязанности старосты класса.

- Этого достаточно. Я почувствовала себя лучше, увидев тебя таким же спокойным, как обычно.

- О, прости меня за черствость. Хотя я тоже по-своему беспокоился о тебе. Жаль, если ты не заметила, - сказал я и неловко пожал плечами.

Цукимори весело рассмеялась.

- Я и не подозревала, что ты такой!

- У тебя дома все успокоилось?

- Еще о многом нужно позаботиться, но в целом да.

- Ясно. Полагаю, тебе пришлось пережить несколько тяжелых дней. Ну, школа, наверное, тоже приносит кое-какие проблемы для такой популярной девушки, как ты.

Цукимори потрясла головой, в результате этого ее мягкие волосы заколыхались.

- Я очень рада, что все так сильно беспокоят обо мне.

- Согласен, что это приятно, когда ты не безразличен другим людям, но есть предел, который не стоит переступать, верно? Разве эти фанатичные поклонники не беспокоят тебя? Например, Камогава. Или Камогава.

- Вообще-то, мне нравится эта милая сторона парней.

Я попытался выведать истинные мысли, провоцируя ее, но улыбка Цукимори оставалась неизменной, подобно железной стене.

- Твое взрослое поведение безупречно.

- Я рада, что ты видишь меня в таком свете, Нономия-кун.

Она приняла мои весьма неоднозначные слова с улыбкой.

- Нономия-кун, - внезапно произнесла Цукимори, - ты помнишь свое обещание?

- Обещание?

Я не помню даже того, что вообще что-то ей обещал.

- Если у меня будут неприятности...

- А, я понял.

Я вспомнил наш с ней разговор, произошедший однажды утром.

- Верно, обещание.

- Ну да, я действительно пообещал. Проси что угодно, если, конечно, это в моих силах. Я сам это посеял, но в глубине души я надеялся, что она не попросит о чем-то нереальном.

- Я бы не хотела говорить об этом в классе, - объяснила Цукимори настолько приглушенным голосом, что ее не услышал никто, кроме меня. Я мгновенно напрягся до кончиков пальцев.

- Я буду ждать тебя в библиотеке после школы, - прошептала она и элегантно покинула класс, а ее волосы при этом развевались позади нее. Мои ладони вспотели. Похоже, я напрягся сильнее, чем думал. Ее неясная позиция напомнила мне о рецепте убийства. Я ощутил нарастающее любопытство и решил добраться до сути. Но в то же самое время я также был насторожен, поскольку никто, включая Цукимори, не должен был знать о том, что рецепт убийства находится у меня. Мое напряжение, видимо, было свидетельством того, что опасение оказалось сильнее любопытства.

- А что, если Цукимори знает, кто подобрал рецепт убийства? - сказал я себе, представив неудачное развитие событий. Похороны ее отца прошли без помех, а она стала напоминать героиню какой-то трагедии и была у всех на устах. Могут ли вообще ее планы потерпеть неудачу? Наблюдая за тем, как она добилась всего, у меня сложилось такое впечатление. На ее пути стояли только две вещи: потерянный рецепт убийства и я, знающий о том, что там было написано. Как только она избавится от этих двух помех, ее преступление станет идеальным, а она достигнет своего - идеального мира. Возможно, именно сейчас она планирует мое убийство. Я сглотнул и почувствовал, что сердце забилося чаще.

А затем рассмеялся.

Я не хотел умирать. А еще понимал, что это довольно абсурдная мысль, но я был заинтригован. Мне было интересно, каким образом она собирается меня устранить. Где еще я смогу найти такой стимул? Более того, мой противник – Ёко Цукимори, лучше просто не пожелаешь. Я был убежден, что меня ожидает лучшее время за всю мою семнадцатилетнюю жизнь.

Сделав глубокий вдох, я направился в библиотеку.

Помещение было наполнено ароматом бумаги, сухой, как опавшие листья. Я не испытывал неприязни к этому запаху. В иной раз я мог бы начать медленно обходить библиотеку, но только не сейчас.

Несмотря на то, что мои шаги были неторопливы, мои глаза без устали искали Цукимори. И вскоре я обнаружил ее.

Она сидела за партой для занятий, читая книгу в изысканной обложке.

Все занятия уже закончились, поэтому в библиотеке было тихо, но вокруг Цукимори тишина была еще плотнее, словно я попал в другое измерение.

Околдованный ее обликом, и не в силах приблизиться, я некоторое время просто стоял и пытался успокоить дыхание.

Ее глаза, обрамленные длинными ресницами, медленно закрывались и открывались, когда она моргала, время от времени она бралась за кончик страницы и плавно переворачивала ее. Профиль девушки выглядел, словно превосходная хрустальная статуя, определенно созданная не руками человека, а являющаяся чудом, сотворенным богом. «Я бы разбогател, если бы смог запечатлеть эту сцену и поместить в рамку», - подумал я.

Потом убедился, что тут больше никого нет, кроме меня и Цукимори.

- Повторюсь, я уверен, что тебе было трудно в последнее время, - обратился я к ней, подперев книжный шкаф. - Все-таки тяжело *случайно* потерять своего отца.

Цукимори захлопнула книгу и медленно повернулась ко мне.

- Да, особенно для моей матери. Я раньше никогда не видела ее такой расстроенной. Она тихо и устало рассмеялась.

- А для тебя?

- Извини, но я еще не до конца оправилась, чтобы разговаривать на эту тему.

Цукимори покачала головой с беспокойным выражением лица. Это был весьма уклончивый ответ.

- Ах, это было грубо с моей стороны. Прошу прощения.

Я склонил голову.

- Кстати, что ты хотела попросить? – я вернулся к основной теме. - Ты специально позвала меня в библиотеку ради этого, потому твоя просьба, полагаю, будет довольно деликатной?

- Ты сказал мне попросить твоей помощи, когда у меня будут неприятности.

- Ага, а ты ответила, что обязательно со мной проконсультируешься.

- Совершенно верно. Вот почему я собираюсь попросить тебя об услуге, Нономия-кун.

Пожалуйста, помоги мне.

А затем, словно исполняя мелодию, она произнесла следующее:

- Я хочу, чтобы мы начали встречаться.

Эти слова оказались настолько неожиданными, что мой разум просто опустел.

Чтобы убедиться, я решил спросить ее: «Где встречаться?..», но Цукимори просто ответила: «Это не смешно», и покачала головой.

- Полагаю, не мне тебя критиковать, потому что я сам только что задал нетактичный вопрос, но ты осознаешь, что потеряла отца всего несколько дней назад?

В отличие от Цукимори, мне нужно было имитировать спокойствие. Я наблюдал за всеми ее действиями для того, чтобы понять ее намерения, пока мой мозг работал на полную катушку.

- Ты хочешь сказать, что я опрометчива?

- Если ты именно так ставишь вопрос, то да.

- Значит, ты меня неправильно понял! Именно из-за того, что мой отец скончался, я подумала, что нуждаюсь в чьей-либо поддержке. Разве не романтично будет назвать это «поддержкой моего сердца»? Я не настолько сильна, как все думают, понимаешь?

Конечно, это хорошая причина, но все равно, слишком многое не сходится.

- Тогда почему именно я? Понятия не имею, почему популярная девушка, вроде тебя, выбрала кого-то, вроде меня.

Цукимори захихикала: «Я и не знала, что ты такой застенчивый, Нономия-кун. Видимо, ты совершенно не понимаешь женское сердце, если спрашиваешь о причине, по которой призналась девушка.»

Ее тон показался мне немного раздражающим.

- Но ты, похоже, тоже совершенно не понимаешь мужское сердце. По крайней мере, я не настолько простодушен, чтобы без сомнений пойти на поводу у красавицы. Бесплатный сыр только в мышеловке, не так ли? - подколол я ее в ответ.

- Неужели? Я была уверена, что парням нравится, когда им признается девушка.



Ее уверенность настолько поразила меня, что я ненадолго потерял дар речи.  
- Согласен... Мы достаточно просты, чтобы радоваться этому, но вот ответ – это другое дело.

Мне не хотелось думать об этом, но она была права. Я втайне гордился собой за это признание, которому все будут завидовать.

- Нравится ли тебе кто-нибудь, Нономия-кун? - внезапно спросила Цукимори, так же легко, как официантка, спрашивающая посетителя о заказе.

- Нет.

На долю секунды передо мной промелькнуло лицо Усами, но ни она не нравилась мне настолько сильно, чтобы инстинктивно назвать ее имя, ни я не был настолько прямолинеен, чтобы ответить честно.

- Ну, тогда встречаешься ли ты с кем-нибудь?

- Разве ты правильно спрашиваешь? Обычно эти вопросы задают в обратном порядке.

- Неужели? А может, ты встречаешься с той, которая тебе не нравится? - ответила она с задумчивым выражением лица.

- Думаю, я наконец-то понял, почему парни говорят, что все слухи о тебе могут оказаться правдой.

Я демонстративно пожал плечами.

- Эти слухи просто слухи, а ты не похож на того человека, на которого они имели бы влияние, Нономия-кун.

- Почему ты так уверена? Даже я поосторожничаю, если услышу какие-нибудь плохие сплетни.

- Если хочешь, я могу рассказать тебе, какие из них правда, а какие нет. Взамен...

- Надеюсь, ты не хочешь сделать условием мое согласие встречаться с тобой?

- Ты понимаешь меня с полуслова!

Цукимори ничуть не застенялась, вместо этого она даже слегка улыбнулась.

- Как будто я соглашусь на таких невыгодных условиях! - на этот раз именно я был захвачен врасплох. - Я и не подозревал, что ты такая.

Я плясал под ее дудочку от начала до конца. Все возможные ответы, которые я продумал для этого разговора, провалились один за другим.

- Так я выражаю тебе свое уважение, Нономия-кун! Ты человек, с которым я хотела бы встречаться. Думаю, нет смысла показывать тебе только свою внешнюю оболочку.

- Благодарю за уважение, но разве ты не принимала в расчет мой отказ?

- Я готова немного потерпеть для того, чтобы получить то, что хочу. Если ты боишься боли, то никогда не получишь того, чего действительно желаешь. Вообще-то, если я просто приоткрою несколько карт, это даже нельзя будет назвать болью.

- Какая самоуверенность! Неудивительно, что девушки из нашего класса добавляют суффикс «сан» к твоему имени.

- Я тоже не знала, что ты такой настороженный человек. Я была уверена, что ты позволяешь всему идти своим чередом.

- Я более чувствительный, чем ты думаешь. А также немного противоречивый. И я, разумеется, не настолько безрассудный, чтобы заниматься тем, что не имеет для меня никакого смысла, или тем, с чем я не согласен.

- Неужели ты просто не любишь делать то, что тебе неинтересно?

- Можно и так сказать. В любом случае, если я начну с тобой встречаться, то потеряю свое душевное спокойствие. Просто я веду не настолько активную жизнь, чтобы свыкнуться с всеобщим вниманием, вот и все.

- Жаль, что ты такой упрямый, Нономия-кун, - сказала она и замолчала.

Мы погрузились в мучительную тишину.

Даже крики, раздающиеся со спортплощадки, казались очень громкими внутри тихой библиотеки, и я даже слышал шелест ее юбки, когда Цукимори перекинула ногу на ногу. Взгляд Цукимори бесцельно блуждал по воздуху, словно она о чем-то размышляла.

Даже такие привычные действия походили на сцену из кино, скрашивая ожидание следующих слов и не давая мне заскучать.  
Затем я увидел спокойные движения ее губ.

- Если я скажу причину, по которой выбрала тебя, выполнишь ли ты мою просьбу?

Я сглотнул. В моем воображении она попала прямо в цель и заявила, что причина была в том, что я обладаю рецептом убийства.

Этот ответ был бы абсурден, но поскольку Цукимори, похоже, весьма непредсказуема, то и такой вариант нельзя исключать. В конце концов, Цукимори спокойная, целеустремленная и невероятно умная.

Именно такая девушка подступала ко мне. Ничего не могу поделать с тем, что ожидал какого-то подвоха в ее просьбе встретиться с ней.

- Очень может быть, - ответил я, тщательно подбирая слова.

И только я договорил, как она прищурила один глаз и хитро улыбнулась.

- Потому что мне нравится твоя внешность. Было бы гораздо лучше, не будь ты таким брюзгой.

Ее ответ настолько сильно застал меня врасплох, что я хотел бы упасть на пол, но я сдержался и контратаковал.

- Какое совпадение. Я тоже думаю, что ты недурна собой, если не считать твой характер.

- Из нас бы вышла отличная пара, да?

- В смысле ужасная. Да, конечно.

Ее постоянный флирт охладил мой пыл.

Моя догадка о том, что Ёко Цукимори является отцеубийцей, внезапно показалась невероятно глупой и постыдной.

Конечно, Цукимори спокойная и целеустремленная девушка, но я также знаю, что она определенно не глупа. Даже если предположить, что ее отец стал ей мешать, она могла бы найти множество способов избавиться от него, не прибегая к убийству.

И вообще, может ли кто-нибудь, совершив убийство, оставаться таким спокойным? Она необычная девушка, но я не ощущаю в ней ничего подозрительного или зловредного.

Внезапно что-то коснулось моих волос. Я рефлекторно отпрыгнул назад.

- Извини.

Взглянув на нее, я понял, что Цукимори встала со стула и вытянула свои ровные белые пальцы в мою сторону.

- Твои волосы выглядели так красиво, что мне ужасно захотелось их потрогать.

Цукимори очаровательно улыбнулась мне, прекрасная, словно лунный свет.

По моей спине побежали мурашки.

Эта девушка показалась мне не принадлежащей этому миру.

- Пожалуйста, серьезно все обдумай, - сказала Цукимори и направилась к выходу.

Когда она проходила мимо меня, ее волосы задели мою щеку и оставили после себя сильный аромат роз.

Хоть я и планировал узнать о ней больше, но сейчас понимал Ёко Цукимори намного меньше, чем раньше.

Тогда я вспомнил, что Камогава сравнивал ее с вином.

Согласен.

Я был опьянен ароматом Ёко Цукимори.

## В кафе

Внезапно Цукимори подошла к моей парте и с теплой, как лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву деревьев, улыбкой произнесла мягким, словно легкий летний бриз, голосом:

- Ну что, пойдём, Нономия-кун?

Время в шумном классе остановилось. По крайней мере, хоровод мыслей в моей голове так и сделал.

Все просто встали как вкопанные и уставились на нас. Усами первой пришла в себя.

- Э? Ёко-сан? Ты пойдёшь вместе с Нономией? Почему? Как?..

В замешательстве она походила на одну из тех фигурок, которые каждый час выскакивают из часов.

- Я хотела пойти кафе, в котором подрабатывает Нономия-кун, поскольку слышала, что там очень приятная атмосфера. Как ты знаешь, в последнее время я была довольно занята, поэтому немного устала и решила где-нибудь отдохнуть за чашечкой чая. Вот почему я *попросила* Нономию-куна!

Разумеется, Цукимори знала, что наши одноклассники наблюдают за нами.

- Это правда, Нономия?

Я уже был готов к тому, что стану следующей целью ее вопросов.

- Да.

Поэтому постарался кое-как скрыть свое недовольство.

- Может, мне стоит присоединиться к вам... .

Я почти потерял сознание, услышав ее шепот. Мне и от одной Цукимори хватает неприятностей, я не справлюсь с ними обоими одновременно.

- Разве у тебя сегодня нет клубных занятий?

Усами состояла в волейбольном клубе. Ее руки были неожиданно сильными для такого хрупкого тела, а от ее удара парни просто седали. Я прекрасно помню, до чего был рад, когда на уроках физкультуры мы оказались в одной команде.

- Я прогуляю!

- Не стоит. Разве не ты недавно говорила, что почти попала в основной состав? Было бы глупо с твоей стороны пропускать клубные занятия в такой важный момент.

Усами поджала губы и сердито заворчала.

- Давай сходим в другой раз, Чизуру. Я нарисую для тебя схему, как туда пройти. Хорошо?

Цукимори начала мягко убеждать ее, словно заботливая старшая сестра, в результате Усами послушно кивнула: «Хорошо».

Одна проблема разрешилась. А теперь мне стоит позаботиться обо всем остальном.

- Ты придешь одна, верно? Если припрется целая толпа, мне придется тебе отказать, чтобы не доставлять кафе неприятностей.

Это был намек. Я дал знать Цукимори, что она получит мое согласие, только если выполнит это условие.

- Не беспокойся, наши одноклассники настолько добрые, что они никому не будут мешать, - заверила она меня, улыбнувшись словно леди. - Увидимся с вами завтра.

Она элегантно помахала рукой своим одноклассникам.

Они бы обязательно воспользовались таким шансом. Парни, включая Камогаву, и девушки, восхищающиеся Цукимори, были явно недовольны. Но никто из них и помыслить не мог, чтобы предать доверие ангелоподобной Ёко Цукимори.

Если честно, я ничего не могу поделать с такой ситуацией. У меня нет другого выхода, кроме как неохотно отправиться с ней.

Цукимори направилась к главным воротам.

- Чего ты добиваешься? - обратился я к ее изящной спине, даже не пытаюсь скрыть плохое настроение.

Цукимори обернулась, в результате ее длинные волосы взметнулись в воздух.

- Мне так интересно кафе, в котором ты работаешь, - ответила она, не пытаясь скрыть хорошее настроение.

- Не юли! Ты же знаешь, что я не люблю выделяться из толпы.

- Вот поэтому я и попыталась предотвратить суматоху.

- Но мы все равно привлекли к себе внимание.

- Значит, не повезло.

- И чья это вина? – я был раздражен ее безрассудным поведением. - Кстати, откуда ты узнала, что я подрабатываю в кафе?

- Услышала где-то!

- Не ври.

Все знали, что я где-то подрабатываю, но я никому не рассказывал, что работаю в кафе.

- Чего ты хочешь?

- Кем ты меня считаешь, Нономия-кун? Нет ничего странного в том, чтобы стремиться получше узнать человека, который меня заинтересовал. Можешь считать это желанием невинного девичьего сердца.

- Ты строишь из себя невинную девушку? Не смейся меня. Позволь мне кое-что тебе прояснить: ты и близко на нее не похожа.

Я фыркнул.

- Понимаешь, если ты постоянно выглядишь такой взрослой, иногда это причиняет сильное беспокойство. Я всего лишь семнадцатилетняя девушка. Более того, я совсем недавно потеряла отца, поэтому ты должен быть поласковее со мной, Нономия-кун, - Цукимори надула губы. Я был удивлен такому детскому выражению лица.

Но что было, то прошло. Разумеется, мне было жаль ее, но, в конце концов, это все равно не мое дело.

- Увидимся завтра.

Я ускорил шаги и увеличил дистанцию между мной и Цукимори.

- Куда ты направляешься? Это черный вход.

- В отличие от тебя, я добираюсь сюда на велосипеде, а не на поезде. Если ты выдержишь мою скорость, то я, так и быть, потерплю и доведу тебя до кафе.

Я нарочно был так холоден. Мне наплевать на мнение окружающих. А на мнение тех, кто вторгся на мою территорию без разрешения, мне наплевать еще сильнее.

- Хорошо, пошли. Надеюсь, спина не сильно будет болеть, но я всегда хотела попробовать это.

Однако Цукимори была еще менее безобидной, чем я ожидал. Прежде чем я это осознал, она уже шла рядом со мной.

- Что ты имеешь в виду?

- Я всегда хотела это попробовать хотя бы раз! Поездку на велосипеде вдвоем.

- Когда это я сказал, что повезу тебя?

- Не беспокойся. Я не тяжелая.

- Дело не в этом.

Я злился все больше. Поскольку она ни капли не стеснялась, я тоже решил произнести речь, не сдерживаясь.

- Я признаю, что должен быть к тебе более внимательным, поскольку ты недавно потеряла отца. Однако я не желаю плясать под твою дудку, как все остальные. Не все тебя слушаются, помни об этом. Я знаю твою истинную натуру. Я все еще могу чувствовать сострадание, но я определенно не благосклонен по отношению к тебе, - упрекнул я ее.

- М-м-м! Вот таким и должен быть мой Нономия-кун, - Цукимори кивнула, сделав весьма довольное лицо. - Мне нравится его бессовестный тон.

Мои слова произвели обратный эффект. Желая отшить ее, я случайно заинтересовал девушку еще сильнее.

Увидев, что я потерял дар речи, она улыbnулась, словно старшая сестра.

- Почему ты не хочешь дать мне шанс? Я поняла, насколько поспешным получилось мое признание! Ты совершенно ничего обо мне не знаешь, я тебя толком не знаю. Я думаю, нам нужно познакомиться поближе, чтобы достичь взаимопонимания. Ты все еще можешь отказаться после того, как мы получше узнаем друг друга, верно?  
Ее мнение было довольно честным.  
Но когда я припомнил, что произошло ранее, то предостерег себя не доверять ее словам.  
Я посмотрел Цукимори в глаза.

О чем она думает?

Она не отвела взгляд. В ее больших миндалевидных глазах я четко видел свое отражение. В конце концов, я сдался первым. Я отвел взгляд и сел на велосипед.

- Залезай.

- Спасибо!

Я тронулся, как только она села на багажник. Как она и говорила, она оказалась довольно легкой.

- Пообещай мне, что ты больше не сделаешь ничего такого, что вынудит меня опять оказаться в центре внимания.

- Я постараюсь.

- Нет. Одного старания мало, пообещай мне.

- Нономия-кун, ветер такой приятный. Езда на велосипеде вдвоем даже лучше, чем я думала.

Я заметил наше отражение в уличном зеркале. Цукимори придерживала юбку правой рукой, обхватив меня левой за пояс, и ослепительно улыбалась, наблюдая за проплывающим мимо нас городским пейзажем.

Я больше не мог жаловаться на девушку, доверившую мне свое тело, и просто ответил: «Рад за тебя».

Я продолжал ехать, трансформируя все невысказанное недовольство и неудовлетворение в силу нажатие на педали.

Была ли это зависть или ревность, но я ощущал пристальные взгляды других учеников. Виновник был известен, поскольку я никогда такого не видел, когда ездил один.

Я ехал на велосипеде с *Ёко Цукимори*.

Это был один из тех сладких моментов, которые достойны того, чтобы их называли памятью о юности. Я, находившийся в разгаре этого периода жизни, должен был гордиться собой – этому событию позавидовал бы любой.

Честно говоря, я был достаточно горд, чтобы испытывать некоторое чувство превосходства, веря в то, что больше никому не выпала честь прокатить ее на багажнике.

Ну, это состояние длилось недолго - пока я не вспомнил о ее проблемном характере и рецепте убийства.

В течение следующих часов я могу стать ее игрушкой, поэтому мне нужно эмоционально подготовиться.

Я принял просьбу Цукимори. Причина была проста: она интересовала меня.

Кроме того, назовите это моей особенностью или же моим предпочтением, но я наслаждался нашими интригующими разговорами.

В комнате персонала я переоделся в форму официанта: натянул узкие черные штаны, застегнул пуговицы на белой рубашке и черном жилете, надел остроносые кожаные туфли и, наконец, нацепил на бедра длинный фартук. Посмотревшись на всякий случай в зеркало, я направился на кухню.

Как только я туда зашел, в мои ноздри ударил сильный аромат кофейных зерен; я люблю этот запах.

Я решил работать в этом кафе «Виктория», оформленном в английском стиле, потому что здесь готовят самый лучший кофе в округе.

Заметив меня, коллеги поздоровались со мной.

- Кудзирай-сан? - обратился я к широкой спине мужчины, который молот кофе ручной мельницей. Здоровяк в очках повернулся ко мне и тепло улыбнулся.

Я продолжил:

- Судя по расписанию, я сегодня работаю в зале, но могу ли я поменяться с кем-нибудь из кухонного персонала?

- А в чем дело?

- Боюсь, это причина личного характера, но, честно говоря, сегодня кое-кто из моего класса пришел сюда.

- Э? Тогда зачем ты хочешь поменяться?

- Ну, я все равно не смогу составить ему компанию. И вообще, разве вас не смущает, когда на вас пялятся в процессе работы?

Как будто я позволю ей наблюдать! Я знаю, что мое сопротивление просто ребячество, но это моя последняя попытка после того, как я позорно потерпел поражение, не сумев отговорить ее.

Кроме менеджера, был еще один человек, который остро отреагировал на мои слова.

- Эй, Нономия! Это парень или девчонка? - спросила женщина, одетая, словно пекарь. Она выкладывала фрукты на мороженое прямо позади меня. - Если это парень, то я поменяюсь с тобой. Если, конечно, он мне приглянется!

Все работники скорчили кислую мину, когда поняли, что *плохая привычка* Мирай-сан снова вылезла наружу.

Ее полное имя Мирай Самедзима. Мирай-сан была среди нас самой старшей, и даже менеджер преклонялся перед ней.

Согласно ее словам, она все еще учится в университете, но, глядя на то, как она порой ведет себя важнее менеджера... Нет, скорее, каждый день. Поэтому, у меня создалось впечатление, будто она еще старше.

- Извини, что разочаровываю тебя, Мирай-сан. Это девушка!

- Хм. Ну, ты позвал сюда девушку – это тоже очень интересно!

Мирай-сан быстро и умело закончила мороженое и, отправив в рот дольку шоколада, подошла к стойке, откуда были видны все столики в зале.

- Где она? Давай, колись.

Она сердито оглядывала из-за стойки зал, перекатывая во рту шоколад. Другие работники тоже не стали упускать своего шанса, столпившись позади нее.

Я надеялся, что кто-то отчитает их за недостойное поведение, но даже тот, кто имеет на это право, менеджер кафе, тоже беспокойно поглядывал в зал.

Сдавшись, я произнес:

- Вот она, - и указал на Цукимори, которая выбрала место у окна и сидела там, словно возвышенная образованная леди.



В толпе работников раздались одобрительные возгласы. Их положительная реакция была настолько вульгарна, что я бы чувствовал себя идиотом, если бы заявил, что я этого ожидал.

- Черт! Ну и красотка! Она слишком хороша для тебя, Нономия, это уж точно!

Мирай-сан была чем-то раздражена и впечатала свой железный кулак в мой живот.

- Кто-нибудь понял, чем я это заслужил?..

Мой дрожащий возглас вызвал только полные жалости взгляды.

- Ты всегда ведешь себя так, словно любовь тебя ни капли не волнует, но на заднем плане ты спокойно делаешь свое темное дело. Ах ты подлый развратник!

Кажется, Мирай-сан приняла нас с Цукимори за возлюбленных.

- Мирай-тян и ее новый парень в последнее время плохо ладят, - прошептал менеджер мне в ухо.

- Значит, их расставание - только вопрос времени?

- Похоже на то, - кивнул он.

Мирай-сан можно назвать довольно красивой, пока она сохраняет молчание. Потому с ней часто знакомятся мужчины. Но, к сожалению, ее образ портит скверный характер, который и является причиной того, что ее отношения были такими недолговечными. По крайней мере, на моей памяти.

- Хм-м-м? Саруватари?! Влюбился, что ли?!

- Нет-нет! Совсем не влюбился!

- Вот и не суйся!

Сегодняшней жертвой был Саруватари-сан. Мощный пинок Мирай-сан угодил прямо в его задницу.

Иногда, когда она не ладит со своим парнем или когда она опять с кем-то расстается, ее настроение переходит в режим свободного падения.

Мы в Виктории называем Мирай-сан, находящуюся в таком дурном расположении духа, просто «зверем». Хотя в нашем кафе, к сожалению, нет переодетых героев. Поэтому когда зверь приходит в ярость, нам не остается ничего другого, кроме как пережить бурю.

- Кудзирай-сан, я пойду в зал.

- Х-хорошо, удачи.

В конце концов, осторожность - важная составляющая храбрости.

На кухне раздались крики бедняги, ставшего добычей зверя.

Наше кафе не слишком большое: здесь всего восемь столиков и шесть стульев у барной стойки. Тут работает пять человек, из них двое обслуживают посетителей, а остальные заняты на кухне. Но мне очень нравится царящая тут комфортная и расслабляющая атмосфера.

Атмосферу в этом кафе были призваны обеспечить соответствующие антикварные столы и стулья. Все декорации, похоже, были подобраны женой менеджера, англичанкой.

Кстати, в честь нее и было названо это кафе.

Поскольку Виктория расположена на первом этаже торгово-офисного здания у станции, а ее интерьер должен удовлетворять вкусам прекрасного пола, то тут всегда много молодых женщин, например, офисных служащих или студенток колледжа.

Когда я подошел принять заказ, Цукимори осмотрела меня с головы до ног.

- Твой костюм гарсона красиво выглядит.

Вообще-то, правильнее называть нас «официантами», потому что наше кафе в английском стиле, но слово «гарсон» в Японии более распространено.

Поскольку я решил, что не стоит ее поправлять, то просто поблагодарил ее с улыбкой:

«Спасибо, - и добавил, - А кафе тебе идет.»

Цукимори улыбнулась мне в ответ и добавила: «Спасибо».

Я был довольно честен. Прекрасная девушка в кафе всегда радуется глаз.

- Похоже, ваш персонал довольно бодрый.

Она посмотрела в сторону кухни.

- Ты расслышала наш разговор? Проблема предприятий сферы обслуживания. Я поставил на стол стакан воды и влажное полотенце.

- Но это весело.

- Я в этом сомневаюсь, иногда некоторые начинают даже реветь. В любом случае, я абсолютно уверен в нашем кофе. Да и блюда наши неплохи.

- Ясно. Тогда я бы хотела чашечку этого прекрасного кофе. И, пожалуйста, порекомендуй какие-нибудь сладости.

- Как насчет нашего прославленного сорта кофе плюс фирменный яблочный пирог ручной работы?

Поскольку Цукимори кивнула, я вежливо поклонился и сказал: «Будет исполнено».

Я передал заказ кухонному персоналу.

- Ты так недружелюбен.

Мирай-сан была здесь, корча гримасы вместо работы.

- Ты так думаешь? Вообще-то, я пытаюсь быть очень милым, когда обслуживаю посетителя.

- Правда, что ли? Лично я не вижу разницы. Ну и ну, что же она в тебе нашла?

Ее брови поднялись, она оглядела Цукимори.

- Забыл сказать, но мы с ней не встречаемся.

- Вот как?

- Именно так. Мы просто одноклассники.

- Тогда что же эта красотка и просто одноклассница от тебя хочет?

- Не от меня, от кафе. Похоже, она большая поклонница всевозможных кафе.

От высказанной правды дело не улучшилось бы, и я немного приврал.

- И это все? Скукота.

- Ты как всегда настолько эгоцентрична, что даже приятно. Готов поспорить, что ты разозлилась бы, если бы она была моей возлюбленной.

- Это приятно, потому что я честна! Во-первых, я думаю, что с людьми, радуясь чужому счастью, что-то не так. Каждый из них либо просто идиот, либо что-то задумал.

- Я бы сказал, отличное мнение, полное предубеждений.

В общем-то, я где-то даже согласился с ней. Неужели это из-за моего извращенного характера?

Мне захотелось кое-что узнать у той, кто была «честной» со своей точки зрения, и «непостоянной» с точки зрения всех остальных.

- Мирай-сан, могу ли я спросить у вас кое-что?

- Да, что такое?

- Что вы думаете о человеке, который не горюет по поводу своей беды?

- Выглядит подозрительно, - она ответила быстро, как выстрел. - Беда называется бедой, потому что она печалит тебя, верно? А если ты не грустишь, то это нельзя назвать бедой.

- Ясно, - на этот раз я согласился с ней вслух.

Я бросил косой взгляд на Цукимори.

Устав от ожидания или просто заинтересовавшись оформлением кафе, она гладела по сторонам. Похоже, набор, состоящий из белой керамической и черной стеклянной кошек, понравился ей больше всего. Она поднялась и осмотрела вблизи.

Да кто бы в этом кафе вообще подумал, что она на самом деле несчастная девушка, недавно потерявшая отца?

Думаю, никто.

Никто и никогда не видел на ее лице ни следа печальных эмоций. Она всегда выглядит спокойной и взрослой.

Я не знаю, специально ли она контролировала свои чувства или же просто такая от природы, но она вообще не производит впечатления тоскующей девушки.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов то, что она, возможно, просто не хочет расстраивать людей вокруг, поэтому отчаянно борется с горем. Или это действительно естественная девичья реакция после такого несчастья. В конце концов, умерших не вернуть, а вечно грустить тоже неправильно.

Но это всего лишь теория. Способен ли человек справиться с чувствами за такое короткое время? Тем более, если это печаль?

Я вспомнил слова Мирай-сан.

Согласен. Это выглядит подозрительно.

Десерт угодил вкусам Цукимори.

- Вкусно, - похвалила она его, радостно доедая яблочный пирог и допивая кофе.

Я направился к ее столику, чтобы прибраться.

- Все ли вам здесь понравилось? - спросил я, когда Цукимори бросила на меня неудовольственный взгляд.

- Ты просишь меня уйти?

- Похоже, ты хорошо понимаешь намеки.

- Мне очень понравилось это кафе.

Она широко улыбнулась, словно была готова замурлыкать в любой момент.

- Ага. Рад это слышать. Но не забудь, что в мире существует множество других кафе. Ты и в них должна побывать.

- Мне очень понравилось это кафе, - повторила Цукимори те же самые слова.

- Похоже, иногда ты не очень хорошо понимаешь намеки, - я тоже повторил почти те же самые слова.

Внезапно Цукимори встала со стула и направилась внутрь кафе, в сторону кухни. Когда я удивленно проследовал за ней, она радостно приветствовала персонал, улыбаясь, словно распутившийся цветок.

- Рада с вами познакомиться.

С первого взгляда было ясно, что всех присутствующих опьянило ее яркое приветствие.

Похоже, все они порядком разволновались. Ну, за исключением Мирай-сан, которая оставалась такой же спокойной.

- Меня зовут Ёко Цукимори, я одноклассница Нономии-куна, - она вежливо представилась.

- Ах, да, Нономия-кун говорил нам, - так же вежливо ответил менеджер, хоть он и был намного старше ее.

- Должна признаться, у вас такое замечательное маленькое кафе.

- Большое спасибо!

Менеджер, впечатленный ее ослепительной улыбкой, слегка покраснел.

- Я так вам всем завидую...

Все работники взглянули на нее с удивлением. Девушка, которой, кажется, все могли завидовать, завидовала им самим.

- Потому что вы можете работать в таком замечательном кафе.

Ёко Цукимори выглядела просто ошеломительно, в сумерках она была объята огнем.

Хотя, скорее всего, дело было в закатном солнце, освещавшем ее со спины. В тот момент все были очарованы аурой ее исключительности.

- Я даже представить себе не могу, какое счастье - работать в этом замечательном месте.

Будучи человеком, имеющим к ней наивысшую сопротивляемость, я усмехнулся этому звенящему голосу. Я понял, что она переусердствовала с этим непомерным преувеличением.

Однако последовавший ответ менеджера стер улыбку с моих губ.

- Э, Цукимори-сан, если не ошибаюсь?

- Да.
  - Хотели бы вы тут работать?
  - Кудзирай-сан...
- Я не смог промолчать. Я хотел удержать его от совершения фатальной ошибки. Фауст, ты разговариваешь с Мефистофелем!
- Однако кто-то схватил меня за плечо и потянул назад. В воздухе запахло шоколадом.
- Просто смотри, - вредно улыбнувшись, сказала Мирай-сан. А вот и еще один дьявол.
  - Ну, вообще-то сейчас есть одно свободное место. И раз уж ты одноклассница Нономии-куна, нам не нужно будет беспокоиться о твоих рекомендациях. Поэтому, если ты не против, то мы с радостью примем тебя на работу, Цукимори-сан.
- Остальные работники согласно кивнули.
- Произошедшее напоминало групповой гипноз. Они были околдованы дьяволом и потеряли рассудок.
- Я очень рада вашему предложению, но... вы и в правду не против? Честно говоря, я раньше нигде не работала, - немного поколебавшись, неуверенно ответила Цукимори.
  - Нет, нет, не беспокойся! Все когда-то бывает в первый раз. Более того, я уверен, что девушка с такими манерами просто создана для этой работы!
- Конечно, ее популярность среди посетителей будет просто невероятной! В конце концов, они увидят лишь ее внешнюю оболочку.
- Я с радостью принимаю ваше предложение, раз уж вы так сильно во мне уверены, - мягко улыбнувшись, ответила Цукимори
- Все тепло поприветствовали ее с улыбками на устах. Лишь я скорчил кислую мину, чувствуя себя ужасно далеким от этого кольца поздравлений.
- Потому что я знаю ее лучше всех.
- Я знаю, что под этой оболочкой таится сильный и целеустремленный характер, а на виду находится только образ прелестной девушки с прекрасным характером, которую все за это и любят.
- Что еще хуже, Цукимори прекрасно осведомлена о силе своей привлекательности. И сейчас я увидел доказательство того, что она умеет правильно ее применять.
- Почему все мужчины так беззащитны перед симпатичными девушками? - прошептала мне на ухо Мирай-сан после того, как прижала меня за плечо к разделяющей нас стойке.
  - Хороший вопрос. В конце концов, все парни в этом кафе также беззащитны и перед тобой, - непреднамеренно выпалил я.
  - У меня возникает странное чувство, когда ты говоришь комплименты. Но это неплохое чувство. Дай я поглажу тебя по голове.
- Ладонь Мирай-сан потянулась в мою сторону, но я уныло отказался:
- Я не в настроении. Пожалуйста, не смущайте меня еще сильнее.
  - Не стоит быть таким замкнутым! Если хочешь, я могу угостить тебя шоколадкой.
  - Вы согласны с этим? Разве вы не против найма Цукимори?
  - Ты хочешь, чтобы я возразила?
  - Ну, одного лишь вашего возражения будет достаточно для того, чтобы положить конец этому приветственному настроению.
  - Мне лень. У меня нет причины возражать.
  - Почему?
- Я был удивлен, что Мирай-сан стерпит подобный балаган.
- Потому что чертовски забавно наблюдать за тем, как ты настолько откровенно протестуешь, хотя обычно ведешь себя очень спокойно!
- Мирай-сан захихикала.
- Вы понимаете, до чего отвратительный у тебя характер?
  - Не тебе меня судить. Если моя интуиция не подводит, Цукимори не та женщиной, с которой беспомощный парень, вроде тебя, смог бы справиться.
  - Мне плевать. Я не собираюсь ухаживать за ней.

- Это ты так думаешь, а что насчет нее?

Мирай-сан прищурила глаза и начала внимательно рассматривать мое лицо.

- К вашему сведению, нет смысла меня бить.

- Да, да. Буду с нетерпением ждать следующих дней.

Не обращая внимания на мой сильный отпор, Мирай-сан помахала рукой и вернулась обратно на кухню.

У меня возникло ощущение, что это лишь вопрос времени – она обязательно догадается о наших странных взаимоотношениях. Это женская интуиция?

Я понял, что нужно будет позаботиться о том, чтобы Цукимори не говорила Мирай-сан ничего лишнего.

- Теперь я здесь работаю.

Упомянутая девушка, Цукимори, радостно подошла ко мне, несмотря на всю ту головную боль, что она мне причинила.

- Еще не слишком поздно. Почему бы тебе не передумать?

Мой ответ был холоден, но мое сердце было еще холоднее.

- Спасибо, что волнуешься за меня. Но поскольку менеджер был так добр, предложив мне это место, я буду стараться изо всех сил!

Полная уверенности, она мило сжала кулак.

- Я не волнуюсь. Я нервничаю.

- С нетерпением жду нашей совместной работы, коллега.

Улыбка Цукимори даже не дрогнула.

Мирай-сан сказала, что мне с ней не справиться.

Мне предстояло почувствовать на собственной шкуре, до чего она была права.

На следующее утро в классе.

Внезапно Цукимори подошла к моей парте и с теплой, как лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву деревьев, улыбкой произнесла Усами мягким, словно легкий летний бриз, голосом:

- Меня наняли в кафе, где работает Нономия-кун.

Время в шумном классе остановилось. По крайней мере, Усами просто замерла. Она была похожа на часы, в которых села батарейка.

- Что? Ёко-сан? Ты работаешь вместе с Нономией? Почему? Как?..

В замешательстве она походила на одну из тех фигурок, которые каждый час выскакивают из часов.

Я испытал чувство дежа вю.

- Менеджер кафе попросил у меня помощи, потому что у них была нехватка работников.

Я немного сомневалась, поскольку до этого я никогда не работала. Но менеджер заверил меня, что все будет в порядке, - невозмутимо объяснила Цукимори.

- Кто бы говорил! Это ты заставила его сказать эти слова.

Разумеется, я произнес эту фразу настолько тихим голосом, что никто не расслышал.

- Может, мне стоит к вам присоединиться...

- Не пропускай занятия в клубе. Ты должна постараться как следует и попасть в команду.

Я догадывался, куда может пойти этот разговор, поэтому решил заранее его свернуть.

- Почему бы тогда тебе не пойти к нам в эти выходные, Чизуру? Я вряд ли смогу составить тебе компанию, поскольку мне еще многому нужно научиться, но там будет Нономия-кун.

Верно, Нономия-кун?

Я на мгновение взглянул на ее улыбающееся лицо. Она слегка наклонила голову: «Хм?», сохраняя свою непробиваемую улыбку.

- Ага, тебе всегда рады в нашем кафе, Усами.

Я поклялся высказать Цукимори все, что я о ней думаю.

- Хорошо! Я загляну! Я обязательно загляну!

Усами сильно обрадовалась, ее глаза засверкали. Наблюдая за ее прямолинейной реакцией, мое плохое настроение как рукой сняло.

Но оставалась еще одна большая проблема. Судя по лицам моих одноклассников, было ясно, что в эти выходные они организуют рейд на мое кафе. И на этот раз будет довольно трудно их остановить.

- Внимание всем! Нономия собирается нам кое-что объяснить!

Камогава, нацепив отвратительно вежливую улыбку, подошел ко мне и шлепнул по плечу.

Позади него стояла группа парней, на их лицах красовалась точно такая же улыбка. Это был мужской альянс, и они жаждали расправы над тем, кто украл у них цель всей жизни.

Мне стало противно.

- Я пойду и постараюсь отговорить Цукимори, - решительно сказал я.

## Горький шоколад

Должен признать, Ёко Цукимори - идеальная девушка.

Не было ничего удивительного в том, что меня назначили ее обучать, поскольку мы учимся в одном классе. Поначалу я был недоволен этим обременительным поручением, но вскоре понял, что учить того, кто все схватывает на лету, довольно приятно.

Прошло всего две недели с тех пор, как Цукимори начала работать в Виктории, но она уже прекрасно справлялась с работой, связанной с обслуживанием столиков – принимала посетителей, записывала заказы, работала с кассой.

Что касается клиентов, то в этом кафе она превзошла всех. Больше того – из-за людей, которые приходили полюбоваться на нее в форме официантки, наш бизнес пошел в гору. Менеджер и остальные работники были весьма впечатлены ее способностями, но я даже не удивился, поскольку хорошо узнал ее еще в школе.

Удивительнее всего было то, что Цукимори и Мирай-сан очень хорошо поладили. Я бы понял, если бы они вели себя как кошка с собакой, но они на самом деле прекрасно сошлись.

- Я думал, она тебе не понравится, - сказал я Мирай-сан.

- Все наоборот. Такие женщины, как Ёко-сан, не выносят меня.

Мирай-сан изобразила такую улыбку, которая бы подошла лидеру какой-нибудь злобной организации, пытающейся захватить мир.

- Почему?

- Фокусники не любят зрителей, которые разгадывают их трюки. Как видишь, уловки таких женщин на меня не действуют.

Согласен, у Мирай-сан очень острая интуиция.

- В нашем институте училась девчонка, которая была весьма популярна у парней из-за таких уловок. Ну, однажды ее тон просто вывел меня из себя. Ладно, мое настроение в тот день было хуже некуда, но в любом случае - тогда я разбила ее образ в пух и прах на глазах остальных. А когда я с ней закончила, она все рыдала и рыдала. Так противно.

- Соболезную.

- Видишь? С тех пор она всегда убегает, как только увидит меня. Как будто это я злодейка!

Мирай-сан, кажется, понравилось мое сочувствие, но соболезнования были направлены не ей, а несчастной девушке, которая сделала Мирай-сан своим врагом.

- Но Ёко совсем не такая. Она выглядит искренней, безо всяких своих штучек или притворства.

Мирай-сан посмотрела в зал, где Цукимори обслуживала посетителей.

- Я пыталась сбросить с нее маску, но как бы внимательно я за ней ни наблюдала, она не показывает слабины. Ха, поначалу я радовалась, что у меня появился сильный противник, и думала, что она не сможет вечно меня обманывать, но...

Мирай-сан сделала небольшую паузу, чтобы фыркнуть.

- В последнее время я начинаю думать, что это и есть настоящая Ёко.

Я тоже посмотрел на Цукимори.

Конечно, она настолько величественна, что я даже не могу представить ее плачущей.

Несмотря на мой неуступчивый характер, я решил, что эта ее черта настоящая и не является какой-то там уловкой.

Она даже смогла укротить «зверя». Неудивительно, что люди вокруг нее покорились ей.

- Мне больше всего нравится то, что она не боится меня, - сказала Мирай-сан, а затем повернулась в сторону кухни и внезапно прокричала. - Саруватари!

- Д-да, мэм!

- Не сачкуй! Работай усерднее!

- Хо-хорошо! Я буду работать лучше! - закричал Саруватари-сан и начал двигаться еще быстрее.

- Видишь? Все парни похожи на него.

- Ты что, дьявол?

- Идиот! Возможно, ты не знаешь, но Саруватари влюблен в меня, – Мирай-сан щелкнула меня по лбу указательным пальцем. - Хотя мне ни капли не нравятся такие скромняги.

- Ты точно дьявол!

Я помолчал, потирая свой лоб.

- В любом случае, она мне приглянулась. Даже если это просто фальшивая маска. Я проиграла!

- Так просто?

- Да. Даже если дурная сторона Ёко-сан выйдет наружу, я не смогу так просто разлюбить ее. Это то же самое, что моя страсть к шоколаду, которую я не могу побороть. Хотя все вокруг лепечут, что слишком много сладкого вредит здоровью.

Самопровозглашенная шоколадная наркоманка Мирай-сан присела на краешек стойки, достала из кармана кусочек шоколада и подбросила его в воздух, чтобы поймать большим красным языком.

- Боже, до чего плохие манеры, Мирай-сан! Хватит постоянно есть шоколад, когда менеджер на тебя не смотрит. Он рассказал мне одну историю. Однажды ты потеряла сознание, потому что не ела ничего, кроме шоколада, - обругала ее Цукимори, которая подошла к нам, чтобы передать заказ. Ее тон напоминал старосту, отчитывающую хулигана.

- Помяни черта, он и появится! - парировала Мирай-сан таким тоном, который выглядел просто идеальным примером хулиганства.

- Вы говорили обо мне? Надеюсь, *ничего плохого*, верно?

- Ну, конечно же, нет. Мы хвалили тебя, Ёко.

- Ну ладно, на этот раз я поверю вам на слово.

Несмотря на их речь, они обе наслаждались общением.

- Я тебе нравлюсь? - внезапно спросила Мирай-сан.

- Конечно, - хихикая, ответила Цукимори, - Я тебе тоже нравлюсь?

- Разумеется.

Еще один немедленный ответ. Они были похожи на старых друзей.

- Видишь? Вот что я имела в виду.

- Ясно.

Оставалось еще несколько пунктов, которые не имели для меня никакого смысла, но я примерно понял, что она хотела сказать.

- Ха, вы очень сильно похожи, - внезапно пробормотала Цукимори.

Мы с Мирай-сан посмотрели друг на друга.

- Этот неприветливый парень и я?

- Я не настолько откровенен.

Мы произнесли это в унисон.

- Ты никому не льстишь, а ты не плывешь по течению. У вас свой путь, так сказать. На самом деле, я немного завидую этой черте вашего характера.

Я сделал небольшую паузу и ответил:

- Мирай-сан насквозь лицемерна, а я же просто иду своей дорогой. В отличие от нее, я смогу адаптироваться и с радостью последовать за кем-нибудь, если нужно.

- Я всегда честная и не такая интриганка, - резко возразила Мирай-сан.

- Тебе уже пора понять, что иногда правда ранит сильнее лжи.

- Ты всего лишь угрюмый нахал, Нономия.

- Не хочу слышать это от такой грубиянки, как ты!

Я фыркнул, в результате Мирай-сан поднялась, сверля меня глазами.

- Отлично Нономия! Ты перешел все границы! Пойдем, выйдем! Я выбью из тебя эту извращенную натуру!

Цукимори, наблюдавшая за нами, внезапно захихикала.

- Вы словно родственники.

- Нономия – мой брат?

Она отпустила мой воротник и оглядела с ног до головы.

- Сеструха, - попытался я поддеть ее. Для меня эта фраза выглядела, словно обращение якудзы к женщине, стоящей рангом выше.

- Какой ужас!

Было ли причиной то, что Цукимори сорвала намечавшуюся драку или же она испытала отвращение от слова, которым я ее наградил, но Мирай-сан исчезла на кухне, держась за голову.

- Может, она и не показывает этого, но ты ей нравишься, Нономия-кун, - прошептала Цукимори. - Думаю, она была очень рада, когда ты назвал ее сестрой. Я уверена, что она убежала от смущения.

Я уставился на нее.

- В чем дело? Почему ты так удивлен?

- Хотя вы с Мирай-сан познакомились совсем недавно, ты, похоже, очень хорошо ее понимаешь.

- Я хорошо разбираюсь в людях. С первого взгляда поняла, что мы поладим, - ответила Цукимори, выглядевшая очень довольной моим комплиментом.

- Но твое умение разбираться в мужчинах все еще требует большой доработки.

Видимо, у нее было хорошее настроение. Все, что я получил в ответ, это приторно-сладкую улыбку.

- Я так не думаю. Ты обязательно станешь моим спутником жизни.

Она умело поставила на поднос чашку кофе и легкой походкой направилась к столику.

Я не собирался следовать ее планам, поэтому мне проще было думать, что у нее для этого нет никаких оснований. Но, увидев самоуверенную улыбку, я просто не мог перестать думать о том, что ее слова претворятся в жизнь.

Однако я не собираюсь безрассудно доверять ей, как Мирай-сан.

Хотя она тоже не перестала бы сомневаться в Цукимори, если бы была на моем месте.

Потому что я знаю о рецепте убийства.

После того, как Цукимори начала работать в Виктории, Усами тоже стала тут частым гостем.

Поскольку она очень открытая, то сразу познакомилась с персоналом и менеджером, и стала постоянным клиентом. А я весь день находился в напряжении, опасаясь того, что Кудзирай-сан может предложить ей работу.

- Эй, Нономия. Нономия, послушай!

Поскольку обычно она шла к нам после окончания занятий в клубе, то в большинстве своем к моменту ее прихода число посетителей начинало падать. А затем она счастливо рассказывала о том, что с ней сегодня произошло.

- Меня включили в основной состав на следующую игру!

- Поздравляю. Позволь мне по этому поводу угостить тебя каким-нибудь напитком.

- Ура! – закричала она так энергично, что почти вскочила на ноги. - Э-э, в таком случае, могу ли я попросить еще кое-что?

Она внезапно заволновалась и начала смущенно поглядывать на меня. Из-за больших круглых глаз она напомнила мне крошечную обезьянку.

- Если это в моих силах.

- Могу ли я тебя сфотографировать?

- Зачем? Мы и так видимся почти каждый день. Поэтому нет смысла делать фотографию.

- Нет, есть! Я хочу твою фотографию в костюме официанта!

- Ясно, - я сделал вид, что размышляю об этом. - Нет.  
- Почему нет?! Что в этом плохого?! Это же не больно!  
Было так забавно, когда она начинала злиться и становилась похожей на непослушного ребенка.  
- Я не очень фотогеничен.  
Я не лгал. Так оно и есть.  
- Но твой костюм классно выглядит. Говорю тебе, будет жалко упускать такую возможность! Давай, всего один раз! - она страстно пыталась переспорить меня.  
- Ну, раз уж ты наконец-то попала в основной состав и так сильно этого хочешь...  
- Э? Можно?  
Глаза Усами засверкали в надежде...  
- Я отказываюсь.  
Которую я с радостью разрушил.  
- Э-э-э?! Почему?!  
- Потому что я не хочу потерять душу.  
- Это глупое суеверие!  
Издательство над Усами было для меня чем-то вроде смысла жизни. Поскольку наблюдение за ее реакциями было сродни поеданию хрустящих чипсов, то я не мог перестать мучить ее.  
- Блин! Ты жмот!  
- Говори, что хочешь, но мой ответ от этого не изменится.  
- В таком случае, я сделаю это тайно.  
- Поскольку ты уже сказала мне об этом, то какая же это тайна?  
- Получай!  
Усами выдержала драматическую паузу, а затем наставила на меня свой мобильник и попыталась сделать снимок. Я инстинктивно отвернулся.  
- А-а-а! Зачем ты отвернулся?!  
- В нашем заведении фотографировать запрещено. Если ты не будешь подчиняться этому правилу, мне придется попросить тебя уйти, - объяснил я ей официальным тоном, в результате Усами надула щеки и положила телефон обратно в сумку, прошипев: «Жмот!» Я не смог сдержать смех.  
- Выше нос, Усами. Я не могу разрешить фотографировать, но вместо этого я угощу тебя десертом.  
Ее угрюмый взгляд пробудил во мне желание побаловать ее. Думаю, это еще одна форма морковки на палке.  
- Охлажденный шоколад и пирог из манго.  
- Будет исполнено, - ответил я и, изобразив самую лучшую из своих улыбок, направился на кухню передать заказ.  
Я не могу позволить моему настроению упасть, это было слишком важно.  
Прямолинейность Усами словно снимала с меня весь накопившийся стресс. Возможно, все дело было в том, что мне приходится целый день общаться со странным, мягко выражаясь, человеком.  
- Ты похож на ребенка, забавляющегося с любимой игрушкой.  
Подперев подбородок руками, Мирай-сан криво ухмыльнулась.  
- Почему, я никогда не считал ее игрушкой! - ответил я, пробивая на кассе счет, после того, как передал полученный заказ Саруватари-сану.  
Разумеется, Мирай-сан своим острым взором уже заметила, что я неравнодушен к Усами. Хотя я и не собирался это скрывать.  
- Было бы хорошо забрать ее домой в качестве домашнего животного.  
У меня в голове возник образ маленькой обезьянки, изо всех сил пытающейся съесть манго, которое было размер с нее.  
- Разница невелика.

- В любом случае, действительно - она мне немного нравится.  
- Довольно странно с твоей стороны так легко признаваться в подобном.  
Мирай-сан удивленно уставилась на меня.  
- Зависит от того, о ком идет речь. Ее прямолинейность вынуждает и меня быть честным.  
- Ха, замечательно! Сделай ее своей девушкой, чтобы она исправила твою извращенную натуру!  
Мирай-сан, подавшись вперед, громко рассмеялась.  
«Эта извращенная натура, о которой ты все время говоришь, непременно будет извращена еще сильнее, если *ты* будешь моей девушкой», - подумал я, но решил промолчать.  
- С моей точки зрения, это весьма правдоподобно.  
Я не заметил, когда подошла Цукимори.  
- Как я погляжу, Чизуру тоже нравится Нономия-кун, - сказала она, показав свою взрослую улыбку, которая ей так хорошо удавалась.  
- Ого. Значит, она тоже не чувствует к нему неприязни? Я и не подозревала, что Нономия такой ловелас.  
Мирай-сан с беспокойством посмотрела на Цукимори. В моем же взгляде не было ничего, кроме подозрения.  
Что она задумала?  
В отличие от Мирай-сан, которая не знала, что Цукимори попросила меня встречаться с ней, я не имел ни малейшего понятия, зачем ей поощрять отношения с Усами.  
- Почему бы тебе просто не начать с ней встречаться?  
Мирай-сан не упустила такой замечательный шанс.  
- Не мне это решать. Или я просто невежда, а отношения зависят только от одного человека?  
- Эй, разве Ёко не сказала, что твои шансы довольно велики?  
Мирай-сан насупилась, услышав мои несдержанные слова.  
- Ты тоже хороша, Цукимори. Я не ожидал, что ты безо всякой причины попытаешься нас подогнать. Подобные неосторожные замечания оскорбляют меня и Усами.  
Я понял, что раздражен. Не разозлен, а именно раздражен. Не как огонь, а словно тлеющие угли.  
- Ты прав, Нономия-кун. Мне не следовало это говорить. Мне очень жаль.  
Цукимори охотно признала свою ошибку и поклонилась в качестве извинения.  
- Э-э, да, прости. Я не ожидала, что ты так серьезно все это воспримешь, - Мирай-сан смущенно преклонила голову, последовав примеру Цукимори.  
- Нет, это мне следует извиниться. Я просто не привык к подобным разговорам.  
Я продемонстрировал им что-то вроде самопорицания, это был лучший способ избавиться от раздражения.  
Мы постояли в тишине несколько секунд.  
А затем Мирай-сан потеряла к этому всякий интерес и исчезла на кухне в поисках того, на кого решила излить свое недовольство: «Саруватари!»  
Цукимори отвернулась от меня и продолжала стоять на месте. Ее неуверенная поза не соответствовала сложившемуся у меня представлению о ней.  
Что же касается меня, то я все еще испытывал дискомфорт, ощущая горькое послевкусие на кончике языка даже после того, как наш разговор закончился.  
Это чувство не было тем раздражением, которое возникло от слов Мирай-сан по поводу Усами.  
Разумеется, я не люблю, когда люди необдуманно влезают в личные дела других людей. Однако такое часто случается. Поэтому я должен был научиться реагировать на это соответствующим образом: уклоняться или приспособливаться, и без колебаний скрывать свои чувства, как я и поступал до этого.  
Но сейчас я укорял себя за то, что выставил свои чувства напоказ. Это ведь совсем на меня не похоже. Возможно, я впервые сделал это.

Почему я был настолько раздражен? Это было отвратительное чувство. Хотя я знал о нем, но не понимал его причины.

В тот момент я услышал бормотание.

- Мне очень жаль, - прошептала Цукимори слабым, болезненным голосом, который с легкостью утонул в шумном кафе. Я не видел ее лица, потому что она все еще стояла ко мне спиной, но почувствовал, что ее слова были не извинением, а скорее раскаянием. Никогда бы не подумал, что Цукимори будет так сильно сожалеть по поводу сказанных слов. Одновременно с удивлением я также почувствовал сильное чувство умиротворения. Я нашел причину моего раздражения. Я пока не знаю почему, но, похоже, его источником была Цукимори.

Почему из-за нее я чувствовал себя раздраженным?

Возник еще один вопрос.

Я решил перестать думать об этом и просто принести Усами ее заказ, потому что мог потерять много времени, если бы заблудился в лабиринте мыслей.

Однако я все-таки сделал одно открытие. У меня возникла новая эмоция по отношению к Цукимори.

Хотя я пока не знаю ее названия.

## Сладкий Кошмар

Комната персонала после окончания рабочего дня.

- Я хочу, чтобы ты проводил меня домой, - попросила Цукимори, переодевшись в школьную форму.

- Проводил тебя домой? - переспросил я, как попугай.

- Понимаешь, мне постоянно кажется, что за мной кто-то следит, когда иду от кафе до станции...

Она вздрогнула.

«А может, у тебя просто приступ паранойи?» - хотел спросить я, но передумал, потому что в ее случае это вполне возможно. В конце концов, она очень красива. Вместо этого я ответил: «Тогда тебе следует обратиться в полицию, а не ко мне.»

- Ты слабак, Нономия! Слабак! Давай, будь мужчиной и защити ее!

Мирай-сан, услышав наш разговор, ударила кулаком по неудачно подвернувшемуся столу. Все работники удивленно повернулись к нам, чтобы узнать, что происходит.

- Не хочу хвастаться, но я не уверен в своих силах. Даже если на нее и нападет сталкер, то все, что я могу, это подставиться под удар.

- Это совсем не хвастовство! И если ты мужчина, ты должен храбро драться до конца, даже если тебе придется поставить на кон свою жизнь.

- У меня создалось впечатление, что из тебя бы вышел гораздо лучший телохранитель, Мирай-сан.

- Идиот! Я хрупкая девушка, понял? Меня тоже нужно защищать.

Я демонстративно пожал плечами и посмотрел на лица остальных. Все, что я получил в ответ - лишь кривые улыбки. Они боялись ее, но мысленно были со мной согласны.

- Очень смешно, согласен.

- Э, неужели твое лицо выглядит так, словно ты хочешь пожаловаться, Нономия?

Мирай-сан прищурилась и подошла ко мне.

- Мирай-сан, перестань. Раз уж Нономия-сан так непреклонен, с этим ничего не поделаешь. Я постараюсь добраться до дома в одиночку... - пробормотала Цукимори и направилась к выходу.

Но перед тем, как закрыть дверь...

- Э-э-э-х...

Она глубоко вздохнула, и этот вздох разнесся по всей комнате.

Все посмотрели на меня, и каждый взгляд был полон укора. Конечно, близкий друг может стать смертельным врагом.

- Проводи ее, Нономия-кун, - сказал, наконец, менеджер, приняв сторону Цукимори вместе с остальными.

Воодушевленные этим, все работники начали меня критиковать. На меня напали со всех сторон. Из меня сделали очень плохого парня.

- Ладно, ладно, я уже понял! Я провожу ее, - простонал я и выбежал из недружелюбного помещения вдогонку за Цукимори.

К моему удивлению, я сразу же ее догнал.

Цукимори, подпирая телефонную будку напротив кафе, ждала меня в свете уличных фонарей, словно королева ночи.

- Я знала, что ты придешь.

Она заметила меня и улыбнулась, словно распускающийся цветок. Ее реакция говорила о том, что все мои действия были для нее полностью предсказуемы.

Я посмотрел на ночное небо, чтобы унять кипящие во мне эмоции. Мне ухмылялся полумесяц.

- Так нечестно.

- Что ты имеешь в виду?
- Что ты задумала?
- Это неприятно, понимаешь? Поскольку я девушка, я очень боюсь ходить одна по ночам.
- Тогда почему бы тебе не попросить свою мать, чтобы она забирала тебя, или попросить кого-нибудь еще? Или просто обратиться в полицию?
- Ты как всегда не имеешь ни малейшего понятия, как работает девичье сердце. Я хотела, чтобы *ты* проводил меня.

Она радостно засмеялась и взяла меня за руку. «Шампунь?» - подумал я про себя, почувствовав идущий от нее сладкий аромат цветов.

- Пойдем.

Исходя из моего опыта, я знал, что если Цукимори перехватила инициативу, освободиться будет непросто. Но дело еще и в том, что, хотя я и принял против воли ее лидерство, мой характер определенно не отличался покорностью.

Поэтому те несколько метров, когда моя рука была прижата к ее полной груди, были для меня чистейшим унижением.

Хотя я безнадежен - на мгновение подумалось, что пусть Ёко Цукимори может быть самой зловредной женщиной на Земле, ее мягкая грудь ни в чем не виновата.

- Я не убегу, поэтому прекрати, - со вздохом попросил я и, наконец, освободил руку.
- Очень плохо. Ведь мы только что создали такое хорошее настроение.

Цукимори надулась, но ее походка оставалась легкой.

Наблюдая за тем, как ее черные волосы танцуют позади нее, я громко вздохнул.

Можно не говорить, но *моя* поступь была тяжелой.

Мы сели на поезд, направляющийся из города, и проехали четыре остановки, при этом нас порядочно растрясло. Когда мы достигли места назначения, то оказались в пригородной жилой зоне.

- Я живу вон там. В нескольких минутах ходьбы.

Цукимори указала на холм. Увидев склоны и лестницы, я сразу же понял, что нам предстоит тяжелый подъем. Мое настроение совсем увяло.

- Не хмурься. Тому, кто будет со мной встречаться, придется постоянно ходить этой дорогой.

- Соболезную твоему парню.

- Не беспокойся. Ты быстро привыкнешь.

Цукимори обогнала меня, не обращая внимания на подавленное настроение. «Смотри, какие сегодня прекрасные звезды», - беззаботно сказала она.

Поскольку я не хотел останавливаться на полпути, то безропотно последовал за ней. Это был тихий и, видимо, элитный жилой район.

Улицы освещались фонарями, расположенными через каждые несколько метров, но вокруг нас все равно было темно. Мне пришлось признать, что ее дрожь могла быть не просто актерской игрой.

Как и следовало ожидать, я полностью вымотался к моменту, когда мы наконец-то дошли до ее дома. Цукимори, которая, должно быть, привыкла к этому, не выказывала ни следа усталости, тем самым, раздражая меня еще сильнее.

- Вот и все, - объявила Цукимори и остановилась у входа.

Это было большое белое здание. Его вполне можно было назвать особняком.

Поскольку ее отец был главой проектно-строительной компании, дом имел необычный дизайн, состоящий из сложенных вместе тетраэдров, создавая общее геометрическое впечатление. Я бы кивнул в знак согласия, если бы кто-нибудь сказал мне, что это дом физика.

Ни в одном из окон не горел свет, видимо, ее мама еще не пришла.

Пока я с беспокойством осматривался, Цукимори дернула меня за рукав.

- Раз уж ты здесь, то почему бы тебе не зайти?

Ее предложение было крайне подозрительным и буквально кричало о ловушке. Я знаю, у меня возникнут большие проблемы, если кто-нибудь пронюхает об этом визите. А если до парней дойдут слухи, что в доме кроме нас больше никого не было, эта новость разлетится со скоростью, превышающей мое воображение. Особенно с учетом Камогавы... Я даже не хочу думать об этом.

Но сейчас я был уверен, что все ее действия были направлены на то, чтобы я зашел к ней в дом. Если ее план воплотится в жизнь, у меня возникнет ощущение, что меня погладили против шерсти.

- Неплохая идея. У меня во рту пересохло, можно чего-нибудь попить?

Однако я принял ее предложение, чтобы не упускать очень редкую возможность.

Хотя я, по сути, временно перестал в ней сомневаться из-за нехватки новых данных, но это не означает, что я остановился. Подозрение, вызванное рецептом убийства, все еще витало у меня в голове.

Изначально я ожидал, что после установления контакта моя идея получит новое развитие, но все попытки оказались безрезультатны. Чем больше я узнавал ее, тем меньше я понимал истинную сущность девушки. У меня не было никакой зацепки, чтобы отличить ее шутки от серьезных заявлений. Иначе говоря, она скользкая, как угорь.

Поэтому я пришел к заключению, что было бы неплохо познакомиться с ее матерью. Судя по тому, что я видел на похоронах, она не настолько сложный человек, как Цукимори.

Тогда отпадет необходимость прощупывать саму Цукимори, чтобы узнать о ее взаимоотношениях с отцом.

Я вошел в дом. Внутри не было слышно ни звука.

Снимая на входе туфли, я спросил: «Когда вернется твоя мать?»

- Испытываешь слабость к женщинам старше тебя? - засмеявшись, поддела меня Цукимори.

- По крайней мере, больше, чем к тебе, - ответил я, состроив серьезное лицо.

- Даже если это всего лишь шутка, мне очень неприятно.

Цукимори покачала головой, доставая для нас тапочки.

Кажется, я захватил лидерство.

- Моя мать ушла и вернется очень поздно. Сегодня твой шанс!

- Интересно, что же это за шанс должен быть?

Я отодвинул ее голову, поскольку она подошла ко мне, чтобы рассмотреть мое лицо.

И лидерство снова перешло к Цукимори.

- Я просто хотел с ней поздороваться, раз уж я здесь.

- О, рада это слышать. Неужели ты наконец-то потеплел ко мне?

- Я не знаю, как тебя понимать, но уверяю тебя, ты ошибаешься.

Я проследовал за ней в гостиную.

- Я принесу чего-нибудь выпить. Присаживайся на диван.

Включив свет, Цукимори исчезла в соседней комнате. Мой взгляд привлекла часть прекрасно оборудованной кухни.

Я оглядел гостиную.

Изнутри дом Цукимори выглядел так же респектабельно, как снаружи. Тут был кожаный диван с янтарными вставками, и стеклянный столик необычной формы, в котором даже обыватель опознал бы авторскую вещь. Более того, я заметил ужасающе огромный плазменный телевизор и высококлассную акустическую систему. Слухи не врал: они были весьма обеспеченной семьей.

Но к моему разочарованию, тут не было ничего особенного, например, предмета, который бы послужил ключом к разгадке взаимоотношений Цукимори и ее отца.

Ну, вполне естественно, что в гостиной, в которой бывает много людей, нет ничего необычного. Но у меня, к сожалению, не было никакого предлога, который бы позволил осмотреть другие комнаты. Не могу избавиться от ощущения, что я разбазариваю редкую возможность побывать у нее дома.

Я все еще чувствовал разочарование, когда вернулась Цукимори, неся поднос с напитками.

- Надеюсь, ты не против черного чая?

- Конечно.

Я решил уйти, как только осушу свою чашку. Тут больше не было смысла задерживаться. Однако Цукимори разгадала мои намерения, и сказала: «Чувствуй себя как дома! Завтра же суббота, поэтому нет нужды спешить.»

- Ты в своем уме? Я же мужчина.

Словно желая, чтобы она почувствовала мое разочарование, я сказал это немного грубо. Я понял, что поступил довольно эгоистично, поскольку она не была виновата в том, что мои надежды оказались слишком высоки.

- Про это я и говорю! Мужчина никогда не должен оставлять напуганную девушку в одиночестве.

- Но это твой собственный дом.

- Ты думаешь, сталкеров это остановит?

- Откуда мне знать, как думает сталкер? Более того, эта история выглядит очень подозрительной.

- Очень плохо, - вздохнула Цукимори, - Ты не оставляешь мне другого выбора, Нономия-кун.

- Это моя реплика. Ты все это время водила меня за нос! - резко возразил я.

Я был возмущен тем, что она сказала то, что вертелось у меня на языке.

Через мгновение, так, чтобы я услышал, она прошептала: «Интересно, стоит ли мне проконсультироваться с Мирай-сан насчет Нономии-куна...»

Я чуть не пролил свой чай.

- Это угроза?

Я враждебно посмотрел на Цукимори.

- Это неизбежность. Я всего лишь хочу получить хороший совет от более опытной женщины, например, от Мирай-сан. В этом нет ничего странного.

Цукимори закрыла половину лица подушкой, словно спрятавшись от моего взгляда.

- Консультироваться у Мирай-сан насчет любовных проблем это то же самое, что узнавать у дьявола дорогу в рай.

- Хорошая шутка.

Цукимори уткнулась в подушку и захихикала.

- Здесь не над чем смеяться. Это очень серьезный вопрос жизни и смерти!

Всего лишь представив, как возбужденная Мирай-сан мучает меня, я почувствовал головную боль. Мне уж точно пришлось бы попроситься с моей суетливой, но мирной рабочей жизнью, потому что она бы без конца начала расспрашивать меня о Цукомори.

- Мне все равно, если наши коллеги узнают о наших отношениях. Я не люблю секреты.

- Это тебе все равно.

Цукимори, возможно, и привыкла быть в центре внимания, но я нет. Просто подумав о том, что все будут наблюдать за мной, я вздрогнул.

Мне лучше всего подходит удобная роль зрителя. У каждого свои таланты.

- Честно говоря, мне бы больше понравилось открыто завоевывать тебя.

- В конце концов, ты же умеешь переманивать людей на свою сторону, - сказал я голосом, полным сарказма.

- Это моя врожденная способность, - не напрягаясь, возразила Цукимори.

- Ну да, ну да. Ты интриганка, актриса и, если добаться до сути, просто мерзавка. Все вокруг очарованы прекрасной внешностью и не замечают смертельных шипов.

- Ты считаешь меня прекрасной? Я на седьмом небе!

- Куда же делись смертельные шипы?

- В моих принципах не обращать внимания на ложь.

Судя по ее серьезному лицу, она не шутила. Скорее всего, она была даже возмущена.

Это довольно странно, но я понял, что у такой притягательной девушки, как она, должны быть стальные нервы.

- Еще чашечку? - женственно улыбнулась Цукимори и слегка наклонила голову, держа в руках фарфоровый чайник.

- Не откажусь.

Я протянул ей свою чашку, как будто поднял белый флаг.

Мне придется понаблюдать за ее дьявольскими планами еще немного.

Тридцать минут спустя.

- Твоя мать сильно задерживается, - обратился я к Цукимори, сидевшей напротив меня.

- Да, она так и сказала.

- Ну и когда она должна вернуться?

- Хм, думаю, около десяти.

- Значит, через тридцать минут.

Я начал испытывать чувство дискомфорта из-за того, что мы вдвоем сидим в одно и то же время под одной крышей, но решил выдержать еще полчаса и прилег на диван.

Цукимори пробормотала: «Ну, если точнее, то через двадцать четыре часа».

Я выпрямился и уставился на нее. Она неторопливо рассматривала модный журнал.

- Что?

- Она уехала по рабочим делам и вернется только завтра.

- Ты обманула меня?

Я и сам удивился тому, насколько серьезно сказал это.

- Я честно сообщила тебе, что она опоздает.

- В каком месте это честно? Я уйду, - заявил я, поднялся и направился к выходу. Больше всего меня раздражало то, что я сам попался на ее наживку.

Внезапно что-то мягкое обвилу мою руку. Цукимори вцепилась в нее.

- Пожалуйста, не оставляй меня одну. Я боюсь!

От ее умоляющей позы и мягкого касания руки я запнулся.

Необычной хрупкости было более чем достаточно, чтобы активировать мой инстинкт защитника, даже если это было всего лишь преднамеренное действие с целью моего соблазнения.

Но мой рассудок перевесил ошеломляющую реальность и удержал меня от неверного решения.

- Твое обаяние на меня не действует! Кроме того, так не честно. Я никогда не соглашался с тем, что буду с тобой встречаться.

Два подростка под одной крышей - это очень соблазнительная ситуация. Поскольку я и сам был подростком, то мне, разумеется, было интересно, что может произойти, тем более, если вышеупомянутой девушкой является Ёко Цукимори.

- Я не против, если это будешь ты.

Как и следовало ожидать, она попыталась пленить меня томным взглядом и завлекающими словами.

Если бы я познакомился с Ёко Цукимори при других обстоятельствах, у меня бы не было ни шанса против ее обольщения.

- Я польщен, но у меня нет подобных намерений!

Однако, в отличие от наигранного мною Нономии, настоящий я сопротивлялся с огромным трудом. Ибо я был напуган сильнее, чем надеялся на интригующее развитие событий.

Только опасения поддерживали мой рассудок.

Что задумала Ёко Цукимори?

Именно тогда я почувствовал, что, возможно, понял истинное значение ее предложения встречаться.



Может быть, Цукимори не планировала избавляться от меня, а вместо этого решила взять под свой контроль?

Она прекрасно осведомлена о своей привлекательности и умеет правильно ее использовать. Я не раз убеждался в этом. Поэтому она, наверное, и пыталась сделать меня своей преданной марионеткой или чем-то вроде этого. Она должна быть уверена, что я никому не выдам ее секрет.

Разумеется, если только она на самом деле поняла, что я знаю о рецепте убийства.

В любом случае, мне нужно убираться отсюда как можно быстрее. Если мои подозрения верны, и Цукимори это подтвердит, то рано или поздно я все равно ей поддамся.

Ее слова могут лгать, *но с привлекательностью трудно спорить.*

Если все будет так продолжаться, я паду жертвой ее яда. Я абсолютно уверен в этом, яд будет распространяться медленно, но верно, и парализует мою волю к сопротивлению. Я выдернул руку и поспешил к выходу, но Цукимори сразу же погналась за мной. На этот раз она обхватила меня со спины и начала держать.

Ее тепло, ее мягкость, ее нежный аромат смешались в очарование, обманывающим чувства, и атаковали меня...

- Неважно, что ты ко мне чувствуешь...

Я почувствовал на шее мягкое дыхание. Я понимал, что должен бежать, но не мог пошевелить и пальцем...

- Прикоснись ко мне, делай со мной все, что захочешь...

Ее приятные слова ворвались в мой разум и парализовали все электрические сигналы, управляющие телом. Мои отравленные ноги потеряли способность к сопротивлению.

Она нежно повалила меня на диван, навалившись сверху. Горящая позади Цукимори лампа создавала таинственную игру света на ее лице. Она положила голову мне на плечо и приложила руки к моей груди, словно желая почувствовать сердцебиение. Моему взору открылась стройная белая шея.

Пока я все еще не мог оправиться, она прошептала мне на ухо: «Пожалуйста... Я хочу тебя».

Это напомнило мне полное отпущение грехов.

А через мгновение она поцеловала мою беззащитную шею.

От мягкого прикосновения ее нежных губ мои плечи дернулись. Прежде я никогда не испытывал ничего подобного, это ощущение было похоже на щекотку, но немного отличалось.

Мое тело почти вышло из-под контроля. Желая отпихнуть девушку, я просунул руки между нашими телами и толкнул ее. Не желая разделяться, она изогнулась всем телом.

Мои сопротивляющиеся руки всего лишь задели ее мягкую грудь, скользнули по ее бокам и оказались в воздухе.

В этот момент Цукимори издала сдавленный стон и скорчилась, все еще сидя на мне. Я был сокрушен. Мой рассудок полностью испарился от ее неожиданно чувственной реакции.

Позволив моим инстинктам взять верх, я перевернулся и оседлал ее. Я положил одну руку на ее белую шею и провел по ее сочно-красным губам своим пальцем. Я вдохнул ее сильный цветочный запах, поцеловал ее ключицу и всунул колено между ее бедрами.

Ее реакции полностью соответствовали всем моим действиям. Находясь в полном восторге от удовольствия, я почувствовал, как в моих жилах забурлила кровь.

Прямо сейчас Ёко Цукимори была в моей власти.

Это ощущение эйфории было далеко от нормы. Даже я, принципиально являясь хладнокровным мыслителем, закричал бы от удовольствия, как подсказывали мне мои чувства.

Отчаянно пытаюсь противостоять желанию, я продолжал ласкать Цукимори. Я хотел удержать чувство наслаждения столько, сколько возможно.

Однако внезапно мое сердце на секунду остановилось. Я заметил ее необычную реакцию.

- Ты дрожишь.

Цукимори моргнула несколько раз, чтобы вновь сфокусировать свои глаза.

- Я? - спросила она разгоряченным голосом, нежно двигая губами.

Она и сама не замечала, насколько дрожало все ее тело.

Ко мне вернулось чувство вины, от которого я избавился, как только потерял рассудок.

Меня словно облили холодной водой.

- Мы и вправду не должны это делать. Нам нужно прекратить, - поднимаясь, заявил я.

Дрожь Цукимори выглядела для меня, словно отказ.

Я остановился, но не из-за того, что являюсь хорошим человеком, а просто я никогда не буду наслаждаться подчинением девушки против ее воли для самоудовлетворения.

Я был напуган, только и всего. Напуган тем, что мог бы совершить грех, который потом никогда не отмыть.

Она все еще лежала на диване и удивленно смотрела на меня. Под ее помятой формой я заметил снежно-белую кожу. Я машинально отвел взгляд.

- Почему? Разве я не сказала, что все в порядке?

- Но ты вся дрожала.

- Это от возбуждения!

- Я так не думаю.

- Но так и есть!

Через мгновение Цукимори сказала нечто невероятное.

- В конце концов, это мой первый раз!

- Поэтому я ничего не могу с этим поделать, - добавила она.

У меня не нашлось слов.

Я оттолкнул ее и поднялся, словно отступая.

- Почему?! - закричал я, вкладывая все свое потрясение в одно слово. Это все, что я мог сейчас сделать.

- У всех бывает первый раз, - ответила Цукимори, по-девичьи невинно взглянув на меня.

- Но он должен проходить совсем не так!

- У всех это бывает по-разному.

- Можешь делать все, что угодно, пока это касается только тебя одной. Но на этот раз это я должен был стать твоим партнером, ты это понимаешь?

- Да, ты прав. Я не уверена, что смогла бы удовлетворить тебя, поскольку это мой первый раз, - забеспокоилась она.

Она, должно быть, шутит.

- Но я уверена, что обрету прекрасные навыки, если мы будем заниматься этим чаще. Ты же знаешь, что я быстро учусь. Хоть в школе, хоть на работе.

Цукимори выглядела крайне серьезной.

- Дело не в этом!

Когда в последний раз я становился таким взволнованным? Не помню. Большое тебе спасибо за такой ценный опыт, Цукимори.

- Почему ты всегда такая... такая безразличная!

- Сама себе удивляюсь.

- Не реагируй так равнодушно!

- Кто-то однажды сказал, что влюбленная девушка неуязвима. Возможно, в этой фразе больше правды, чем я думала. В конце концов, сейчас я чувствую, что способна на все, - она одобрительно кивнула.

- Пожалуйста, хватит думать только о себе, - я глубоко вздохнул. - Во-первых, как насчет всех этих слухов? Разве ты не встречалась с кучей парней?

Вряд ли я так легко ей поверю.

У такой девушки, как Цукимори, должно было быть бесчисленно множество возможностей потерять *это*. Может, она просто играет со мной?

- Я не хочу тебе говорить, - она отвела взгляд.

- И после того, как ты втянула меня во все это, ты отказываешься говорить? Я имею право знать.

- Мне все равно.

- Хватит ребячиться.

- Готова поспорить, ты считаешь меня какой-то шлюхой!

Цукимори поджала губы.

Сейчас она выглядела, словно невинная маленькая девочка. Куда же делась та обворожительная женщина, пытавшаяся соблазнить меня?

- Отлично! Я не буду больше спрашивать, раз уж ты не хочешь мне рассказать.

Думаю, нет смысла ее пытаться, пока она находится в таком тупоголовом состоянии.

- Ты и вправду хочешь, чтобы я тебе рассказала?

- А это сейчас к чему?!

Боже правый. Ее как всегда трудно понять.

Цукимори глубоко вдохнула и собралась с мыслями.

- Не хочу тебе лгать. Я уже встречалась с несколькими парнями.

- Я так и думал.

- Хватит уже. Позволь мне заверить тебя. Может, я и встречалась с ними, но ни разу не отдавала себя. Я даже не позволяла им прикасаться ко мне так, как тебе. Честно.

- И ты хочешь, чтобы я купился на это?

- Все они были хорошими и добрыми ребятами, которые по-настоящему любили меня.

- Рад за тебя.

- Но каждый раз что-нибудь шло не так. Я чувствовала, что никто из них не является моим суженым, - сказала она, опустив глаза и погружившись в воспоминания.

- Но почему я?

- Потому что ты выглядишь не таким, как другие. Разумеется, поначалу это была всего лишь смутная интуиция. Сперва я хотела встречаться с тобой, не задумываясь о последствиях. Потому что заставить кого-либо встречаться со мной проще простого.

- Такие слова не свойственны людям моего возраста. Колись, сколько тебе лет?

Похоже, мой безразличный тон позабавил Цукимори. Она радостно захихикала.

- Но у меня и в мыслях не было, что ты можешь мне отказать.

- Извини, что не оправдал твоих надежд.

- Нет, я не это имела в виду! Благодаря этому, я получила внезапный заряд энтузиазма. Так что все в порядке!

- Думаю, такова жизнь. Она никогда не оправдывает твоих надежд.

Ликующая от восторга Цукимори произвела на мое настроение обратный эффект. Что бы я ни делал, в результате все мои слова и действия били бумерангом по мне самому.

- Согласна. Интересно, почему в жизни все идет не так, как ты хочешь.

На этот раз я сам не смог сдержать смех после того, как она так серьезно произнесла эти слова.

- Если даже ты не можешь добиться желаемого, то все обычные люди просто болваны. Опасения девушки, которая имеет все, что захочет, выглядело для меня очень нелепыми.

- Ты просто переоцениваешь меня.

- Но с нейтральной точки зрения, ты заслуживаешь того, чтобы быть переоцененной.

- Почему же я тогда не могу сделать тебя своим?

Она искоса посмотрела мне в глаза, словно заглядывая в мое сердце.

- Кто знает? Это загадка даже для меня, - нечетко ответил я, посмотрев в сторону. По очевидным причинам, я не мог сказать ей, что все дело в рецепте убийства.

- Это подло.

- Можешь называть меня, как хочешь.

- Но ты все равно мне нравишься, Нономия-кун, даже если ты так жесток и низок по отношению ко мне, - рассмеялась Цукимори, расчесывая волосы. Это было великолепное зрелище. - Как бы мне получше тебе объяснить? Мне просто очень нравится с тобой разговаривать.

Она аккуратно подобрала слова, и я понял, что она пыталась сделать все возможное, чтобы очень точно выразить свои чувства.

- Можно сказать, что мы пытаемся превзойти друг друга. Наши разговоры выглядят для меня такими интересными и приятными, потому что они непредсказуемы. Я просто не могу наговориться с тобой.

Услышав это, я потерял дар речи и просто уставился на нее. Я был поражен тем, что ее мысли точно такие же, как у меня.

Взаимное понимание может невероятно легко перейти в чувство близости.

Именно поэтому Ёко Цукимори в тот самый момент стала для меня особенной девушкой.

- Когда я представила, насколько веселым будет каждый день, если я начну с тобой встречаться, то поняла, что ты и есть мой суженый. Поэтому я не сомневаюсь. Ты тот, кого мне послала судьба. Я хотела, чтобы ты был моим первым.

Проблема была в том, она стала выглядеть еще более привлекательней, когда я начал ее понимать. Я слышал, что в наше подсознание заложена функция, которая фильтрует поступающую в мозг информацию, чтобы мы интерпретировали ее в свою пользу.

- Я даже не знала, что я настолько храбрая.

- А я бы не хотел знать, что у тебя такой острый язык.

Я демонстративно пожал плечами. Разумеется, я не был таким уверенным. Наоборот, я беспокоился. Можно сказать, что я находился в затруднении, вызванном сильными переменами в моих чувствах.

До этого я объективно оценивал любую ситуацию для того, чтобы противостоять Цукомори и ее ошеломительной внешности. В противном случае, я бы пал жертвой ее обаяния, как все остальные.

Но сейчас, когда эта субъективность стала влиять на мою точку зрения, я больше не могу сохранять спокойствие. Мои пробудившиеся инстинкты твердят мне сорвать беззащитный плод, висящий перед моими глазами.

- Я ухожу.

На этот раз мне действительно придется уйти или я возненавижу себя.

- Разве ты не хочешь проверить?

Я услышал раздавшийся позади меня голос Цукимори, когда шел по направлению к выходу.

- Что проверить?

- Действительно ли это будет мой первый раз или нет.

У меня возникло сильное желание развернуться, но я предпочел следовать прежнему курсу.

Иначе она бы обязательно показала свою дьявольскую улыбку, которая так сильно влечет меня, и разрушила мою новообетенную решимость.

- Пожалуйста, забудь все, что сегодня случилось. Я был не в себе.

- Я не хочу, - заявила она.

- Это в наших общих интересах.

- Это ценная память о моем суженом, которого я наконец-то нашла.

- Я удивлен, что ты так необдуманно используешь это слово. Повтори это лет через десять.

- Я не использую это слово просто так. Разве ты не знала, что все девушки ищут своего суженого с момента рождения?

- Ну, прошу прощения за все неприятности.

С этими прощальными словами я открыл дверь. И услышал звук шагов позади.

- Ты и вправду оставишь меня?

Нет смысла использовать слова, наполненные таким одиночеством.

- Разумеется.

- Несмотря на то, что я так сильно хочу, чтобы ты остался?

Нет смысла использовать такие молящие слова.

- Ну, а я хочу добраться домой как можно скорее.

- С тобой очень тяжело иметь дело, Нономия-кун, - вздохнув, ответила она.

Я спонтанно обернулся и посмотрел на нее: «Ты последняя, от кого бы я хотел это слышать!»

Цукимори искренне рассмеялась, увидев мою неприязнь.

Пожалуйста, отпусти меня.

- До свидания.

- Увидимся.

Пусть я намеренно хлопнул дверью, чтобы выразить свое плохое настроение, мне удалось заметить, как она грустно и слабо помахала мне рукой на прощание. Если я скажу, что ничего не чувствовал, то это будет наглая ложь.

## Апельсиновый сок и вино

Начало недели, классная комната. Цукимори поприветствовала меня теплой улыбкой:

- Доброе утро.

Поколебавшись пару секунд, я быстро ответил: «Доброе утро», - и поспешил к своей парте.

Я не хотел выглядеть трусом, но и на споры с раннего утра понедельника не тянуло. Я вообще не хотел сейчас ее видеть, потому что этот взгляд напоминал мне о пятничной ночи, которую лучше было бы поскорее забыть.

Но Цукимори никогда не догадается о подобных чувствах.

- Нономия-кун, у тебя помялся воротник, - весело отметила она и встала передо мной так, словно делала это уже не одну сотню лет. Затем поправила воротник белоснежными тонкими пальцами.

Перед моими глазами была ее бледная шея. Я плотно зажмурился, словно желал защититься от шальных мыслей.

Мой воротник был в полном порядке.

- Когда ты придешь в следующий раз? – прошептала Цукимори.

Она снова заговорила насчет субботы.

- Своим блестящим умом ты давно могла понять, что я отвечу.

Пока я был беспомощен...

- В следующую субботу я буду одна. У мамы снова совещание на работе и она придет поздно.

...Она была беззаботна.

- Ты думаешь, что я соглашусь?

- А ты думаешь, что я хочу услышать «нет»?

- Похоже, мне придется разъяснить, поскольку ты перестаешь понимать меня, когда все идет не так, как ты хочешь, - я приблизился к ней настолько, что расстояние между нами практически исчезло. - *Ты не увидишь меня там во второй раз!*

Чтобы завершить начатое, я блеснул улыбкой в стиле Цукимори.

- Тебе не нужно смущаться.

Как бы там ни было, обладательница этой улыбки сама улыбаться не перестала.

- Время от времени ты ведешь себя по-идиотски.

- В то время, как ты всегда сладкоречив, верно?

Со стороны мы, наверное, напоминали улыбающихся друг другу близких людей.

- Ёко-сан и Нономия выглядят, как... новобрачные?..

И затем кто-то недовольным голосом озвучил этот неуместный, невежественный комментарий. Это была Усами Чизуру.

Я не знал, на что похожа маленькая иглобрюхая рыбка, но мне показалось, что она должна быть как Усами, которая нахмурилась, положила подбородок на парту и надула щеки.

Она в самом деле особенная девушка. Я знал не так много людей, которые были настолько прекрасны в своей злобе.

Пока я весело наблюдал за Усами, Цукимори смущенно сказала:

- Ты слышал? Как новобрачные!

- Не смешно.

Если бы Цукимори слегка покраснела, я мог бы пересмотреть свое мнение и признать, что есть в ней что-то милое. Но, к сожалению, она была не так проста.

Ее глаза засверкали.

Дьявол, сошедший на землю - я мог видеть черный хвост, выглядывающий из-под юбки.

- Добро пожаловать домой, дорогой. Хочешь принять ванну? Или ты предпочтешь... меня?



И она довольно хихикнула.

Для тех, кто не знал настоящую Ёко Цукимори, она, должно быть, выглядела, как невинная дева, с успехом разыгравшая маленькую шалость.

- В самом деле, не смешно...

Но для меня это было кошмаром. Отчасти потому, что здесь был один парень, который не мог остаться в стороне, когда рядом начинали обсуждать Цукимори.

- Эй, Нономия!

Вот и он, Камогава, который своим выражением лица напоминал стража адских врат.

- Конечно, ты выберешь ванну, да? Ты, *естественно*, выберешь ванну?

К моему огорчению, он был окружен толпой парней, которые поддерживали его: «Скажи это!»

- Если ты не пожелаешь вымыться... Ты знаешь, что случится, верно?

Они обменялись взглядами и одновременно «дружелюбно» улыбнулись. Они были отвратительны.

- Ну, как мужчина, я выберу...

Выбор был за мной. Камогава ничего об этом не сказал.

- ...Любой мужчина должен выбрать еду.

Но я не люблю проблемы.

- Мудрый выбор, Нономия-кун!

- Я так рад, что ты понимаешь меня, Камогава-кун.

- Тогда пойдем туда, где мы выслушаем всю историю?

- Боюсь, я просто не найду слов, чтобы описать всего.

Этим начиналась куча потерянного времени, в течение которого мне придется уверять их, что я не ходил на свидание с Цукимори.

Какая жалость, они ничего не знали. Они могли вести себя так беспечно только потому, что никто из них и понятия не имел о рецепте убийства.

И, даже не догадываясь, в каком положении я оказался, Цукимори бодро помахала мне рукой.

- Пока, дорогой!

Я ответил в ее духе:

- Сегодня буду поздно, милая.

Это все из-за злости.

Я уверен, что жалость накрыла меня с головой, пока меня уводили из класса, как работника, вынужденного подчиняться требованиям начальства.

...Уже тогда я заметил, что, Усами, всегда любившая поговорить, молчала на протяжении всего этого цирка.

Но я не мог спросить ее об этом, так как я был занят улаживанием дел с Ёко Цукимори, Камогавой и другими.

Ну, сложно сказать, что разговор с ней изменил бы события, случившиеся после школы.

Уроки кончились, и я был готов пойти домой, когда меня неожиданно остановила робкая Усами: «Нономия?..»

- В чем дело?

- Эм, я заметила, что... ты и Ёко-сан довольно хорошо ладите в последнее время...

- Ровно так же, как и обычно.

Из-за раздражения от этого бесконечного вопроса мой голос прозвучал довольно резко.

Усами заметила, что для подобных разговоров я был не в настроении, и еще больше растерялась.

- ...Но вы всегда вместе.

Устав от разговоров о Цукимори, я быстро сказал:

- Мы просто часто видимся на работе и в школе, как дежурные. Это все.

Затем я подхватил портфель и поспешил выйти из класса.

Но в следующее мгновение Усами загородила мне путь.

- Сто-о-о-ой!

- Что еще?

- У тебя есть пара минут?

- Нет.

- Я тебя не сильно задержу, честно!

Мой взгляд, похоже, был пугающим: она отвела глаза в сторону, словно маленькая обезьянка.

Я глубоко вдохнул – достаточно неприметно, чтобы это осталось незамеченным.

- Все зависит от того, чего ты хочешь.

Когда я решил, что вел себя, как ребенок, и намекнул на компромисс, Усами заметно воодушевилась.

Она была не виновата. Я просто устал от того, что меня постоянно водила за нос Цукимори и мною вертел как хотел Камогава со своими прихвостнями. Я сорвался на бедной девочке, хоть она была ни при чем.

Оглядевшись по сторонам, Усами прошептала мне:

- Тут не очень хорошее место... Можем, пойдем куда-нибудь еще?

Так как я готов был сопровождать ее везде, - не в последнюю очередь из-за того, что мне хотелось заглазить свой поступок, - я кивнул.

- Тогда пойдем?

Ее напряженное лицо и неуклюжая походка заставили меня заволноваться о том, что скоро случится. Но я расслабился, ведь это была просто Усами.

Она привела меня в гимнастический зал, в котором было необычно тихо.

- Занятия в клубах отменили из-за экзаменов.

- Ясно, - два моих вопроса насчет необычной тишины в зале и клубных занятий Усами получили свой ответ. – Ну? Что ты от меня хочешь?

Я сел, прислонился к стене и приготовился слушать.

Обычно, когда кого-то зовут в подобное место, начинается драка со словами: «Ты меня раздражаешь!». Было бы забавно, если бы она действительно затеяла мордобой, но поскольку я, скорее всего, проиграю Усами в серьезной потасовке - она очень спортивная девочка – мне бы хотелось, чтобы это было что-то другое. Что-нибудь мирное.

- Это просто продолжение нашего разговора, - сказала Усами, время от времени поглядывая на меня. – Скажи, Нономия, вы с Ёко-сан, случайно не... м-м, ну, ты знаешь, не встречаетесь?

Я не удивился. Чуть раньше Камогава спросил меня о том же. Хотя *они* добавили с серьезными, налитыми кровью глазами: «Если это так, то можешь считать себя трупом».

- Не глупи. Конечно, нет! – я засмеялся, но Усами мне не поверила.

- Постой! Ты единственный парень, с которым она так хорошо ладит!

- Как я уже говорил, это из-за того, что мы часто вместе работаем.

- И все-таки! Когда я болтала с Цукимори, она только о тебе и говорила!

- Ответ тот же.

- Но... Но почему Ёко-сан посматривает на тебя во время уроков?

- Ты не тому задаешь этот вопрос. Спроси ее.

Для меня это было новостью.

- Говори, что хочешь, но я думаю, что вы что-то скрываете. Я знаю это!

- И?

- Э?... Что и?

Усами выглядела озадаченной.

- Что ты хочешь от меня услышать? - видя вопросительные знаки над ее головой, я надавил на бедную девушку. – Что да, мы встречаемся?

- Нет! Не так! – крикнула она, и на ее лице незамедлительно появилось выражение: «Ох, что же я сказала?!» - Ах, е-естественно, это не то, что я хочу сказать, это только вас

касается, но, эм-м, я имею в виду, разве Ёко-сан, как бы, не идол всей школы и все такое? Поэтому, видишь ли...

Ее несвязные оправдания, похоже, никогда не прекратятся, если кто-нибудь не остановит их.

- Усами.

Я похлопал по бетону рядом с собой и жестом попросил ее сесть. Она послушно села, смущенно теребя кончики своих волос.

- Честно, между мной и Цукимори ничего нет, - твердо сказал я, глядя ей в глаза.

- Ясно... так ничего нет, угу.

Лицо Усами засияло, как у ребенка, которому дали конфетку. Ее так легко понять.

Я легко заметил, что она равнодушна ко мне, даже интуиция Мирай-сан не потребовалась.

- Что ж, отлично, похоже, мы друг друга поняли.

Когда я хотел подняться, думая, что на этом все кончилось, она ухватилась за мой ремень.

- Могу я спросить еще кое-что?

Сначала я хотел все же уйти, после чего посмотреть на ее реакцию, но сдался и снова присел.

- Пожалуйста, спрашивай.

- Да, эм, Нономия... ты ведь ни с кем не встречаешься, верно?

- Верно.

Усами опустила глаза.

- Тогда... т-тебе кто-нибудь нравится? – спросила она, смотря на пол. Ее лицо было напряженно, а губы надуты, как утиный клюв.

Ее вопрос не был таким необычным. По крайней мере, мне нечего было смущаться. В обычном случае.

Однако из-за имени, промелькнувшем в моем разуме, я забыл про ответ.

- П-почему ты ничего не говоришь?

Ее тревога помогла мне прийти в себя.

- Это уже третий вопрос!

- Нет! Ты уходишь от ответа! Значит, она есть! Та, которая тебе нравится!

Шокированная Усами расширила круглые глаза и отодвинулась назад. Меня так и подмывало поддеть ее.

- Э? Кто? Кто это?! Ах! Это Ёко-сан, да? Это Ёко-сан!

- Мы вернулись к тому, с чего начали. Ради чего я потратил эти минуты? Верни мне мое время!

- Но кто же тогда это может быть?

- Расскажи мне, из-за чего ты так в этом уверена?

- Из-за женской интуиции!

Ее немедленный ответ заставил меня задуматься, о чем лепечет эта обезьянка, но, поскольку она и вправду женщина, я был бессилен перед оружием, называемым «женской интуицией», которая оставалась для мужчин загадкой.

Ведь до этого я вспомнил имя Ёко Цукимори, так что спорить было глупо.

- Я думаю, что Ёко-сан видит тебя иначе. Я знаю об этом, поскольку мы уже давно знаем друг друга, - ее робость исчезла. – Даже если ты отрицаешь это, я думаю, что и ты видишь ее по-другому.

Усами говорила, глядя прямо на меня. Это был решительный взгляд.

- И я понимаю тебя, Нономия... Ведь ты всегда в поле моего зрения.

Это был взгляд принявшего решение человека.



- Я думаю, что ты не подозреваешь об этом, но тоже думаешь о ней, как о ком-то особенном... Я не могу выразить это словами, но мне кажется, что вы друг для друга особенные. Как бы это было взаимно, ты просто не заметил, поэтому все, что требовалось - слегка подтолкнуть... и ты знаешь, мне стоило поторопиться, но тогда я подумала, что это будет эгоистично. Но теперь, вместо того, чтобы притворяться хорошей девочкой и сожалеть, я решила, что мне пойдет быть плохой девочкой... сделать по-своему, идти напролом... так что, эм-м...

Усами торопливо добавила: «С-сейчас». Глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз, потом встала.

- Я, Чизуру Усами, люблю... тебя.

Только она могла так признаться.

Вряд ли найдется человек, который отказался бы от такого. Я стал любить ее еще больше.

- Спасибо тебе, - сказал я на автомате.

- Э? Пожалуйста... – ответила сбитая с толку Усами.

Я был искренне счастлив, поскольку мне нравилась она – девочка, которая являлась полной противоположностью мне.

Подул мягкий ветерок, словно школьных стен для него не существовало. В зале было так тихо, что даже обычный шум казался лишь иллюзией.

Внезапно Усами вытянулась, , и...

- НЯ-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я!

...закричала предсмертным криком кошки прямо в голубое небо.

- А-ах. Я чувствую такое облегчение! Так рада, что сказала это!

Ее лицо буквально сияло.

- Прости, что отвлекаю тебя от твоего достижения, но что мне теперь делать?

- М-м?

- Я ведь еще не дал ответ.

Я подумал, что стоит ответить ей прямо, даже если ей придется услышать не совсем то, чего она желает.

И в следующее мгновение Усами залилась веселым смехом.

Вообще-то я хотел быть максимально тактичным, но, похоже, если ты делаешь не то, что привык, то всегда получаешь плохой результат.

- Не нужно сдерживать себя. Я и не жду ответа. Но мы же говорим о тебе, Нономия?

Она говорила шепотом. Поскольку она смотрела в пол, я не видел ее лица.

- Я не знаю, что это должно значить, поэтому пока побуду в шоке.

- Я заметила тебя с того момента, как мы пошли в школу, и давно знала, что ты не так прост. Я не рассчитываю на твое согласие!

Моя гордость не позволила признать, что она была права.

- У меня смешанные чувства от такой характеристики.

Я невольно пожал плечами. Так вот что называют «потерей лица».

- Но знаешь... - робко начала Усами, качая ногой. – Я все еще люблю тебя, так что у меня нет другого выбора, кроме как выкладываться на полную!

Ее мочки ушей были почти такими же красными, как помидоры.

- У тебя довольно необычные вкусы.

- И чья это вина? – возразила покрасневшая Усами.

Даже ее сентиментальность и простота, обычно считающиеся слабостью, вместе с прямой и упорной натурой только добавляли ей привлекательности.

Она напомнила мне об одной фразе.

«Влюбленные девушки неуязвимы».

Усами показала пальцем на меня, остановив его прямо перед моим носом.

- Но однажды я обязательно услышу, как ты скажешь, что любишь меня! Обязательно!

Ее робость заменилась обычной напористостью.

Однако я заметил, что ее палец слегка дрожал.

Этой, похожей на зверька, девочке с именем Усами приходилось затрачивать много усилий, чтобы сделать то, что я могу сделать с легкостью, но в то же время она творит такие чудеса, о которых я могу только мечтать.

Это относилось и к ее признанию.

Может, это выглядит натянуто, но я восхищался Усами. Скорее всего, из-за того, что у нее были такие качества, о которых я даже не мечтал.

И такие моменты были ее триумфом, я хотел обнять ее.

Однако я специально избрал другой путь.

- Интересно. Пожалуйста, приложи все свои усилия, - сказал я, сохраняя спокойствие. - Но позволь мне предупредить тебя: не думай, что я так просто влюблюсь в такую девочку, как ты!

- Что ты сказал?! Не забудь эти слова!

- Да, да.

- Черт возьми! Я покажу тебя, что такое хорошая женщина!

Ну, ладно. В конце концов, я «непростой» чудак, который думает, что разозленная Усами – самая милая Усами.

И вновь я пришел к тому же выводу: я был бы очень счастлив, если бы она была той, кого я люблю больше всех.

И в тот момент я, наконец, осознал, что в моем разуме была девушка, которую я не могу игнорировать.

Следующий день. С утра без остановки моросил дождь.

Мои чувства к ней колебались в неясном состоянии. Слишком нечисты, чтобы назвать их любовью, но слишком сильны, чтобы назвать их интересом.

В первый раз в моей жизни меня переполняли эмоции. Но если это была цена, которую я должен был заплатить за самостоятельную жизнь, я готов был принять это неудобство.

Конечно, рецепт убийства был препятствием, тормозившим эти чувства.

Мне нравились загадочные девушки, но даже я чувствую себя в неловком положении, когда дело доходит до секрета, который нельзя хранить только из-за хороших отношений. Например, убийство.

Не так легко принять человека, который, возможно, убил кого-то. Не столько из-за этических причин, сколько просто из-за страха за свою жизнь.

В любом случае, я мог бы быстро все узнать.

Просто нужно спросить у нее напрямую, убила ли она кого-то или нет.

Если она ответит: «Нет», - я могу со смешком отбросить свои надуманные предположения, послать смятый рецепт убийства в полет к сжигаемому мусору и обрести обычную повседневную жизнь, которая была немного лучше, чем нынешнее положение дел с Ёко Цукимори.

Разве этого недостаточно? Просить большего будет некультурно. Всегда есть соломинка, которая может сломать спину верблюда.

А что, если она ответит: «Да, я убила кого-то»?

Я подумал, что содержание рецепта убийства совпадало с причиной смерти ее отца.

Любой, даже не имеющий такого воображения, как у меня, должен прийти к выводу, что рецепт убийства был написан, чтобы убить ее отца.

Более того, очевидно, что автор рецепта и есть убийца.

Я опустил взгляд на плечо. Перед моими глазами и носом был элегантно завитый локон черных волос.

Словно скатываясь по американским горкам, капля воды заскользила по ее волосам только для того, чтобы в конце путешествия исчезнуть в сером воздухе.

Я как-то напрягся, когда сравнил свою судьбу с этой каплей.

Заметив мой взгляд: «М?», - она склонила голову набок, улыбнувшись своей улыбкой заботливой сестры.

- Подойду поближе. Иначе намокну.

Она счастливо прильнула ко мне, словно мы были парочкой. Ее грудь размером с ладонь мягко прижалась к моему плечу.

Ей, как дьяволу, должно быть, нравилось соблазнять меня.

Но я ничего не мог поделать. Шел дождь, и только у меня был зонт. Поэтому сейчас расстояние между нами было меньше обычного.

Наверняка у нее в сумке был складной зонт. Сложно было поверить, что такая предусмотрительная девушка выйдет из дома без зонта.

После работы мы шли к ближайшей остановке. Я начал провожать ее после того, как она сказала, что за ней кто-то следит.

После той ночи Цукимори сказала: «Я чувствовала себя в безопасности, когда ты провожал меня домой. Если это тебя не затруднит, можешь сопровождать меня каждый день?» Естественно, я немедленно ответил: «Нет, потому что...» - но, к сожалению, мы были в комнате для персонала и в итоге против меня ополчились все: «Ну же, проводи ее!»

Они не отпускали меня до тех пор, пока я не взмолился: «Так, давайте сойдемся на том, что я буду провожать ее до остановки!» Это было в самом деле непостижимо.

Однако жизнь иногда приобретает неожиданный поворот. К моему величайшему удовольствию, путь до остановки был просто создан для разговора с глазу на глаз.

Я подождал, пока на светофоре загорится красный свет.

- Когда я вчера смотрел новости, мне стало интересно... - начал я. - ...Почему люди убивают?

Вообще-то я не смотрел новости. Но наверняка вчера произошло какое-нибудь убийство, учитывая атмосферу общества.

- О, тебя сегодня потянуло на философию? Мне нравится твое задумчивое лицо, - сказала она странно влажным голосом, словно не только ее волосы, но и связки попали под дождь.

- Это из-за дождя? Он навевает сентиментальное настроение? Из-за него ты читаешь те книги, к которым обычно и не притрагиваешься.

- Точно, если я веду себя необычно, то это может быть из-за дождя.

Из-за ее слов я начал подозревать, что я выбрал этот день не случайно, а из-за плохой погоды.

- В любом случае, что ты об этом думаешь?

Наше музыкальное сопровождение состояло из звуков стучавших по зонту капель, разрезающих лужи автомобилей и крови, циркулировавшей в моих жилах.

- Ну...

Цукимори смахнула прядь черных волос с щеки, испуская аромат роз.

- Потому что они, наверное, хотят убить.

Равнодушный голос.

- Потому что хотят убить? И все? Ты думаешь, этого достаточно, чтобы убить кого-то? Я был задет ее очевидно небрежным ответом.

- Это не так.

- Что ты имеешь в виду? Боюсь, пока ты не пояснишь, простой ученик не поймет гения.

- Ох, не сердись. Я не шучу, правда. Я в самом деле думаю так.

Она слегка пожала плечами, заметив мой косой взгляд.

- Вообще, я думаю, что в большинстве случаев проблема может быть решена без убийства, к примеру, если это обида или зависть. Конечно, есть исключения, вроде убийства ради получения страховки.

На светофоре загорелся зеленый свет. Рой зонтов пришел в движение, оставляя за собой лишь красный зонт, под которым стояли мы.

- Ты не считаешь, что отомстить можно и другими способами?

Я с трудом мог придумать хотя бы один, но без проблем предположил, что Цукимори знает несколько подобных способов.

- Каждый убийца должен искупить свои грехи по законам жизни или государства. Было сказано: «Живи мечом, умри от меча». Я думаю, что это относится и к убийству. Это глупый и безрассудный метод - и ничего более. Это можно назвать по-разному - «яростью» или «импульсом», но для меня все сводится к роли настроения - роли «желания убить», - сказала она и пояснила: - Я расцениваю все иррациональные поступки, как следствие настроения.

- Как ты и сказала, убийство и правда может быть бессмысленным поступком.

Я согласился с ее мнением. Я был даже тронут. Но из-за этого до странного уютный момент выглядел для меня неестественным.

На первый взгляд, ее хорошо обоснованная речь позволила ей выглядеть справедливой, образцовой ученицей. Но если копнуть глубже, она говорила только о *средствах достижения цели*.

Короче говоря, она спорила только об эффективности убийства, как метода.

То есть она не полностью осуждала убийство?

- Но и тут есть исключения, верно?

Я не мог увидеть ее лицо. Едва виднелись лишь ее губы.

- Например?

И эти губы были растянуты в улыбке.

Мы стояли под круглым маленьким зонтом, окруженные сплошной стеной дождя и ночи. Несмотря на то, что город был наводнен людьми и всеми видами звуков, раскрашен в разные цвета, я чувствовал что-то вроде отчуждения от всего, словно мы были одни в лифте в полночь.

- Например, если бы ты могла убить, оставшись совершенно незамеченной.

Причиной этого феномена был я сам: я закрылся от окружающего мира.

В тот момент мой мир состоял только из Ёко Цукимори.

- Если можно, уточни. Боюсь, что твои извращенные мысли слишком сложны для моего понимания.

Она пожала плечами, словно дразня меня.

- Я говорю об идеальном преступлении... когда знающий человек увидит в этом предумышленное убийство, а для остальных оно будет несчастным случаем.

Когда я закончил с объяснением, Цукимори ответила с предельной концентрацией:

- Думаю, нам нужно провести грань между незапланированным убийством и идеальным преступлением, которое ты не можешь совершить только из-за одного желания. Ты должен быть в холодном уме и рационально мыслить, если стремишься к совершенству. Весь наш разговор строился только вокруг полезности и эффективности. О морали и нравственности мы благополучно забыли.

- Но наша полиция знает свое дело. Криминалистика достигла таких высот, по сравнению с прошлыми преступлениями. Разве можно сейчас совершить безнаказанное убийство? Она улыбнулась, словно намекая, что все это пустые мечты.

Именно тогда я нашел возможную причину неловкости, которую чувствовал уже много времени.

Наш разговор был слишком неромантичным для двух подростков, прижавшихся друг к другу в середине улицы под одним зонтом. И, тем не менее, я был поглощен им, что, скорее всего, произошло из-за моей натуры.

Меня не заботила смерть или жизнь, не имеющего никакого отношения ко мне. Разве что чужая смерть родила бы во мне любопытство. Нет, только лишь любопытство будет единственной реакцией на такое.

Я был хорошо осведомлен о моем несколько необычном складе ума.

Но что насчет нее?

Неужели знаменитая, справедливая Ёко Цукимори ведет такой необычный разговор? Для нее говорить об этом, не выказывая несогласия, должно быть пустяком, даже если ей придется скрывать свое неодобрение.

Однако для меня все выглядело не так.

Почему? Ну, потому что я чувствовал, что, как и я, она... наслаждалась подобными темами.

- Хорошо, но тогда чисто гипотетический вопрос...

Я осторожно дотронулся до левого кармана своей формы. Внутри была сложенная вчетверо бумажка.

- Что бы ты сделала, если бы у тебя была возможность совершить идеальное преступление?

Я всегда носил рецепт убийства с собой.

Моментом позже она подарила мне улыбку, напомнившую мне о звоне колокольчика.

- Хороший вопрос. Если бы я могла совершить идеальное преступление, его можно было бы рассматривать как средство достижения цели. Но в моем случае, - сказала она с озорной, похожей на полумесяц улыбкой, - я не стала бы опираться на план, который потом может стать уликой. Нелепей и быть не может - план идеального преступления сам послужил причиной провала. Я думаю, что план должен быть только в голове убийцы. Она задумалась, напевая про себя, и затем добавила: «Если подумать, то не имеет значения, было ли все запланировано или стало результатом случайностей. В конце концов, преступление идеально, если никто не увидит в нем умысла.»

Это превзошло все мои ожидания. Мне казалось, я грезил наяву.

- Только результат определяет, идеально ли это преступление или нет. Однако всему конец, если о нем узнает кто-то еще. Другими словами, преступление идеально до тех пор, пока *никто* о нем не знает.

Внезапно я заметил, что дрожу.

- Но ведь человеку свойственно ошибаться? Люди несовершенны. Именно несовершенный человек совершает ошибку. И значит, все упирается в исполнителя. Не из-за холода. И не от ухудшавшейся погоды. И не от страха перед ней.

- То есть самое важное условие идеального убийства - это не совершенный план или безупречное исполнение. Это совершенный человек.

Возможно, я дрожал от возбуждения. Потому что, похоже, я был очень взволнован.

Она хихикнула.

- Смешно, правда? Это просто очередная невыполнимая теория, написанная на бумаге. Идеальных людей не бывает. Ну, конечно, те, кто расследуют преступление, тоже люди, так что ошибки случаются и у них. Но я все же считаю, что идеальное преступление неосуществимо до тех пор, пока не произойдет строгая последовательность случайностей. Так что я не мог лаубить своего отца верно нономия кун?

Возможно, мой извращенный характер просто сыграл со мной злую шутку, но я не мог не подумать о том, что именно это она и хотела сказать.

Я энергично покачал головой.

- Не знаю, не знаю.

Я повернулся к ней и взглянул в миндальные глаза. «Почему?» - спросила она, вновь с улыбкой. Я увидел свое отражение в ее зрачках.

- Ты солгала. Ты говорила, что в этом мире нет идеальных людей... но я знаю, по крайней мере, одну такую личность.

Она не спросила: «Кто?», а просто кивнула головой: «Понятно».

Она подловила меня... Так стало намного веселее!

Вина за то, что я был более разговорчив, чем обычно, и чувствовал, как от возбуждения бьется мое сердце, целиком лежала на Ёко Цукимори.

Почему все наши разговоры были такими волнующими?

Возможно, я просто получал удовольствие от разговора об аморальных вещах, но что было бы, если бы я говорил не с ней? Доставляло бы это подобное удовольствие?

Притворяясь раздраженным ее обычным поведением, я очень хотел продолжать этот разговор.

Так ли важна тема беседы? Разве я просто не желал чего-то волнующего, не существовавшего в моей прежней повседневной жизни, расспрашивая ее про рецепт убийства? Не было ли *это* причиной, по которой я, сам не осознавая, продолжал гулять по лезвию ножа?

Не боялся ли я возвращения в скучную реальность после открытого разговора об идеальном убийстве?

Мои действия не основывались на чувстве справедливости. Только на заинтересованности, любопытстве и желании узнать о ней побольше.

Так что я желал чего-то, что связало бы меня с обворожительной девушкой, которую звали Ёко Цукимори.

Но в то же время я хотел узнать, использовала ли она на самом деле этот или нет. Я противоречил самому себе.

Да. Я почти сделал еще один шаг к ней.

Я хотел увидеть ее такой, какой не видел никто.

Зеленый свет на светофоре вновь замигал. Сменился еще одним красным.

Дождь и не думал униматься, ударяя по асфальту с постоянным ритмом. Поток людей, направлявшихся к остановке, стал реже, город постепенно остывал.

Я тихо перевел дыхание, чтобы она не заметила моего растущего возбуждения. Затем медленно провел пальцами между пуговиц, засунув их во внутренний карман.

Я принял решение. Я спрошу напрямую.

Но Цукимори внезапно обняла меня. Пойманный врасплох, я не мог вытащить пальцы из кармана.

- Мне холодно... - прошептала Цукимори, выпустив изо рта белый пар еще до того, как я успел удивиться.

Ее глаза были полны слез, волосы намокли. Она очень чувственно прижималась ко мне, а прекрасные губы, казалось, просили поцелуя.

Мягкое прикосновение, которое я мог чувствовать через одежду, осталось прежним, но она и правда замерзла.

Не стоило так долго болтать с ней на холоде, но я не был ни сумасшедшим, ни столь осведомленным в любовных делах, чтобы обнять девушку на виду у всего города.

Я положил руки ей на плечи, желая высвободиться из ее объятий, но она тут же покачала головой, упрямо сказав: «Нет!», и обняла меня еще сильнее. Контрастируя с детским поведением, ее тело было развито более чем достаточно, чтобы зародить во мне запутанные чувства.

Вдруг я почувствовал какую-то вибрацию у ее груди.

- Господи, нашли время...

С сожалением на лице она достала мобильный телефон. Мне было довольно щекотно, учитывая, как сильно она прижималась ко мне.

Я вытащил руку из пиджака и спрятал ее в карман брюк. Из-за неожиданного звонка мое возбуждение полностью испарилось.

- Слушаю.

Она нахмурилась сразу после того, как начала разговор.

- Моя мама? Нет, ничего не слышала. Она была дома, когда я уходила в школу.

Во время разговора девушка становилась все мрачнее и мрачнее. Я не мог расслышать, что говорил звонивший, но это, очевидно, были не очень хорошие вести.

- Да... Поняла. Уже иду. Да. Если я что-нибудь узнаю, то сразу перезвоню.

Она нажала на кнопку и устало вздохнула.

- В чем дело? – спросил я.

Она посмотрела на меня со слезами на глазах.

- Мама не пришла на работу, в кулинарную школу, - ответила она наконец. – Она никогда так раньше не делала. Поэтому кто-то из ее коллег заволновался и позвонил мне.

- Может, она заболела?

Дешевые слова утешения.

- Хотела бы я знать... он сказал, что звонил на наш домашний телефон несколько раз.

Конечно, он пытался дозвониться и на ее мобильный. Но у него не получилось, потом он позвонил мне, думал, что я что-то знаю...

Она осеклась и, нахмурившись, погрузилась в раздумья.

Я вздохнул. Почему-то я чувствовал, что это не сулило мне ничего, кроме проблем.

- Пойдем домой.

Я крепко схватил ее холодную руку и повел девушку за собой на остановку.

- Э?..

Я услышал ее растерянный голос.

- Похоже, у тебя кое-какие проблемы, так что я не стану задерживать тебя и пойду домой,

- быстро сказал я. - Полагаю, такая фраза подошла бы мне лучше... Но как я могу оставить тебя одну в такой момент? К тому же, мне не хочется думать о реакции Мирайсан, узнай она, что я попрощался с тобой именно сейчас.

В ответ на мое незамысловатое объяснение она сказала: «Эта твоя извращенная сторона личности так очаровательна».

Ее довольный голос.

Подумав, что она дразнила меня, я спешно начал придумать хороший ответ. Однако, когда она прошептала мне на ухо: «Спасибо», и я почувствовал ее холодные пальцы, крепко сжимавшие мою руку, я больше не жаловался.

В темном и холодном жилом районе не было ни души. Разбушевавшийся дождь, обрушившийся на нас, вызывал у меня чувство одиночества, несмотря на то, что Цукимори была рядом со мной.

Мы торопливо поднялись по длинной, крутой лестнице, на конце которой нас ожидал ее дом со своим особенным в геометрическом плане дизайном, который выделял его среди других зданий.

Цукимори много раз пыталась дозвониться на домашний телефон и на мобильный своей матери, но все, что она услышала, - голос автоответчика. Полагаю, что именно из-за груза беспокойства я больше не слышал ее беззаботных замечаний. Мы наконец добрались до места.

Я был настолько жалок, что я не мог найти подходящих слов утешения.

Я прошел за Цукимори в коридор. В доме было совершенно тихо.

Конец длинного коридора растворялся во тьме. Из-за зловещей ауры мне стало казаться, что мы очутились в мрачном логове демонов.

Когда я снял туфли в коридоре, она сказала: «Ты простудишься. Подожди немного, я принесу полотенце».

Быстро пройдя по темному коридору, Цукимори уверенно щелкнула по переключателям на стене, и дом постепенно наполнился светом.

Я медленно прошел через светлый коридор в гостиную.

Осмотревшись, я понял, что с моего прошлого визита ничего не изменилось, лишь из-за тишины вокруг мой слух обострился. Если вспомнить, в ту ночь мы были одни. И в эту ночь мы, видимо, снова одни.

Здесь никого не было - вот что сказала мне интуиция, когда я вошел в дом. Что ж, вполне возможно, что ее мать упала в обморок где-то в доме, но вряд ли. Вернувшаяся Цукимори сообщила: «Когда я ходила за полотенцем, то по пути заглянула в пару комнат, но не нашла ее. Наверное, ее тут и правда нет...».

- Надеюсь, с ней все в порядке...

Я улыбнулся задумавшейся Цукимори.

- Может быть, все не так уж серьезно и ей просто не хотелось идти на работу – снаружи такой мерзкий дождь.

- Ты имеешь в виду, что она просто не пошла на работу?

- Ну, я, например, часто думаю о том, чтобы прогулять школу или не пойти на работу, когда катаюсь на велосипеде в хороший денек.

Я нашел свое замечание смехотворным.

- Надеюсь, что это так.

Но благодаря ее слабому смеху мне не пришлось ругать себя.

- Может, она оставила записку?

- Ты прав. Я поищу.

Цукимори бодро кивнула. По-видимому, к ней вернулось самообладание. Я пошел вслед за ней на кухню.

Мое желание не упустить шанса открыто осмотреть ее дом не уступало моим угрызениям совести за то, что я пользовался ее беспокойством о матери.

Моему взору представилась элегантная кухня в желтоватых тонах.

- Как и ожидалось от учителя кулинарной школы, - прокомментировал я большой холодильник, непривычные продукты и кухонную утварь.

- Из Италии, если не ошибаюсь.

Пока Цукимори проверяла кухню, я осмотрелся и пролистал одну из кулинарных книг ее матери.

Вообще-то я не надеялся на записку. Хотя было бы здорово, если бы она все-таки нашлась. А я хотел найти что-нибудь связанное с рецептом убийства. Например... немного новой информации о рецепте.

Я понимал, что это было неблагоразумно. Как бы там ни было, мне искренне нравилась такая атмосфера. Я наслаждался удовольствием, сравнимым с работой детектива или исследованием грота в поисках сокровищ.

- Похоже, что здесь ничего нет. Может, в ее комнате?.. – мрачно сказала Цукимори и вышла из кухни, а я без слов последовал за ней.

Она открыла одну из дверей коридора, и я ощутил приторный запах духов. Стены, обклеенные белыми обоями, занавеска, украшенная тесьмой, туалетный столик у стены и комод, заполненный косметикой. Очевидно, что это было комната ее матери.

- Ты хорошо ладила с матерью?

- Да, весьма хорошо.

На тумбочке у кровати с цветочными узорами было несколько рамок с фотографиями, на каждой из которых были Цукимори и ее мать.

- Твои родители спали отдельно?

В комнате была только одна одноместная кровать.

- Я всегда думала, что так и надо, но, похоже, супруги должны спать вместе. Наверное, это все было из-за работы, и им было так удобнее.

- Мои родители спят вместе на большой кровати. Но судя по «я проснулась ночью, потому что ты продолжал перетягивать на себя одеяло», что я часто слышу от мамы по утрам, полагаю, они неплохо ладят.

Она тепло улыбнулась.

- У тебя фантастические родители.

Потому я просто равнодушно ответил: «Нормальные».

- Не хочу задерживаться в женской комнате, - сказал я и быстро вышел оттуда, чтобы подождать в коридоре. Меня просто раздражал приторный запах духов.

Пока Цукимори искала записку возле туалетного столика, я спросил ее: «Где комната твоего отца?»

Не могу сказать, что у меня не было скрытого мотива.

- Прямо напротив.

Как и не могу отрицать, что это было лишь предлогом к исследованию ее дома в спокойном одиночестве.

- Нам лучше разделиться. Я поищу в комнате твоего отца.

Но я и правда хотел помочь ей, хотя подобное было не в моем духе, увидев, как взросло она себя ведет.

- Спасибо. Но его комната может быть немного пыльной. Ее не трогали с тех пор, как его не стало... - извиняющимся тоном сказала Цукимори.

- Ничего, - ответил я и направился к двери напротив.

Комната выглядела как библиотека.

Все книги, находившиеся у одной из стен, были связаны со строительством. На блестящем серебристом столе была большая груда книг и настольный компьютер. На краях стола лежали по одному беспроводному телефону. Я понял, что для ее отца эта комната была библиотекой и рабочим кабинетом.

В подтверждение слов Цукимори, каждый мой шаг оставлял за собой след на покрытом пылью полу. Много пыли было и на оконных рамах.

Я остановился. Услышал кое-что.

Цукимори говорила, что комнату не трогали. Но я уловил едва уловимый звук, напоминавший комариный писк.

Звук маленького кулера.

Я подошел к серебряному столу. Компьютер был включен, просто находился в спящем режиме. Я нажал на кнопку.

- Цукимори...

Как только я увидел, что было на экране монитора, я назвал ее имя.

Она пришла из соседней комнаты и, закрыв один глаз, спросила: «Что?»

- Вот, - сказал я, показав на монитор.

Ее мать действительно оставила сообщение.

- Это... - пробормотала она в удивлении и замолчала, продолжая смотреть на монитор.

Время остановилось. В комнате было слышно лишь дождь и гудение кулера.

Я мог лишь наблюдать со стороны за ее прекрасным, но столь печальным лицом.

Имя ее матери было напечатано в «Блокноте» вместе с коротким комментарием:

«Мне жаль».

В тот день я вернулся домой на патрульной машине в три часа ночи.

## Тигр с сигаретой

Когда я, борясь с зевотой, пришел утром в школу, Цукимори нигде не было видно.

Разумеется, все в нашем классе обратили на это внимание.

Усами поглядывала на меня с того момента, как я зашел, видимо, желая расспросить меня о ней.

Это было не похоже на обычную Усами. Наверное, она все еще не могла прийти в себя после своего признания.

Я прекрасно могу представить, как Усами переживала и ворочалась в кровати, чувствуя сильное сожаление насчет этих необдуманных слов.

Внезапно наши глаза встретились. Она сразу же отвела взгляд, причем ее уши и шея ярко покраснели.

Похоже, мой прогноз оказался верным.

Я не смог сдержать улыбку, наблюдая за ее забавным поведением.

- Что случилось, Усами?

- Э? Ч-что? Что? Что должно было случиться? - она так сильно начала заикаться, что даже вскочила на ноги.

- Разве ты не хочешь меня о чем-то спросить?

- Нет! Не хочу! Пока нет! Я должна еще немного собраться с духом! Я пока не хочу это слышать!

А, так вот в чем дело.

Мысленно вздохнув, я помог ей успокоиться, мягко спросив: «Разве ты не хочешь спросить меня насчет Цукимори?»

- А-а-а, так вот что ты имел в виду, - облегченно вздохнула Усами. - Да, верно. Почему она сегодня отсутствует?

Усами, сидящая за партой сразу позади меня, начала двигать головой туда-сюда, словно маленькая обезьянка.

- Кто знает. Возможно, она простудилась из-за дождя? - неясно ответил я.

Ни Цукимори, ни полиция не запрещали мне говорить об исчезновении ее матери, но я не хотел ничего рассказывать об этом моим одноклассникам. Я решил быть деликатным по отношению к чувствам девушки.

Я прекрасно понимал, что такая симпатия не свойственна моему характеру, но не мог ничего с этим поделать, поскольку увидел ее в ужасающе подавленном состоянии, гораздо худшем, чем я мог себе представить.

Более того, если я кому-либо расскажу насчет ее матери, меня наверняка замучают вопросами, откуда я знаю об этом. Всего лишь мысленно представив, что будет, если мои одноклассники, особенно Камогава и Усами, прознают о том, что я был у нее дома, у меня появились признаки головной боли. Поэтому мой ответ и был таким неясным, ведь я еще и защищался.

Я смертельно устал из-за того, что всю ночь не спал, а также из-за того, что перенапряг мозги. По крайней мере, я не хотел больше неприятностей.

- Может, стоит навестить Ёко-сан?

Нет, я же сказал, хватит неприятностей.

Я вздохнул и с упреком спросил: «А как же клуб?»

- Хм...

Усами посмотрела на меня, словно щенок, пытающийся угадать настроение хозяина.

- Даже не думай пропускать, - предупредил я ее.

- Хорошо, я знала, что ты это скажешь...

Усами развалилась на парте.

- Раз так, то не стоит даже думать об этом!

- Но я волнуюсь! - начала оправдываться Усами, все еще лежа в прострации на парте.

- Я просто предположил, что она, *возможно*, простудилась. Мы же не знаем точно. Поэтому можешь позвонить ей, если она и завтра не появится. Как бы там ни было, похоже, у меня нет другого выхода, кроме как позвонить Цукимори и сказать ей, что она простудилась. Эх, я плохо умею врать. Но с радостью увидев, как Усами послушно кивнула, лежа одной щекой на парте, мое напряжение немного спало.

- М-м-м, хорошо.

Школьная жизнь была более мирной, чем обычно. Из-за отсутствия Цукимори притихли даже Камогава и его единомышленники. Я уже давно не чувствовал такого спокойствия. С тех пор, как я подобрал тот листок, Ёко Цукимори заняла особое место в моей жизни. Разумеется, говоря особое, я подразумеваю совсем другое, нежели все остальные. Я, один лишь я знаю ее секрет: рецепт убийства. Я внимательно наблюдал за ней, принимая во внимание этот рецепт. Я очень аккуратно общался с ней, поскольку предполагал, что она убила своего отца. В результате, я никогда не мог расслабиться, если она находилась поблизости. Однако эти дни, похоже, подошли к концу. Я дотронулся до нагрудного кармана.

- Думаю, нам скоро придется попрощаться. Я удивился тому, насколько печально прозвучали эти слова. Скорее всего, эти дни, вращавшиеся вокруг Цукимори и рецепта убийства, были мне дороже, чем я думал. Видимо, в этом и была причина некоторого одиночества, которое я ощущал, возвращаясь к своей привычной мирной жизни. Вследствие множества происшествий, касающихся рецепта убийства, я пришел к следующему заключению:

*Ёко Цукимори никого не убивала.*

Я не знаю никого настолько же умного и решительного, как она, но оценивать кого-либо так однобоко - это значит начинать с неверной предпосылки. Однако с моей точки зрения, она была вполне нормальной девушкой, когда вела себя на похоронах своего отца как заботливая сестра или когда стояла, как вкопанная, перед экраном, отображающим последние слова ее матери, ну или что бы они там ни значили. Разве не она говорила, что убийство - это глупый и легкомысленный путь? настолько умная... умнее всех остальных, кого я знаю... она бы никогда... ни при каких обстоятельствах... не стала бы прибегать к убийству. Я даже не могу придумать, зачем ей это делать.

В конце концов, я просто не могу представить ее убийцей.

Некоторое время Цукимори не ходила в школу. В первый день все сохраняли спокойствие. Однако во второй день в классе началась суматоха, поскольку все беспокоились о ней. Как и следовало ожидать, всеобщее внимание было направлено на меня, поскольку мы работаем в одном кафе. Но я косил под дурачка, как и планировал. Что после этого началось! Предположения порождали предположения, которые становились слухами. И на третий день имя Ёко Цукимори было у всех на устах. Она в госпитале, потому что обострилась ее простуда. Ее похитили и держат в заложниках. Она снимается в Голливуде. В нее с первого взгляда влюбился принц и забрал в свою страну, чтобы жениться на ней. Такие абсурдные слухи были повсюду. А я лишь втихаря посмеивался.

Ходит Цукимори в школу или же нет, но она всегда в центре внимания. Я еще раз убедился в том, насколько же выделяется эта девушка.

Однако на четвертый день возникли слухи, от которых мне было не до смеха.

Цукимори помогает полиции с поисками друзей и знакомых ее матери, а также посещает места, куда могла бы отправиться ее мать. Выкладываясь по-полной, у нее даже не хватает времени на сон.

Источником этих слухов был ученик, у которого родственника вызвали в полицию.

Эта информация распространилась по школе со скоростью чумы. Подкрепленная информацией, подтверждавшей исчезновение ее матери, слухи стали истиной на следующий понедельник.

А затем, еще через одну неделю, закончился непрекращавшийся дождь, уступив местно безоблачному синему небу.

Ранним утром того дня ее мать, наконец, обнаружили.

Но она уже была мертва.

Ее нашли на склоне холма, который находился недалеко от элитного жилого района.

На его вершине был маленький парк, с которого открывался вид на весь город. Границами этого парка являлись крутые обрывы, а потому он был обнесен забором, через который, однако, может с легкостью перебраться взрослый человек.

Судя по тому, где ее нашли, она упала с одного из этих обрывов.

Ее так поздно нашли, потому что она не упала на подножие холма, к тому же была скрыта от глаз посторонних цветущими азалиями, покрывавшими весь склон.

Согласно словам полицейского, который отправился на место происшествия, он никогда не видел такого прекрасного трупа. Он заявил, что красота ее матери, обрамленная пурпурными цветами, была словно картина, помещенная в рамку. Он даже ненадолго забыл, что это труп, вероятно, смущенный запахом цветов.

Представив эту сцену, я покрылся мурашками. Как бы мне хотелось самому испытать это.

Новости о смерти ее матери удивительно быстро разошлись по школе и вызвали огромную волну жалости по отношению к бедной девочке Ёко Цукимори, которая потеряла еще одного близкого родственника.

Я тоже испытывал к ней некоторую жалость. Мне было жалко ее и ее мать. Но в отличие от всех остальных, я не был удивлен. Я ожидал подобного развития событий.

Почему? Потому что я пришел к выводу, что *ее мать* использовала рецепт убийства, чтобы убить ее отца.

На это были две причины.

Во-первых, семейные обстоятельства.

На похоронах я услышал, что отец, мать и дочь находились в хороших отношениях с соседями. Более того, ее мать испытывала большие страдания, когда рыдала перед фотографией своего мужа.

Я решил, что семья Цукимори это дружелюбная семья с хорошими отношениями между мужем и женой.

Однако когда я увидел спальню ее матери, то усомнился в этом.

Цукимори не волновало, что ее родители спят в разных комнатах - это означало, что у них не все ладилось. Ну, трудно назвать семейную пару гармоничной, если они спят по отдельности.

Исходя из этого, я выдвинул гипотезу, что их отношения на самом деле были полной противоположностью тому, что о них думали – то есть плохими.

Во-вторых, и это главная причина - авторство рецепта убийства.

Я с самого начала был удивлен этому: почему его называли «рецепт»? Разве это не «план»?

Судя по содержанию, ему бы лучше подошло название «план убийства».

Но если я сам довольно редко использую слово «рецепт», то мне однажды пришлось в голову, что преподаватель из кулинарной школы использовал бы это слово регулярно.

Когда я пошел домой к Цукимори после пропажи ее матери, я тайно стащил листок с текстом для сравнения.

Это была рукописная заметка, содержащая дополнительные пояснения к какому-то рецепту из кулинарной книги.

Содержание было не важно. Важным было то, что тот текст был написан рукой ее матери. Я сравнил почерк заметки с рецептом убийства, и они выглядели довольно похожими. Из этого следует, что они оба были написаны одним и тем же человеком.

Иначе говоря, тайна происшествий, связанных с рецептом убийства, заключалась примерно в следующем:

Ее мать, которая была в плохих отношениях с мужем, написала и использовала рецепт убийства, сделав отца Цукимори жертвой происшествия, но не смогла справиться с чувством греха и покончила жизнь самоубийством.

В таком случае нет нужды жалеть ее мать. Грубо говоря, она получила то, что заслуживала. Я не испытывал по этому поводу никаких определенных эмоций, за исключением легкого сожаления от того, что игра в кошки-мышки подошла к концу. Рецепт убийства потерял свою привлекательность. Мои фантазии насчет него закончились, как только умерла мать Цукимори.

Я решил, что этот предмет утонет в глубинах моей памяти и больше никогда не покажется на свет.

Разумеется, это всего лишь мои догадки.

Я не отрицаю того, что несколько зияющих в этой теории дыр были просто заполнены моим воображением. Но я подумал, что обычный школьник высшей школы просто не сможет стать ближе к правде. В конце концов, я и сам был удовлетворен найденным решением.

Поэтому я не намеревался расспрашивать об этом Ёко Цукимори.

Однажды я попробую узнать у нее об этом происшествии, но только не сейчас.

Я хотел использовать этот момент, чтобы вздохнуть с облегчением.

С облегчением от того, что она никого не убивала.

К счастью или нет, но эти спокойные дни продолжались недолго.

Источником перемен стали слова полицейского, с которым я познакомился благодаря недавним событиям.

Наша первая встреча произошла той ночью, когда пропала мать Цукимори.

Как только я обнаружил на экране послание, то позвонил в полицию и сообщил им об этом вместо Цукимори, которая до сих пор была в шоке.

Через тридцать минут, на протяжении которых в доме стояла тишина, нарушаемая только тиканьем часов и шумом дождя, прибыла полицейская машина. Из нее вышли двое: полицейский в форме и высокий человек в штатском.

- А, да, да. Ясно, ясно. Ага, это должно быть предсмертная записка! - мимоходом заявил высокий полицейский. Он представился Конаном.

Мне однажды довелось побывать на полицейском допросе. Несколько лет назад по соседству произошла магазинная кража.

В тот раз к нам пришли два детектива. Но вместо того, чтобы задавать вопросы, они всего лишь предупредили нас о том, что грабитель все еще на свободе.

Эти полицейские вели себя довольно беспечно и были одеты в тренчи и простые костюмы, тем самым напоминая офисных служащих. Но по создаваемому впечатлению они кардинально отличались от простых людей. Их острые взгляды, которые они время от времени бросали на меня, были довольно пугающими.

Я почувствовал, что это было ощущение «власти» полицейских, которые всегда подвергаются чрезвычайной опасности.

Кстати, впоследствии я узнал из новостей, что грабитель был задержан во время опроса. Возвращаясь к текущим событиям, человек по имени Конан совсем не соответствовал моему представлению о детективах.

Судя по внешнему виду, ему еще нет тридцати. Но исходя из взаимоотношений между ним и молодым полицейским, он, возможно, немного постарше.

Будучи одет в приталенный темно-синий костюм с белыми полосками, Конан больше походил на вульгарного жиголо, чем на детектива.

Словно желая соответствовать своему легкомысленному образу, он болтал без умолку и в результате был определен мной в разряд людей, к которым я испытываю сильную неприязнь.

- Ого, ну и милашка. Ты работаешь в шоу-бизнесе? Нет? А следовало бы! Ты всех затмишь своей красотой! Ладно, ладно, я же шучу! Кстати, сколько тебе лет, Ёко-сан? Семнадцать? Ого, а сколько у тебя сестер? Я имею в виду старших. О, у тебя нет ни одной? Совсем нет? Правда? Значит, ты единственный ребенок. Какая жалость. Это плохо. Но все в порядке! Готов поспорить, что твоя мать такая же красивая, как ты, и все еще довольно молода, верно? Ясно! Я так и думал! Эй, ты ее слышал! Мы должны найти эту леди!

Конан продолжал болтать, не обращая внимания на второго полицейского, который был явно обескуражен. Поначалу, Конан мне просто не понравился, но через несколько минут я уже возненавидел его.

И дело было даже не в его бестактном отношении к Цукимори. Я имею в виду, разве он не полицейский? Неужели именно так общаются с подавленной девушкой, у которой пропала мать?

Конан выглядел странным и совершенно неприятным человеком.

Молодой полицейский задал нам пару вопросов вместо своего начальника, вроде: «Была ли твоя мать чем-либо обеспокоена?» или «Ты не знаешь, куда она могла отправиться?». Вздохнув, Цукимори прикрыла глаза и провела рукой по волосам: «Не имею ни малейшего понятия».

Молодой полицейский чутко и спокойно сказал ей: «Не хотелось бы такое говорить, но есть вероятность, что твоя мать пропала в связи с самоубийством. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти ее, но, пожалуйста, будь готова к худшему».

Не ответив, Цукимори слабо кивнула головой.



Ее неспешные движения и молчаливость создавали холодный, но прекрасный образ идеальной куклы.

Будучи бестактным до бесконечности, я мечтал о том, чтобы поиграть с ее хрупкой кукольной шеей и алыми губами, которые так сильно контрастировали с белоснежной кожей. На похоронах ее отца я заметил, что во время наблюдения за печальной Цукимори, похожей на полуночную луну, у меня создается особое умиротворенное настроение. Эта картина никогда мне не надоест.

Поскольку мне не нужно было отвечать на вопросы и вместо этого пришлось выслушивать бесконечную болтовню легкомысленного человека, то я заскучал и расстроился. Но благодаря чашечке кофе и возможности полностью насладиться «луной», мне удалось кое-как скоротать время.

Через некоторое время Конан внезапно спросил меня: «Кстати, а ты?..»

Скрыв свою подозрительность, я назвал свое имя.

- Отлично, Нономия-кун, мы отвезем тебя домой. Уже второй час ночи, тебе не на чем будет добраться, верно? - предложил Конан.

Цукимори, сидящая справа, с надеждой посмотрела на меня. Сначала я колебался, но затем принял решение и поклонился Конану: «Благодарю».

Когда я уходил, она укоризненно прошептала мне на ухо: «Я не хочу оставаться одна», - и слабо ухватила за мою одежду.

Я сделал вид, что ничего не услышал, и аккуратно разжал ее пальцы.

Разумеется, мне было неприятно оставлять ее одну. Разумеется, в данной ситуации мое присутствие ничего бы не изменило, но ей, по крайней мере, было бы с кем поговорить. Нет ничего плохого в том, чтобы дать ей хотя бы ненадолго забыть о своем горе, пусть даже при помощи моей дешевой жалости.

Однако я не смог решиться на то, чтобы возбудить подозрения Конана, который, ухмыляясь, разглядывал нас.

К моему удивлению, когда я сел на заднее сидение полицейской машины, Конан сел рядом со мной.

Заметив мой недоуменный взгляд, он рассмеялся: «Не бери в голову, я просто хотел с тобой немного поболтать».

Однако я почувствовал в его смехе власть полицейского.

Мы проговорили всю дорогу до моего дома. Хотя восемьдесят процентов слов принадлежали ему.

- Ты парень Ёко-тян, не так ли? Э? Нет? Ты же был у нее дома. Послушай, обычно парень не приходит так поздно в гости к девушке, если она не его подруга. А-а-а, сослуживцы, ясно. И еще одноклассники. О-хо-хо, значит, между вами ничего нет. Ну, ты же понимаешь, что твой милый друг и помощник чуть не начал завидовать тебе и твоей цыпочке! Верно? Разве ты не согласен? Эй, смотри на дорогу! Хотя это я не тебе! Хе-хе! - пошутил Конан, вовлекая в разговор молодого полицейского, который вел машину. - Кстати, вот мой номер телефона, мой новый приятель. Звони, не стесняйся. *Это мой служебный номер.* Что я хочу этим сказать? О, я всего лишь хотел прояснить, что я честен. Может, я и не произвожу такого впечатления, но мне не хватает женского внимания! Хм? *Произвожу?* Почему-то люди всегда мне такое говорят. Ха? Ты не это хотел узнать? Ах, не надо сдерживаться, потому что разговоры помогают расследованию. Когда мы кого-нибудь разыскиваем, то всегда рады любой информации. Никогда не знаешь, что именно может оказаться зацепкой, пусть даже поначалу это выглядит сущей безделицей. Ты можешь отрицать, что встречаешься с Ёко-тян, но, судя по тому, что я видел и слышал от нее, вы довольно близки. Поэтому если ты узнаешь что-либо, касающееся ее или ее матери, позвони мне.

И Конан начал регулярно мне названивать.

Можно не говорить, но каждый из его звонков был весьма продолжителен.

Разумеется, эти долгие разговоры меня невероятно раздражали, и я до сих пор мне не проявлял к нему симпатии. Однако я продолжал играть в его партнера, потому что решил немного воспользоваться им, ведь он хотел сделать со мной то же самое.

За то, что я рассказал ему все, что знаю, он уведомлял меня о текущем ходе расследования. Хотя этот обмен был явно не в пользу Конана, потому что вся данная мной информация была очевидной и общеизвестной. Возникает вопрос - выдавал ли он мне данные о ходе дела благодаря своей прирожденной болтливости или же он просто считал все это малозначимым.

В любом случае, меня всегда интересовали его звонки, какой бы ни была тема разговора. Несмотря на мое мнение о самом Конане, я был заинтригован особенностями работы полиции, а его истории идеально подходили для моего хобби - фантазирования.

Наконец, все улеглось, и Ёко Цукимори собралась вернуться в школу и на работу.

Однако за день до этого в «Виктории» перед самым закрытием появился один посетитель. - Ага, теперь понятно, почему ты не интересуешься девушками, Нономия, - подперев руками подбородок, сказала Мирай-сан, разглядывая подтянутого мужчину, который присел за столик.

Дополняя образ, этот похожий на жиголо человек бодро махал рукой в сторону кухни, а точнее мне.

- Я специально не стану спрашивать, что именно ты нафантазировала, но позволь мне заверить тебя, что ты ошибаешься.

- Тогда кто он? Твой друг? Он довольно стар для того, чтобы быть твоим другом.

- Нет, это полицейский.

- Он? По-моему, он скорее похож на жиголо, - сказала Мирай-сан и прищурилась. - Итак, что же такого ты натворил? Конечно, я всегда считала, что ты однажды пойдешь по кривой дорожке, но...

- Мирай-сан.

- В чем дело, преступник?

- Думаю, мне следует поговорить с тобой, как следует.

- Я ошиблась?

- Да. Я общался с ним - кстати, его зовут Конан - по делу об исчезновении матери Цукимори.

- Ясно, - нахмурившись, ответила она и кинула в рот кусочек шоколада с миндалем.

Видимо, она сочувствует Цукимори. Если подумать, когда Ёко перестала появляться на работе, то Мирай-сан начала вести себя гораздо тише. Ну, то же самое касается менеджера и Саруватари-сана.

Похоже, что Ёко Цукимори стала неотъемлемой частью персонала «Виктории».

- И? Почему этот Конан решил с тобой встретиться?

- Без понятия! Я бы и сам хотел это знать!

А затем Мирай-сан необычайно широко раскрыла глаза.

- Ух! Эй! Нономия! Этот полицейский только что мне подмигнул!

- Он - повеса, именно такой, каким выглядит.

- А-а-а, я так сильно хочу врезать ему по лицу...

- Пожалуйста, не надо. Он же все-таки полицейский.

- Тебе следует лучше выбирать знакомых.

- Согласен...

Мне совершенно не хотелось выслушивать все это, но, к моему сожалению, она была абсолютно права.

Когда я принес заказанный кофе Конану, не имеющему ни малейшего понятия о моей неловкости, на меня обрушился нескончаемый поток слов.

- Вот это я понимаю, колючий взгляд. Я выгляжу для нее так, словно какой-то жук-пришелец. Я весь дрожу! Ты можешь мне не верить, но я не против мазохизма.

Понимаешь, я испытываю слабость к таким, гм, доминирующим женщинам. Как ее зовут? Сколько ей лет? Она замужем? Пожалуйста, Нономия-кун, представь нас! - разглядывая Мирай-сан, он без умолку болтал, словно не зная слова «сдержанность».

- Тебе больше нечего делать, кроме как бездельничать здесь?

- Если бы! Я даже отменил все свои свидания! О, но я не скажу, с кем я собирался пойти на свидание, салага.

- Да мне наплевать.

- Ха, ты никогда не изменишься, - усмехнулся Конан и попробовал свой кофе. - Вау! - он радостно улыбнулся. - Хотел бы я, чтобы *выдался* хотя бы один спокойный день. Но даже в таком маленьком городе всегда что-нибудь да происходит. Благодаря этому, я просто завален работой. 24/7.

Конан скорчил забавное лицо и протянул перед собой обе руки.

- Тогда почему бы тебе не перестать валять здесь дурака? - спросил я. Его лицо помрачнело.

- У тебя вообще есть сердце? Мы, полицейские, тоже люди. Не будь с нами таким грубым!

- он метнул в меня полный укоризны взгляд. - Одна или две чашечки кофе - это не слишком большая просьба, - сказал он, поднося ко рту чашку кофе.

Я не хотел вкладывать сарказм в свой вопрос. Я задал его, потому что на самом деле беспокоился.

После того, как происшествие с матерью Цукимори было исчерпано, у него больше не должно быть причин встречаться со мной. На самом деле, с момента обнаружения ее матери, мы ни разу не разговаривали.

Я *сказал* ему, что кофе в «Виктории» очень вкусный, но вряд ли он пришел сюда только ради того, чтобы насладиться им.

А далее, словно прочитав мои мысли, Конан добавил: «У тебя есть пара минут, верно? Не против уделить мне немного времени? Почему бы нам не зайти в ресторан, расположенный рядом со станцией, и немного поболтать? Я угощаю! Но позволь предупредить: это не свидание. Не пойми меня неправильно!»

Теперь я понял. То, что он пришел сюда перед самым закрытием, не было совпадением. Он что-то от меня хотел.

Я кивнул: «Конечно».

У меня не было ни малейшего понятия, зачем ему понадобился я, но поскольку я не испытывал неприязни к беседам с этим нестандартным детективом, у меня не было причин отказываться.

После работы я отправился в указанный ресторан рядом со станцией. Ждущий Конан помахал мне рукой.

Поскольку сегодня выходной, тут полно людей всех возрастов: и молодых, и пожилых.

Как только я сел напротив него, Конан протянул мне меню.

- Выбери, что нравится.

- Хорошо, какое тут самое дорогое блюдо?

Удовлетворенный моим ответом, он искренне рассмеялся: «Мне нравится эта дерзость».

- Кстати, что ты от меня хочешь? - спросил я, листая меню кончиками пальцев.

- Мне было интересно, сможешь ли ты ответить на пару вопросов насчет Ёко-тян.

Я уставился на него.

- Не смотри на меня так! Не то чтобы я хочу украсть ее у тебя.

- Интересно, что ты имел в виду.

- Я закурю, - сказал он, поднося ко рту сигарету. Он прикурил ее с помощью зажигалки, на которой было напечатано название какого-то бара.

- Ну?

Я начал в нем сомневаться.

- М-м-м, ты не против, если я не буду давать тебе никаких точных объяснений?

- Если это личный запрос, то я могу и нагрубить...

Догадался ли кто-нибудь в этом ресторане, что он на самом деле полицейский?

- Ну, поскольку Ёко-тян красавица, то я не могу сказать, что у меня отсутствует личный интерес, но в основном это касается моей работы.

- Служебная тайна?

- Ага, что-то вроде этого. Понимаешь, мне нужно быть осторожным. Поэтому не обижайся, если мои слова будут немного расплывчаты.

Конан ухмыльнулся.

Когда он так улыбается, его взор становится еще острее, чем обычно. Хотя это наверняка происходит не по его воле.

Излучаемое им ощущение власти, контрастирующее с его улыбающимся лицом, вгоняет меня в дрожь. Должно быть, это авторитет человека, который всегда подвергается чрезвычайной опасности

Как бы он ни выглядел, но Конан, вне всякого сомнения, полицейский.

- Ты подозреваешь Цукимори?

Как только я это спросил, его брови поднялись, а он сам глубоко затаился.

- Ты так прямолинейно меня спрашиваешь... Быть умным это одно, но если ум дополнен еще и мужеством, то получается адская комбинация. Нономия-кун, не желаешь когда-нибудь поступить на службу в полицию? Из тебя вышел бы хороший детектив.

- У меня ужасная физподготовка, поэтому я с благодарностью откажусь.

- Ха-ха. Ну, тогда хотя бы не становись преступником! Если такой парень, как ты, примет их сторону, то нас, полицейских, ожидают тяжелые времена, - пошутил он и взмахом руки подзвал официантку. - Выбирай, - посоветовал он мне, поэтому я заказал самое дорогое на вид блюдо, бифштекс «Шаляпин».

Подтвердив заказ, официантка исчезла на кухне.

- Перейдем сразу к делу. Я думаю, что это происшествие... может оказаться убийством, - спокойно заявил Конан.

- Разве это не должно быть тайной?

- Понимаешь, это только видимость. Я выполнил свою работу в качестве полицейского, но сейчас это мое собственное решение, - он затушил сигарету в пепельнице. - Я никогда не хотел об этом умалчивать. Я не слишком долго тебя знаю, но понял, что ты умный парень. Ты бы и сам об этом догадался.

- Ты слишком высокого мнения обо мне, да?

Слегка усмехнувшись, Конан выглядел довольным моими подозрениями.

- Но это не пустая болтовня, я с тобой честен. Разумеется, у меня тоже есть что-то вроде скрытого мотива, поэтому я бы предпочел, чтобы ты играл за меня.

Услышав фразу «скрытый мотив», я сразу вспомнил нашу первую встречу, случившуюся несколько дней назад. «Я просто хотел с тобой немного поболтать», - сказал он в тот раз.

- Понимаешь, по время расследования я вынюхивал и здесь, и там, и пришел к заключению, что ты сейчас самый близкий к Ёко-тян человек. Поэтому подумал, что ты должен стать моим человеком, если я захочу что-нибудь о ней узнать.

Для меня было загадкой, почему Конан искал встречи со мной? Почему он давал мне подробную информацию о ходе поисков?

Если подумать, Конан никогда не интересовался одной только матерью Цукимори. С самого первого дня он также расспрашивал меня и о самой Ёко.

Если мои догадки верны, то Конан с самого начала...

- Ты с самого начала подозреваешь, что Цукимори могла убить свою мать? - спокойно спросил я.

Вместо ответа Конан глотнул воды из стакана.

После этого официантка принесла мой бифштекс. Я принял его, в то время как Конан заказал еще одну чашечку кофе.

В ресторане было много посетителей, но вряд ли кто-то еще обсуждал такую же странную тему. Я понял, что наслаждаюсь этой ситуацией.

Поглядев по сторонам и убедившись, что официантка ушла, Конан, наконец, ответил: «Тем, кто служит в полиции, приходится принимать во внимание *любую* возможность во *всех* случаях. Поэтому да, *строго говоря*, эту вероятность следовало учитывать с самого начала».

Это было согласие, но очень неявное. Видимо, дело в щепетильности ситуации.

Хотя это и не было отрицанием.

А затем мне на ум пришел похороненный в глубинах памяти рецепт.

Неужели полиция знает о нем и поэтому подозревает Цукимори?

Я заметил, что во рту у меня пересохло. Кажется, я занервничал.

- Нечестно их сравнивать, но кофе в твоём кафе совершенно другого уровня, - сделал глоток из своей чашки и поморщившись, сказал Конан.

Боковым зрением я заметил отражающегося в окне скучающего старшеклассника.

Хорошо, что мне прекрасно удается делать бесстрастное лицо.

- Какой тогда у нее мотив?

Если бы кто-то начал подозревать Ёко Цукимори, то ее мотив при этом являлся бы самой слабой позицией.

У нее не было причин убивать свою мать. По крайней мере, я не смог придумать ни одной. Поэтому я решил, что она невиновна.

Мой вопрос основывался на беспокойстве по поводу того, какая именно информация имеется у полиции, но Конан ответил всего лишь следующее: «Без понятия. Загвоздка, согласен? Я имею в виду, ее отношения с родителями были вполне нормальными... Ага, вот поэтому я и попросил твоей помощи, это просто выводит меня из себя».

С моей точки зрения, он и вправду ничего не знает.

Почему же тогда подозревает Цукимори?

Значит ли это, что они все-таки знают о рецепте? Или же у них появились кое-какие доказательства, о которых не знаю я?

Когда я внезапно замолчал, Конан широко улыбнулся: «Эй, не стоит слишком сильно об этом размышлять! Это всего лишь вероятность. Понимаешь, расставляя точки над «i» и пересекать «t» это все-таки моя работа. Поэтому не нервничай!»

- Ничего подобного, - собравшись, с улыбкой ответил я. - Мне просто интересно, почему ты подозреваешь Цукимори, хотя у нее даже нет мотива.

Улыбаясь, я смочил горло глотком воды.

Цель моего вопроса была в том, чтобы узнать, насколько хорошо Конан знает Цукимори.

Конан тоже продолжал улыбаться и доверительно сказал: «Очень необычно - потерять двоих членов семьи за такой короткий срок, как думаешь?»

Я не смог удержаться от того, чтобы не согласиться с ним: «Ну да».

- Я определенно чувствую, что здесь что-то неладно. Поэтому у меня нет другого выбора, кроме как что-нибудь предпринять, ведь ты же знаешь, что я служу в полиции. Если это окажется всего лишь несчастным совпадением, наша работа на этом закончится. Поэтому я сейчас это и выясняю!»

Я снова согласился: «Ну да».

Я был удивлен. Нет, тут лучше бы подошло слово «обескуражен».

Мои подозрения насчет Ёко Цукимори практически развеялись. Однако я прекрасно понимал аргументы Конана.

- А ты допрашивал саму Цукимори?

- Разумеется, - ответ Конана напоминал выстрел. - Но это служебная тайна, поэтому я не могу посвятить тебя в подробности. Хотя ты можешь с легкостью узнать об этом, расспросив саму Ёко-тян. В любом случае, там нет ничего важного. В конце концов, нет никаких оснований подозревать ее, если не считать того, что она потеряла обоих родителей за такое короткое время.

Я не верю ему на слово, но, по крайней мере, уверен, что у полиции, похоже, нет конкретных улик.

- Я в шоке. Слышал, что нашу полицию уважают по всему миру, неужели я все не так понял? Ни общественное мнение, ни СМИ не простят нас за то, что мы начали подозревать невиновную школьницу, и неважно, как сильно мы будем извиняться. В его словах был смысл, но не так много, чтобы я изменил свое мнение. Из-за такого пустяка нельзя считать Цукимори преступницей.

- Эй, не надо меня так дразнить! Это правда, что полиция служит обществу, поэтому в последнее время давление на нас сильно возросло. Мы ничего не можем сделать без неопровержимого доказательства.

Он демонстративно пожал плечами, словно заправский циник.

- А почему бы тебе не сказать, что именно ты от меня хочешь?

- О, ты догадался? Неплохо, Нономия-кун!

Он умело присвистнул.

Хотя мы познакомились совсем недавно, я прекрасно осведомлен о его изворотливости. Я был убежден, что он еще не все мне рассказал.

Внезапно Конан наклонился вперед: «Вот здесь и вступаешь в игру ты! Я хочу, чтобы мы объединились».

Я дерзко рассмеялся.

Мысленно обдумывая наш разговор, я, наконец-то, начал понимать его намерения.

- Если за Цукимори будет наблюдать кто-то, не связанный с полицией, у вас не будет никаких проблем. Более того, чем ближе этот наблюдатель будет знаком с ней, тем лучше. Вот поэтому ты и выбрал меня, верно?

- Кажется, мы разговариваем на одном языке, - довольно сказал Конан и наклонил свою кофейную чашку. - Кроме того, тебе же нравится подобное занятие?

- Я не хочу неприятностей, - сказал я. - И, пожалуйста, не нужно решать за меня, что мне нравится! - но, говоря начистоту, я и вправду был заинтересован.

- Не стоит притворяться - уверенно засмеялся он.

Он быстро догадался, что я за человек. Из-за того, что я показал свою заинтересованность в ходе расследования? Или из-за того, что я показал свою заинтересованность в нем, как детективе? Но несмотря на то, что я не стал целенаправленно это скрывать, мне все равно стоит уважать его проницательность.

- Поэтому-то я и выбрал тебя.

- Что конкретно ты от меня хочешь?

Я выбрал пассивную линию поведения. Я решил подождать его следующего шага.

- Ну и ну, не стоит быть таким осторожным! Прежде всего, я просто хочу, чтобы ты ответил на несколько вопросов насчет Ёко-тян. Я не буду эксплуатировать тебя, как мальчика на побегушках, или заставлять давать показания. Кстати, съешь, пожалуйста, бифштекс, пока он не остыл. Можешь не стесняться и заказать после него десерт.

Конан ухмыльнулся. Он явно намеревается использовать меня.

Разумеется, у меня пропал аппетит, но я все-таки начал нарезать ножом бифштекс, который почти остыл.

- Честно говоря, я здесь не по приказу полиции. Можешь даже сказать, что это мой личный запрос. Если откровенно, то я единственный в участке, кто думает, что с Ёко-тян что-то не так, - внезапно он начал говорить, понаблюдав некоторое время за тем, как я ем.

- Ну, в этом нет ничего удивительного, потому что этому самоубийству как будто недостает отличительных черт. Если просто предположить, что ее поводом была скорбь от потери своего мужа, то это будет иметь смысл. У нас даже есть несколько свидетельств того, что она была в депрессии после его смерти, - Конан иронично улыбнулся. - Но следует обратить внимание на то, что предсмертная записка была написана не от руки, а напечатана на компьютере. Поэтому ее мог набрать другой человек, который хотел, чтобы это происшествие выглядело самоубийством. Но только этого недостаточно для того, чтобы начинать расследование. Тем более, что множество самоубийц вообще не

оставляют предсмертных записок. С другой стороны, подозревать Ёко-тян можно только из-за того, что она дочь жертвы. Не то чтобы ее поведение давало хоть какой-то повод... Мои руки, держащие нож с вилкой, замерли, а я посмотрел Конану прямо в глаза: «Тогда я не понимаю, почему ты вообще подозреваешь Ёко-тян. Я не буду помогать тебе до тех пор, пока ты не дашь мне нормального объяснения».

С тех пор как я узнал о рецепте убийства, то день за днем наблюдал за Цукимори. Что же такого должен знать он, встретивший ее всего несколько дней назад, чего не знаю я? Что разглядел в Цукимори он, чего не увидел даже я?

Разумеется, если он на самом деле знает нечто, неизвестное мне, то моя позиция может и измениться.

Потому что это наверняка необходимо знать.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Конан ответил: «Зови это профессиональной интуицией».

- Чего?

Я не верю своим ушам. Заметив мое недоумение, он быстро добавил: «Ах, неужели это прозвучало так прямолинейно? Но ты понимаешь, мне трудно выразить словами свои ощущения! Как бы получше сказать, у меня такое чувство, что тут что-то неладно».

- Странное ощущение, - пробормотал я, оставшись при своем мнении, но его следующие слова застали меня врасплох.

Я имею в виду, Ёко-тян идеальна, ты так не считаешь?

Мое сердце забилося с бешеной скоростью.

У него сложилось такое же впечатление, которое возникало у меня много раз.

- По работе и не только, но я неоднократно наблюдал подобные происшествия, и позволь мне заверить тебя, что люди твоего возраста, потерявшие родителей, испытывают настоящий шок. Это внезапная перемена всей жизни! Нет, правда, это слишком... жестоко. Произошло ли это случайно или же нет, я все еще не знаю, как должен вести себя с такими детьми. Как же им принять то, что они одновременно потеряли обоих родителей? - его лицо внезапно стало серьезным. - А Ёко-тян? Как по мне, она совсем не напоминает подавленную семнадцатилетнюю девушку, страдающую от такой потери. Во время наших бесед Ёко-тян вела себя абсолютно спокойно! Ее идеальность нельзя объяснить всего лишь хорошим самоконтролем или взрослым поведением. Разве ты не согласен?

Она настолько идеальна, что если находиться рядом с ней, то будешь испытывать постоянное давление.

Если подумать, мое первое впечатление о ней было именно таким.

- Я иногда думаю, что даже без родителей с ней будет все в порядке. И что нам не о чем беспокоиться.

Видимо, от долгого разговора в горле у Конана пересохло, но он не стал пить свой кофе, а вместо этого осушил стакан воды.

- Извини, что я даю тебе такую безосновательную причину. Но я говорю абсолютно серьезно. В нашем деле такое случается - легкое ощущение странности может привести к истине.

Глядя на Конана, преисполненного уверенности...

- Не стоит слишком сильно размышлять об этом. Веришь ты или нет, но все обычно бывает гораздо проще. По сути, необычные происшествия происходят рядом с тем, кто и сам необычен. Проще простого, верно?

...я подумал, что, возможно, выражение «профессиональная интуиция» неплохо соответствует его ощущениям.

Кажется, заметив мое молчание, Конан решил, что я раздражен.

- Я разозлил тебя? Ну, видимо, да. В конце концов, я прошу подтвердить мои подозрения в отношении Ёко-тян, несмотря на то, что вы с ней очень близки. Если подумать, разве это не отвратительная просьба? - сказал он и рассмеялся. - Не становись таким, как я! Не то чтобы я был недоволен. Я просто погрузился в раздумья, был ошеломлен огромным количеством мыслей, которые носились в голове.

Скорее всего, он не знает о рецепте убийства.

Это единственная вещь, в которой я сейчас уверен. И, вместе с тем, самая важная.

Собираясь с духом, я заметил, что Конан серьезно смотрит на меня.

- Почему бы тебе не взглянуть на это с другой стороны? Просто считай, что ты помогаешь мне для того, чтобы доказать ее невиновность. Ты же не хочешь, чтобы я подозревал Ёко-тян?

Слова вырвались у меня изо рта:

- Да, не хочу.

Я произнес эти слова от всего сердца. До этого момента один только я подозревал Цукимори. То, что внезапно появился какой-то коп и начал под нее копать, вызвало у меня отвращение. Как если бы кто-то начал придирается к тому, как я играю.

Видимо, Конан принял мой ответ как знак согласия. «Отлично! - он радостно кивнул. - Девушка! Я бы хотел еще одну чашечку кофе! И стакан воды!»

Он допил остатки кофе из полупустой чашки.

После этого мы проговорили еще час, в течение которого я подробно рассказал ему о Цукимори.

Я передал всю информацию, которую знаю, включая такие вещи, как ее популярность и успешность как в школе, так и на работе. Конечно, я умолчал о признании в библиотеке, но вместо этого рассказал ему, почему она начала работать в «Виктории» или что случилось той ночью, когда пропала ее мать. Так подробно, как только мог.

Я понял, что от этого человека ничего не смогу утаить. Поэтому решил, что для меня будет лучше, если я смогу завоевать его доверие тем, что не буду ничего скрывать.

Под конец Конан попросил меня связаться с ним, если я что-нибудь разузнаю, и сказал, что он также выйдет на связь, если я ему для чего-нибудь понадобится, и после этого мы расстались.

Разумеется, я ни слова не сказал о рецепте убийства, хотя у меня и были сомнения на этот счет.

Я уже неоднократно убеждался в его детективных способностях, поэтому меня не обманывает его экстравагантный внешний вид и нетипичное поведение. Если я дам ему эту важнейшую зацепку, то он, несомненно, сможет докопаться до скрытой истины этого происшествия, чего мне никогда не достичь своими силами.

Чтобы воплотить мое желание и узнать «все о Ёко Цукимори», более эффективного средства, чем рассказать Конану о рецепте убийства не найти. Но я не смог заставить себя сделать это.

Потому что рецепт убийства принадлежал мне.

Однако я кое-что понял. Это было единственное и в то же самое время самое важное открытие.

Именно. В конце концов, рецепт убийства еще не потерял своей привлекательности.

## Сомнение

К моему неопишуемому удивлению, в глазах многих учеников виднелась не жалость, а зависть.

Как только Ёко Цукимори появилась в школе, все стали бороться за право побыть рядом с ней. В мгновение ока перед ней образовалась крепостная стена.

- Ты в порядке, Ёко-сан? Не устала? Если я чем-нибудь могу помочь, то сразу говори, хорошо?

- Спасибо, Чизуру. Мне стало лучше, когда я увидела твое прекрасное лицо. Мне стоило прийти в школу раньше, - она лучезарно улыбнулась и нежно погладила Усами по щеке, пока Усами обеспокоенно глядела на нее.

Цукимори взглянула на окруживших ее людей. «Я искренне благодарю и всех остальных. Я не могу выразить словами, как я счастлива... что вы беспокоились обо мне. Мне невероятно повезло, что у меня есть такие добрые одноклассники!»

Не прекращая улыбаться, она закрыла глаза и приложила руки к груди.

Подталкиваемые ее глубокими чувствами, одноклассники кротко закивали.

Я едва сдержал смех, видя серьезные лица Камогавы и его приятелей, которые никак не подходили к их образу.

Сначала народ хотел утешить расстроенную Цукимори, но все вышло наоборот. Если бы кто-то сфотографировал то, что происходило в классе, и сказал мне, что это Цукимори утешала своих расстроенных одноклассников, я бы даже не усомнился.

Другими словами, Ёко Цукимори могла спокойно обойтись без нашей никчемной жалости.

Она могла блистать только перед зрителями.

Несмотря на школьную форму и одинаковый возраст, лишь она выделялась из толпы, сверкая, словно луна в темнейшую ночь: великолепная и элегантная.

Поскольку пробиться сквозь защищавшую ее крепость было невозможно, я стал членом массовки, наблюдавшей за очаровательной принцессой издалека.

Впрочем, время от времени наши взгляды встречались.

Я бы соврал, если бы сказал, что не понял ее моливший о спасении взгляд. Но с одной стороны, я бы выглядел глупо, если бы ошибся, а с другой - для меня, ни во что не ставившего рыцарей, было неразумно добровольно браться за столь энергоемкое дело.

Потому я выскочил из класса и превосходно исполнил роль массовки, тихо наблюдая за облаками через окно коридора, пока не начался урок.

Положение дел не изменилось даже во время перемены.

Я быстро сообразил, что мне не удастся поговорить с ней в школе, и потому решил во время перерывов коротать время в тихом коридоре, вдали от шума.

В ответ на мое решение умная Цукимори начала писать мне записки и передавать во время перемен, потому что не могла просто взять и начать разговор.

Чтобы никто не заметил, она передавала их, проходя мимо и не глядя в глаза. В основном, просто засовывала в мой карман.

К окончанию уроков у меня уже было пять записок.

Я разложил их в том порядке получения:

«Почему ты мне не помог?»

«Ты же знаешь, что я чувствую?»

«Нам так долго не удавалось поговорить».

«Я буду в библиотеке во время перерыва на обед».

«Я и забыла, как ты жесток».

Она наверняка поняла, что послания сделали свое дело. Я чувствовал ее нестигаемую гордость - она решила придерживаться эту тактику.

К слову, во время обеденного перерыва я позволил себе поспать. Поскольку мне все равно придется говорить с ней на работе.

Зная ее, оставалась еще одна записка, которую она мне не передала. После прочтения последнего листочка я сразу подумал о «внешкольном» послании.

Как и ожидалось, она обронила клочок бумаги на мою парту, проходя мимо и бодро попрощавшись с одноклассниками.

Я улыбнулся, когда прочел в спешке написанное послание. По меньшей мере, это была просьба, которую я не мог проигнорировать, так что я быстро собрал портфель и вышел из класса.

«За сегодня я очень устала. Мне не хочется идти пешком. Подвези меня на велосипеде до кафе. Взамен я прощу тебя за твое поведение».

Похоже, не так-то легко всегда быть на виду. Простое наблюдение за этим высасывало из меня все силы, а уж о ней и говорить не приходится.

Удовлетворенный тем, что она показала слабость, пусть и на клочках бумаги, я решил исполнить желание принцессы и подвезти ее.

Выходя из школы, я заметил высокого мужчину у парадных ворот.

Он незамедлительно помахал мне рукой, подзывая к себе, «спрятавшемуся» в тени ворот. Я предпочел бы не замечать его, но он не из тех людей, которые позволят себя игнорировать. Он просто пойдет за мной, пока не добьется своего.

Я вытащил мобильный телефон и быстро напечатал сообщение. Сказал Цукимори, что не смогу ее подвезти.

Я не хотел вовлекать ее в «это дело». Не из-за героического желания защитить, просто это было чем-то личным.

Ответ пришел спустя пару секунд.

«Ну и катись ко всем чертям!»

Столько символов - вот это скорость! Я с легкостью мог представить, как она в ярости и с невероятной скоростью нажимала на клавиши.

Я понимал, что виноват во всем сам, и несколько расстроился. А потом махнул рукой. В конце концов, именно я избегал ее весь день.

Не было особой причины.

Я просто не хотел быть одним из многих.

- Здорово! Не будем стоять здесь, давай сядем в машину.

Как и всегда, у Конана было хорошее настроение.

- Что тебе нужно?

Я специально ответил так, словно у меня плохое настроение.

- Ты действительно хочешь услышать?

- Да. Мне нужно идти на работу, так что я предпочту воздержаться от бессмысленных бесед.

- М-м... Что ж, я мог бы сказать, но про это *в самом деле* неприятное дельце не стоит говорить у ворот школы. Все еще хочешь узнать? - спросил он, изогнув бровь, благодаря чему я наслаждался шокированными взглядами проходивших мимо учеников.

- Ладно, пошли...

- Вот спасибо! С тобой так приятно работать, Нономия-кун!

Понимая, что если мы останемся тут, по школе поползут сплетни, я неохотно последовал за ним.

Ярко-красная спортивная машина Конана, припаркованная в переулке, очень ему шла.

- Крутая тачка, а? Клеевые колечки, ради них я специально купил Ауди, а не Порше, Феррари или Альфа-Ромео. Можешь решить, что у меня хватило жалования только на Ауди, но не нужно говорить это вслух.

- Полицейским можно тут парковаться?

Я не рассмотрел марку машины, зато увидел, что разрешавших парковку знаков здесь не было.

- Все нормально, я ведь детектив. Если меня гипотетически поймают за нелегальную парковку, то я могу просто воспользоваться своим положением и все уладить.

- Что за испорченный мир.

- И кто же его таким сделал?

- Ты же сам понимаешь.

- О, как по-философски. Однако слишком глубоко для меня, так что залезай уже.

Когда он строил из себя идиота, это безучастное лицо ему отлично подходило. Я молча сел в машину.

- Пару дней назад ты рассказал мне, что случилось в тот день, когда пропала мать Ёко, помнишь?

- Да.

Как только я сел на пассажирское сиденье, тон Конана стал серьезным.

Из-за излучаемой им ауры мне показалось, что воздух на долю секунды сгустился, отбросив в сторону мирную атмосферу.

- Я думал об этом, и кое-что кажется мне нелогичным.

Конан открыл окно и зажег сигарету.

- Возьмем звонок от коллеги ее матери. По мне, время было слишком подходящим. Не думаешь, что Ёко-тян заранее подготовила все так, чтобы звонок раздался именно тогда, когда она будет рядом с тобой? – он пустил струйку дыма. – Не странно ли, что телефон зазвонил в тот момент, когда она прижалась к тебе?

Воспоминание о перекрестке, дожде и цветных зонтах вспыхнуло в моей голове.

- И в такой подходящий момент звонит телефон?

Разумеется, я тоже заметил эту деталь. Как бы там ни было, я не знал, как заставить кого-то позвонить в нужный тебе момент.

- Например, она могла оставить свой номер в чьем-то журнале вызовов прямо перед тем, как обнять тебя.

Неожиданное объяснение.

- То есть кто-то мог позвонить ей, пока вы работали.

Пропал учитель кулинарной школы, и до нее никак не могли дозвониться. Вполне вероятно, что ее коллеги позвонили бы на любой, пусть и незнакомый номер, который остался в истории принятых звонков.

- Как бы там ни было, ты не можешь точно сказать, приняла она обратный звонок или нет,

- губы Конана растянулись в усмешке. – Ну, пока, скажем, не обнимешь ее.

Я вспомнил то чувство – вибрация на уровне груди.

- Точно, у нее на телефоне был... беззвучный режим.

- Вот-вот. Что ж, не забывай, что мы имеем дело с Ёко-тян. Может, никакого звонка и не было. Другими словами, она притворялась.

- Притворялась?

- Ты когда-нибудь слышал о будильнике на телефоне?

- Конечно! Ты меня что, считаешь... - начал я, но замолк, поняв, куда он клонит.

Конан продолжил: «Вибрация на телефонах активируется не только при входящих звонках. Такой вот будильник - вибрация продолжается, пока ты ее не отключишь».

- И зачем ей это? – тихо спросил я, пока над моей головой витали вопросительные знаки. Вообще, такое вполне могло быть.

- С ней нельзя быть ни в чем уверенным.

Глупо отрицать. Она могла провернуть и не такое.

- Что ж, мы не знаем, притворялась она или нет. Просто мне показалось, что это не исключено. Но это не важно. Забудь. Ведь она хотела совсем не этого.

- Не этого?..

Конан молчал, ожидая моих следующих слов – наверное, заметил, как я задумался.

Она притворилась, что ей позвонили, а значит хотела...

- Привести меня в свой дом?

Он хрустнул пальцами: «Бинго! Все вполне логично. Никто не оставит человека, у которого мать пропала без вести. Даже такой сухарь, как ты. Что ж, и ты *пошел* вместе с ней».

Я переосмыслил события той ночи и факты, на которые указал Конан.

Это было похоже на восстановление чего-то разрушенного с ужасающей скоростью. И заново выстроенное имело совсем иной облик.

Потушив сигарету в пепельнице, он продолжил: «Думаю, ты понял. Она отдала тебе роль того, кто найдет предсмертное послание».

По моей спине пробежал холодок.

Если он был прав, то все, произошедшее той ночью, происходило по сценарию Ёко Цукимори.

- Кроме этого, есть еще один сомнительный факт. Вспомни, что случилось в ее доме. Если я не ошибаюсь, первым делом она принесла тебе полотенце, - он приподнял голову и пронзительно взглянул на меня. – Какое, к черту, полотенце? Нормальный человек сразу бросится искать свою мать!

Но я решил, что Ёко Цукимори никого не убивала, и потому мог лишь возражать ему, какими бы логичными ни были его доводы.

- В самом деле, в этом ты прав. Но я ясно чувствовал, что там никого не было. То есть Цукимори должна чувствовать происходящее в доме лучше, чем я, гостивший у нее лишь два раза.

И все же меня поразили его наблюдения.

- То есть Ёко-тян могла понять, что ее матери не было в доме, даже не осмотрев дом?

- Да, - кивнул я.

- Я так не думаю, - Конан уверенно улыбнулся. – Я взрослый, многое знающий о мире человек, так что не могу мыслить столь же прямолинейно, как ты.

Он не зря так выслужился, учитывая, как виртуозно мог делать выводы из таких незаметных фактов. Он был чрезвычайно одаренным человеком. И сумел доказать мне это вновь.

Мне даже не терпелось услышать больше...

- Вероятно, когда ты пришел туда, ее мать уже была мертва, и она знала об этом. Потому она не сильно-то искала ее. Вполне подходит под ее неестественное поведение, согласен?

- И?..

Мой голос немного охрип от напряжения.

- К чему ты клонишь?

Потому что я знал, что ответит Конан.

Как только я отвел глаза... его длинная рука со свистом пронеслась мимо моей головы и с силой оперлась на окно.

- Ты ведь уже думал об этом? Буду краток...

Его резкие черты лица нависли прямо перед моими глазами. Я почувствовал неприятный запах сигарет.

- Эта девочка, Ёко Цукимори, убила свою мать!

После того, как он сделал это заявление, его взгляд прилип к лобовому стеклу.

Я проследил его направление. За прямым переулком находилась главная улица, залитая светом клонящегося к закату солнца. Мы видели бредущих домой учеников, которые были похожи на проплывавших мимо рыб.

Лишь один человек выделялся из общей массы, стоя у начала переулка.

У нее была стройная фигура и длинные волосы. Из-за того, что солнечный свет падал на нее со спины, я не мог разглядеть ее лица. Зато я ясно видел, что за нами наблюдала девушка, учившаяся в старшей школе.

Она не приближалась к нам, просто смотрела и все. Несмотря на это, я как будто чувствовал ее рядом с собой.

Я зарылся в кресло и быстро попросил: «Пожалуйста, поехали отсюда...»

- Уверен? – спросил Конан, его взгляд все еще был прикован к лобовому стеклу.

- Да, - ответил я, и он напряженно хмыкнул.

Затем он переключил передачу и задним ходом на головокруглительной скорости выехал из узкого переулка на противоположную улицу.

А я лишь крепко сжимал руки в кулаки.

Всю дорогу Конан молчал, но как только перед нами загорелся красный свет, он вновь заговорил, словно ждал этого момента.

- Уверен, ты и без меня понимаешь, что она удовлетворяет всем условиям, которые нужны для фальсификации предсмертного послания своей матери.

Я кивнул. Это был мой предел. Я не знал, что вылетит из моего рта, если я открою его.

- Она умная девочка. Она знала, что достоверность сильно возрастет, если послание будет найдено кем-то другим, а не ей самой. И она выбрала для этого тебя. Что ж, ее план превосходно сработал, раз уж ты нашел послание.

Я заскрипел зубами.

- Свою мать убить проще простого. То есть не будем даже перечислять способы, которыми она могла ее убить! Все, что оставалось после этого, - прийти в парк и скинуть ее с обрыва.

Я до боли сжимал кулаки.

- Для нее это же так просто.

«Не говори так, словно ты все знаешь! Ты не знаешь ее так, как я!» - мне пришлось бороться с желанием выкрикнуть это.

Теперь мной двигало не нетерпение, а гнев. Меня раздражало, когда кто-то говорил о ней так, словно видел перед собой уничтоженный кем-то сад.

Конан остановил машину на тротуаре и улыбнулся: «Мы на месте».

Я посмотрел через окно и увидел, что он припарковался на главной улице, рядом с кафе.

Я кивнул ему: «Спасибо».

Он легкомысленно улыбнулся и пожал плечами.

- Прости за то, что ошарашил тебя. Но нужно же мне напомнить, что я детектив, - он ухмыльнулся, но его глаза не улыбались. – И я не желаю, чтобы ты считал, что сможешь скрывать от меня все вечно, – взяв за плечо, он подтянул меня ближе. - Буду очень благодарен, если ты сможешь вспомнить что-нибудь полезное, поскольку это избавит меня от кое-какой неприятной работенки...

От его выразительного шепота у меня по спине пробежал холодок. Наверное, такое ощущение возникает, когда тебе угрожают ножом.

Я, не отвечая, отвел взгляд и увидел отражение в окне.

Отражение мрачного мальчика из старшей школы, который не двигал ни одним мускулом, а только моргал. Я заметил, что рука мальчика была прижата к карману у груди.

Я чувствовал знакомое ощущение.

Рецепт убийства.

Я даже не заметил этого движения.

Единственное, что я должен защитить любой ценой.

Потому что только из-за рецепта убийства у меня было преимущество над Конаном и козырная карта против Ёко Цукимори.

Кафе закрылось, я начал уборку. Вдруг тень преградила путь моей швабре. Я взглянул вверх и увидел, что обладательница тени скрестила руки и широко расставила ноги.

- Вы поссорились или что? – спросила меня нахмурившаяся Мирай-сан, глядя сверху вниз.

- Поссорились? Кто? С кем?

Я не прикидывался идиотом. Я в самом деле не знал.

- Ты дурак? Ты и Ёко, конечно, кто же еще?

- Не думаю, что дурак... Почему вы так решили?

- Это чертовски очевидно! Вы не сказали друг другу ни слова.

Опираясь на швабру, я задумался.

- Ни слова?

Я почти ничего не помнил о сегодняшнем рабочем дне.

- Не удивительно. Ты же все время витал в облаках.

Теперь, когда она упомянула об этом, я вспомнил, что в мыслях точно «витал в облаках», раздумывая о разговоре с Конаном. Во время работы я только и делал, что размышлял о том, как обставить его.

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что у меня не было ни единого шанса.

- В любом случае, раз уж ничего нового...

- Протестую!

- Протест отклоняется!

Она не знала жалости.

- Продолжу. Ёко тоже вела себя странно. Как по мне, она тебя избегает, - она выдвинула подбородок и выпрямилась. – Ну, что ты с ней сделал? Ну же, попробуй все объяснить. По крайней мере, я тебя выслушаю.

Как обычно, она настолько упорно стояла на своем, что это было даже забавно.

- Вы даже не допускаете возможности, что жертвой могу быть я?

- Да. Что бы ни случилось, я буду на стороне Ёко.

- Что за несправедливый мир!

- О-о, ты только заметил? – заносчиво ответила она. – Мир несправедлив и нечестен, где бы ты ни был, иначе не было бы и социального расслоения. Так зачем мне строить из себя святошу, если мир прогнил с самого основания? Я живу по своим правилам.

Если попытаться придать форму слову «самовлюбленный», то непременно получится женщина, стоявшая передо мной.

- Я живу просто.

Что ж, в самом деле *просто*.

Ее единственным правилом было: «Добиваться своего, что бы ни сказали другие». Ничего более.

Но я не могу даже представить, как сложно было жить с этим «что бы ни сказали».

Подобное могут сделать не все. Не у всех хватит сил.

Но она продолжала гнуть свою линию, никому не позволяя вмешиваться в свои дела.

Обычно таких, как она, клеймят смутьянами, эгоистами, некоторые даже ненавидят их. В какой-то степени я согласен, что это было довольно обоснованно.

- Точно. Так просто, что мне почти завидно.

К своей досаде, я понимал ее.

Меня не могла не позабавить женщина, которая могла со сцены послать всех и каждого.

Как один из ее фанатов, я подумал: «Парочка таких людей миру не повредят».

- Ладно, теперь ты должен извиниться.

- Перед вами? – я прикинулся дурачком. Изумленная Мирай-сан улыбнулась.

- Идиот. Зачем передо мной? Ты должен извиниться перед «принцессой», которая то и дело поглядывает на нас оттуда! – громко сказала «королева».

Я развернулся и увидел, что Цукимори стояла рядом с кассой. Наши глаза встретились.

- До моих ушей донеслось, что Ваше Высочество пожелало извинений. Истинно ли это? – насмешливо спросил я, после чего Цукимори незамедлительно опустила глаза.

- К чему извинения? Мы же *не ссорились*, – ответила она, перебирая чеки.

- Боюсь, что Ее Превосходительство придерживается другого мнения.

- Да посмотри же ты, неужели непонятно, что она злится? Ей на лбу, что ли, надо это написать?! Давай, мне уже надоело быть вашим посредником.

- Не беспокойтесь, Мирай-сан. Я *совсем* не злюсь. Но даже *если бы* мы были в ссоре, и *если бы* я желала извинений от Нономии-куна, в них нет смысла, если он не виноват. Я предпочту отсутствие извинений пустому, неискреннему извинению, - сказала Цукимори на одном дыхании.

- «Не беспокойтесь»? «Совсем»? – меня выводили из себя пропитанные иронией намеки Цукимори. – Если человек хочет, чтобы его поняли, надо высказываться как можно яснее, не так ли, Мирай-сан?

- Теперь взглянем на это с другой стороны, Мирай-сан. Какая же это ссора, если Нономия-кун даже не догадывается о том, что сделал.

- Я не стану извиняться! У кого-то просто разыгралось воображение.

- Мирай-сан, забудем об этом идиоте.

Внезапно Мирай-сан взъерошила волосы и...

- А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

...закричала во все горло.

- Черт возьми! Просто заткнитесь! Вы действуете мне на нервы!

Менеджер и Саруватари-сан осторожно выглянули из комнаты отдыха, чтобы посмотреть, что тут происходит.

- Вы! Меня! Достали!

Мирай-сан обхватила рукой мою шею. Из-за мягкости того, к чему была прижата моя щека, я понял, что в ней все-таки было что-то женственное.

Она проигнорировала мои жалобы и быстро пошла к кассе, крича по пути: «Иди сюда!»

Добравшись до цели, она, как и ожидалось, вытянула свободную руку и проделала с Цукимори то же самое.

Нам, заключенным в объятьях Мирай-сан, пришлось смотреть друг другу в лицо, хотелось нам этого или нет.

Мне совсем не улыбалось видеть лицо Цукимори, но, к несчастью, скромная грудь

Мирай-сан сильно контрастировала с ее характером и не могла заградить мой взор.

Могу сказать, что она никогда не услышит это от меня. Никогда.



- У меня не ангельское терпение! Мне все это надоело! Забудьте об оставшейся работе и просто *выметайтесь!*

Она кричала на нас в своей обычной манере.

- Нономия! Извинись перед Ёко! А ты, Ёко, простишь его, когда он извинится! – сказала она, нахмурившись и смотря на нас по очереди. – Мне все равно, что у вас произошло, но чтобы до остановки помирились! А на работу завтра придете так же, как и всегда!

Уяснили? Это приказ!

До того, как я это понял, я и Цукимори словно по команде переглянулись и вздохнули.

- Эй, не слышу ответа!

Под градом подавляющих приказов мы вновь переглянулись и вынужденно кивнули: «Хорошо».

Мы молча шли к остановке по узкой аллее, освещаемой только уличными фонарями. Как только мы вышли на главную улицу, нашему взору предстал ослепительный свет неоновых ламп. Число прохожих возросло пропорционально изменению иллюминации, равно как и шум. Свет фар проезжавших мимо машин окрасил нас в желтый цвет. Вдалеке раздался вой сирены, ответом которой стал громкий лай собаки. А мы все молчали.

Цукимори первой решила разрядить обстановку.

Она внезапно остановилась.

- Ты вел себя странно, - прошептала она, сразу переходя к делу. – Тебя что-то беспокоит?

- Неужели это бросается в глаза? – ответил я вопросом на вопрос.

Она продолжила, чуть выдвинув подбородок: «Может, Конан-сан связан с этим?»

Я не говорил при ней о Конане...

- Я слышала, он приходил в кафе, пока меня не было.

...но понял, что кое о чем она уже знала.

- Если верить Мирай-сан, то вы неплохо ладили, прямо как закадычные друзья.

Что же наговорила ей Мирай-сан? Явно не то, что мне хотелось бы услышать.

- Не твое дело, - отрезал я и отвернулся.

Мне не хотелось говорить об этом детективе.

- Мое!

Я решил разобраться с Конаном без ее вмешательства.

- Сказал же, не твое.

Конечно, я понимал, что она никак не могла догадаться о том, что я просто не хочу ее втягивать.

- Я не могу оставить все как есть! – она внезапно стала серьезной. – Все, что касается тебя, для меня очень важно.

В широко раскрытых глазах Цукимори мое лицо было ужасно безучастным.

*Прекрати! Не смотри меня так!*

Я не мог жаловаться насчет ее настойчивого желания докопаться до того, что я скрывал, так что мне пришлось ускорить шаг.

- Я ненавижу настойчивых девушек!

Все было бы проще, если бы я просто притворялся, но, к несчастью, я не мог скрыть раздражение.

Разумеется, меня очень утомили недавние события. Меня расстраивало отсутствие всякого прогресса с делом Конана. На меня давило отсутствие выхода из этого тупика. Я не мог расслабиться, поскольку он мог узнать о рецепте убийства.

И вдобавок, я чувствовал превосходство Цукимори надо мной.

Внезапно, Цукимори потянула меня за руку: «Пошли». Она заставила меня сесть на старую скамейку рядом с автобусной остановкой. Затем она быстро дошла до торгового автомата и вернулась с двумя банками в руках.

Она улыбнулась: «Тебя ведь нравится ‘это’?»

Она протянула мне холодную и влажную банку апельсинового сока. Я был ошеломлен настолько, что забыл о своем раздражении.

Ёко Цукимори не стоило недооценивать. Вероятно, она слышала весь наш разговор в классе.

- Если мы поссоримся и здесь, я не смогу смотреть в глаза Мирай-сан.

Я выхватил у нее банку, открыл крышку и сделал глоток прохладной апельсиновой жидкости.

- Нам везет, за нас кто-то так сильно беспокоится. Согласен?

Кислый, освежающий вкус апельсинового сока эффективно справился с переполнявшими меня эмоциями.

- Все так, как ты и говоришь. Прости.

Цукимори села рядом со мной. «Нет, прости *меня*, пожалуйста, - ее волосы развевало ветром. – Я попыталась посердиться, - она хихикнула со все еще опущенными вниз глазами. - Потому что получала от тебя от ворот поворот».

Она приблизилась ко мне со взглядом, полным укора.

- Пожалуйста, приди ко мне в гости. Обещаю, что не стану делать ничего такого, ладно? – шутливо сказала она и засмеялась, но в ее глазах я увидел тень одиночества. Я вспомнил, что сейчас она была совсем одна.

Дом Цукимори был большим и, должно быть, казался еще больше, поскольку с ней никто не жил. Меня посетили тревожные мысли.

- Ну, у тебя было чем заняться.

Конечно, из-за Конана я не мог найти силы, чтобы ухаживать за Цукимори, но я испытывал слабое чувство вины из-за того, что бросал ее в одиночестве.

- О да, все потому, что кое-кто не только не помог мне, но и вообще забыл про меня, и поэтому у меня не было времени восстановить силы.

- Что ж, сочувствую.

- Видимо, ты не шутишь, а говоришь серьезно... - Цукимори намеренно пожала плечами и вздохнула.

Как и следовало ожидать, я отдал делу с Конаном больший приоритет, чем ситуации, в которой оказалась Цукимори.

- Так или иначе, я постараюсь вести себя в кафе так же, как и всегда, поэтому скажи Мирай-сан что-нибудь доброе, - я завершил наш разговор и поднялся со скамейки.

- Конан-сан и ты похожи на братьев, - пробормотала Цукимори. – Может быть, из-за этого я и чувствовала, что меня бросили, и была недовольна.

Я вновь сел на скамейку и взглянул на ее задумчивое лицо со стороны.

- Конан-сан и я похожи на братьев, говоришь? Разве ты и из Мирай-сан не делала мою родственницу?

- Да, делала. Вы трое очень похожи. Конечно, я имею в виду не внешность.

- Не желаешь объяснить?

Мне было очень интересно, как я выглядел в ее глазах.

- Как бы сказать... Не знаю, правильно ли использовать это выражение, но вы трое почему-то похожи своим «образом жизни».

- «Образом жизни», да.

- Мне жаль, что я не могу выразиться яснее.

- Нет, думаю, я понял, что ты имела в виду.

«Образ жизни» был довольно многозначным термином, но если понимать его, как «наши ценности», то я признавал, что в этом мы похожи. Во многом я разделял их ценности. Мнение Цукимори было наиболее интересным, поэтому мне хотелось спросить еще. Особенно о Конане.

- Скажи, что ты думаешь о Конане? Он довольно странный парень, да?

Цукимори положила подбородок на ладони и многозначительно вздохнула: «Конечно странный!»

- Ты не слишком довольна, - отметил я.

- Мне он не нравится. Неуютно от его присутствия, потому что постоянно приходится остерегаться его попыток расковырять мой характер. Поэтому находиться рядом с ним довольно утомительно. Детективы все такие?

Она опустила плечи, словно ее пробрала дрожь.

Я редко видел ее такой. Впрочем, если дело касается Конана, то у любого будет подобная реакция.

- А вот рядом с тобой мне хочется проводить один час за другим. Отчего же это?

Она вскинула голову и взглянула на мое лицо, подобно маленькому дьяволенку.

- И не спрашивай, - я отвел глаза, удостоив ее взглядом. – Не знаю о других детективах, но я уверен, что он необычный детектив. Он все время водит меня за нос. Я ему не ровня. Точно. Я был в тупике. Возможно, для меня он был слишком сильным противником.

- Но ты, как человек, похожий на него, должен понимать Конана-сана лучше, чем я, - сказала она. – Ведь так? – рот Цукимори растянулся в улыбке-полумесяце.

Мое сердце на мгновение перестало биться.

- Тебе не кажется, что он интересуется тобой больше, чем это необходимо, потому что ты ему нравишься? Вполне нормально по-особому относиться к людям, которые понимают тебя.

Мое сердце бурно реагировало на каждое ее слово.

- Нет. Я понятия не имею, о чем он думает.

- В самом деле. Время от времени я тоже понятия не имею, о чем ты думаешь, Нономия-кун, - она хихикнула, а ее волосы качнулись.

Мой разум затуманился – зацепка была так близка, а я не мог увидеть ее.

- Куда ты клонишь? Я так и не понял, что ты хочешь сказать.

Но я был уверен, что она есть.

- М-м, как я и говорила, вы похожи!

Цукимори озорно улыбнулась и замурлыкала.

- Нет, это я уже слышал.

Когда я умоляюще взглянул на нее, она слегка пожала плечами и, наконец, открыла рот.

Мой разум прояснился, когда ее слова достигли сознания.

- Если хочешь узнать, о чем он думает, просто подумай, что бы ты сделал на его месте!

«Потому что вы похожи. Поэтому ваш ход мысли тоже должен совпадать», - добавила она с улыбкой.

Не дожидаясь, пока она закончит, я начал размышлять.

Я сравнил действия Конана с моими мыслями. Что бы я сделал? Что бы мне захотелось сделать? Бесчисленное количество идей заполонило мой разум.

- Прости. Мне нужно кое-что сделать, - быстро сказал я, вложил 120 йен в ее ладонь и побежал домой. Я мчался по ночному городу, не заботясь о ее крике, цепляющемся за мои уши.

Мне просто хотелось побыть в одиночестве. Побыть в одиночестве и разобраться в мыслях.

Я не нашел ответа, как мне решить проблему с Конаном - я собирался подумать об этом сейчас – но я был на правильном пути.

Это дело не обязательно должно иметь ясный конец. И то, что скрывалось за инцидентом, было неважно. В этих двух вещах я был уверен.

Почему? Потому что я так чувствовал.

## Пока-пока

Время от времени по железнодорожному мосту проходили поезда. Каждый раз, когда это случалось, белое ограждение, на котором я сидел, начинало вибрировать, а туннель наполнялся оглушительным грохотом.

Я находился под железнодорожным путепроводом на границе жилого района недалеко от моей школы. Я выбрал это место потому, что тут даже днем никогда не бывает прохожих. Я коротал время.

Я не хотел, что бы кто-нибудь мне мешал.

Под железнодорожными путями, куда не проникало солнце, даже серый бетон выглядел более темным и мертвым, чем обычно. Я поежился, несмотря на то, что сейчас все еще был день.

Видимо, благодаря звукопоглощению бетона городской шум казался невероятно далеким. Когда я тихо сдерживал свое дыхание, то у меня возникало впечатление, что я нахожусь в изолированном помещении, расположенном в далеком пустынном месте.

Должно быть, благодаря этому я не заметил его, пока он не подошел.

На границе света и тени стоял похожий на жиголо высокий человек, который нагло ухмылялся, поигрывая во рту сигаретой.

- Привет! Довольно неожиданно с твоей стороны позвать меня. Что случилось?

Его голос отразился от окружающего нас бетона.

- О, неужели ты *вспомнил* какую-то важную информацию, касающуюся Ёко-тян?

Он выплюнул сигарету, которая описала в воздухе параболу, прежде чем упасть на асфальт.

- Ну и ну, - начал он, разминая шею. - Ты выбрал очень безлюдное место. Неужели хочешь вызвать меня на дуэль? - он затушил сигарету карамельно-коричневыми туфлями.

- Такой слабак, как я, совершенно не готов к дуэлям, - я помотал головой. - Но я *хочу* разобраться с тобой.

Я спокойно поднялся и уставился на человека в нескольких метрах от меня.

- Давай положим этому конец, - улыбнулся я.

- Это моя фраза! - он закрыл один глаз и широко ухмыльнулся. - Но раз уж ты выступаешь в роли хозяина, я позволю тебе начать первому.

Конан прислонился к стене, скрестив руки на груди.

- Я бы хотел начать не с заявления, а с вопроса.

- Ох, конечно, конечно. Сколько твоей душе угодно, не стоит быть таким робким, - он беззаботно кивнул.

- Почему ты стал детективом?

Услышав вопрос, он с интересом прищурил глаза и начал поглаживать подбородок.

- Не хочу грубить, но ты не похож на человека, действующего из чувства справедливости.

- Ого, все же это грубо. Вообще-то, я привык отвечать на такие вопросы: «Чтобы защитить мир!» - и ярко улыбаться при этом.

Увидев мое ошеломленное лицо, он сухо рассмеялся.

- Я живу ради этой работы! - внезапно он стал серьезным. - Я выбрал работу, на которой я каждый год вкалываю с утра до ночи, не зная отдыха, и где могу потерять свою жизнь из-за малейшей ошибки. Потому что я еще и государственный служащий, люди бранят меня и называют налоговым паразитом, несмотря на мою невысокую зарплату. Так почему же я выбрал такую неблагодарную работу? Понимаешь, дело в том, что я встречаю самых разных людей и наблюдаю за их отношениями в самых разных ситуациях: и радостных, и печальных!

Конан посмотрел вверх, а от восторга в его глазах словно зажегся странный свет.

- Я испытываю непередаваемые ощущения, когда рушатся их маски! Такое чувство, словно я тайно наблюдаю за истинной природой людей. Голые эмоции говорят правду красноречивее любых доказательств.

Когда он закончил, я больше не мог сдерживать смех.

- Это жестоко, Нономия-кун. Я первый раз в жизни серьезно ответил на этот вопрос только потому, что ты выглядел так решительно! Готов поспорить, ты сейчас считаешь меня каким-то психопатом.

Я помотал головой.

- Ни в коем случае. Я услышал такую нелепость. Видишь ли, тебе это идет.

- Ого, какая необычная оценка.

- Наверное. В конце концов, я такой же никчемный, как ты.

- Я знаю, - сейчас пришла его очередь рассмеяться. - Я это понял, как только увидел тебя. Наблюдая за его усмешкой, я убедился в том, что Цукимори была права. Мы и вправду очень похожи.

- Итак, что еще ты хотел мне сказать? – он снова скрестил руки на груди.

- Мне нет необходимости тебе что-то говорить!

- О, ты все так и оставишь? Я имею в виду то, что я говорил насчет Ёко-тян.

Конан с сомнением приподнял одну бровь.

- Ты неправильно меня понял. Я хотел сказать, что мое мнение совсем не изменилось.

- Несмотря на все то, что я тебе сказал?

- Да, несмотря на все это.

- Ого, да ты просто невозможен! Ты же шутишь, верно? Разве ты не согласен с моими доказательствами?

- Конечно, я согласен. Настолько, что этот случай можно увидеть в таком любопытном свете. Благодаря тебе я смог ознакомиться с тем, как профессиональные детективы занимаются расследованием, выводя одно логическое заключение на основе другого. Но это все. Моя уверенность в Цукимори от твоих доводов не пошатнулась ни на йоту. Когда я улыбнулся, он на долю секунды сердито посмотрел на меня.

- Это всего лишь твои предположения. Честно говоря, это просто беспочвенный продукт твоей богатой фантазии.

Конан невыразительно наблюдал за мной.

- Разве не ты говорил, что остальные полицейские считают этот случай самоубийством? Другими словами, ты подозреваешь ее по личным мотивам, верно? Я не знаю, насколько хороший из тебя детектив, или какое положение ты занимаешь в полиции, но твои действия можно назвать «игрой на публику».

Поскольку он не ответил, я пошел еще дальше.

- Ты же говорил, что даже в таком маленьком городе каждый день случаются различные происшествия, разве у тебя есть свободное время? Если ты будешь продолжать вмешиваться в нашу с Цукимори жизнь, то ты заслуживаешь ярлыка налогового паразита. Разумеется, у меня была причина для такой грубости.

- Давай не будем тратить друг на друга свое время. Если ты вспомнишь, в чем заключается твоя работа, то я смогу беззаботно вернуться к своей мирной школьной жизни.

Я был уверен, что у него не было неопровержимых доказательств. Другими словами, он еще не знает о «рецепте убийства». А без него невозможно разумно обосновать подозрения насчет Цукимори.

- Ты сделал все, что мог. Но у тебя еще много других дел. Поэтому давай положим этому конец.

Меня поддерживало еще кое-что.

Никто не будет его ругать, если он откажется от этого дела. В полиции считают это дело самоубийством, поэтому Конану ничего не мешает бросить его. Он с самого начала действовал по своей инициативе. Вот что я выяснил.

- Ты попал в цель. Ты абсолютно прав. Мне нечего на это возразить, - криво улыбаясь, он достал из кармана пиджака новую сигарету и положил ее в рот. - Честно говоря, и глава департамента, и начальник участка, короче, большие шишки, постоянно надоедают мне,

потому что хотят, чтобы я правильно делал свою работу. Хотя мои коллеги уже сдались, поскольку для них это в порядке вещей, хе-хе!

Во тьме загорелся маленький огонек. Конан прикурил сигарету при помощи зажигалки, рекламирующей какую-то сомнительную продукцию.

- А ты догадываешься, почему они до сих пор позволяют мне играть на публику?

Он выдохнул клуб дыма.

- Потому что у меня есть талант! - самоуверенно заявил он. - А знаешь, что делает меня талантливым?

Он постучал себе по лбу.

- Моя острая интуиция.

Через мгновение его громкий голос разнесся по всему тоннелю.

- Перейдем к делу! *Превосходный* и умный детектив *Конан* говорит, что это подозрительно! Понимаешь, сопляк вроде тебя вообще не имеет права судить об этом!

Его голос отражался от стен и потолка и всей тяжестью обрушивался на меня. Мне показалось, что я оказался посреди шумной толпы.

- Суть в следующем! Несмотря на то, что говорят все остальные, или что она сама это отрицает, я говорю, что она совершила убийство. То есть Ёко Цукимори убила свою мать!

- закончил он свою речь, сделал затяжку и сразу же выдохнул сигаретный дым.

- Для этого нет никаких оснований... - кое-как выдавил я, ошеломленный его напором.

- Согласен, нет. Но скажи мне, разве наш мир устроен иначе? Не имеет никакого значения, что правильно, а что нет - кто сильнее, тот и прав, верно? - из его рта вырвался клуб дыма.

- Видишь ли, *потому что* я верю в себя и свою интуицию и *потому что* я остаюсь верным себе, я смог добиться впечатляющих результатов. И *благодаря* этим результатам, никто не может указывать, что мне делать.

Он ухмыльнулся.

- Поэтому извини, Нономия-кун, но я буду делать то, что хочу...

Но его специфическая ухмылка выглядела смертельно серьезной.

- Потому что такова жизнь, которую я выбрал.

Когда я еще раз посмотрел на его ухмылку, то пришел к выводу, что она, должно быть, является олицетворением его сущности.

Грубо говоря, Конан является лунатиком в клоунском наряде.

Нелегко жить, выставляя напоказ необычность своего рассудка. Видимо, поэтому он смог адаптироваться в нашем обществе, ведя себя легкомысленно большую часть времени.

Эта ухмылка, должно быть, отражает остатки того безумия, которое он не смог скрыть.

- Хорошо, теперь моя очередь, - Конан затушил каблуком сигарету.

И засунул руки в карманы брюк.

- Почему ты так стремишься защитить Ёко-тян?

Медленной и спокойной походкой он направился ко мне на своих длинных ногах. Шаг за шагом, его кожаные туфли издавали громкие звуки, заполнявшие тоннель.

- Разве ты не согласен, что трудно верить в нее без *большой* доли личной симпатии?

Я почувствовал, что от звука его приближающихся шагов мой живот начал все сильнее и сильнее сжиматься в узел.

- Не то чтобы я защищал ее! Я просто не могу поверить в то, что моя одноклассница является убийцей. Разве это не нормально, что я не могу и не хочу верить твоим бредням?

- Ага, совершенно нормально, - невзначай согласился он. Однако это была лишь прелюдия. - Но постой, я ведь детектив. Нет ничего дурного в том, чтобы подозревать ее, верно? Я имею в виду: «Эй, ее же подозревает *полиция*, значит, все не просто так!» Я думаю, тебе ничто не мешает поверить мне и признать, что у меня есть основания подозревать ее. Не стоит быть таким пренебрежительным. Ведь это же мнение опытного детектива, который расследовал множество происшествий. Ну, что скажешь? - опытный демагог Конан обрушил на меня просто поток слов, в результате атмосфера вокруг нас накалилась.

- Видишь ли, я очень своенравный человек. И при этом довольно упрямый. Поэтому я не хочу просто соглашаться с тем, в чем полностью не уверен!  
Естественно, мои руки вспотели, и голос немного задрожал.
- Думаю, так и есть. Я согласен с тем, что ты такой человек.  
Я отметил, что его улыбающееся лицо выглядит очень довольным.
- Но хоть ты и своенравен, Нономия-кун, ты не идиот и не страдаешь от нехватки здравого смысла. Поэтому я не могу понять, почему ты так рьяно ее защищаешь. Судя по твоему характеру, разве ты не должен вместо этого искать изъяны в идеальности Ёко-тян? По крайней мере, тот Нономия, которого я знаю, верит только в то, что он увидел своими глазами.
- Когда ты понимаешь, что другая сторона показывает свою заинтересованность в тебе, то это приятное чувство. Более того, если эта заинтересованность происходит от такого талантливого человека, как Конан, то ты должен просто радоваться.
- Однако я не мог справиться с чувством беспокойства, возникающим из-за того, что его догадки били точно в цель. От этого отвратительного чувства все мое тело с головы до ног сильно напряглось, и я вздрогнул.
- Прежде чем я заметил, Конан уже стоял рядом со мной.
- Короче говоря, я уже пришел к выводу, что источником твоей безусловной поддержки Ёко-тян являются твои личные чувства, направленные на нее. Ты словно: «Я буду верить в нее, даже если весь мир будет против нас!» О, до чего же велика сила любви. Эй, не смотри на меня так! Я не насмехаюсь над тобой. Вообще-то, мне нравится такой образ мышления. Нет, скорее, я его люблю!
- До чего болтливый человек. Не то чтобы я был ошеломлен, но я просто снимаю перед ним шляпу. Интересно, есть ли в этом мире хоть один человек, который бы не стал отвечать Конану после того, как побыл мишенью его слов.
- У тебя невероятно богатое воображение.
- Ну, моя работа требует богатого воображения.  
На его лице возникла весьма довольная улыбка.
- Но есть еще одна. Еще одна вероятность, почему ты можешь защищать Ёко-тян, - его улыбка исчезла. - А именно - у тебя есть некое доказательство, что Ёко Цукимори никого не убивала.
- В моем сознании немедленно появился рецепт убийства.
- Итак, у тебя оно есть?
- Ничего подобного.
- Слишком плохо, - ответил он, выглядя не очень разочарованным.
- Пока мое тело находилось в оцепенении, он продолжил. Самым обычным голосом.
- Кстати, мне очень интересно, что это там, в левом нагрудном кармане?

Моя рука рефлекторно ухватила за карман.

Конан моментально отреагировал.

Словно вытаскивая меч, он быстро достал руки из карманов и сразу же схватил меня за грудь. После этого он сделал большой шаг в мою сторону, и мое поле зрения внезапно опрокинулось.

Через мгновение я почувствовал спиной сильный удар, после чего возникла резкая боль, которая разошлась по всему телу. От этой боли я издал низкий стон. Моя голова закружилась, и я потерял способность двигаться. Но, несмотря на сильную боль, я больше не мог стонать, поскольку еле дышал.

Это произошло настолько быстро, что сначала я даже не понял, что со мной случилось.

Но сейчас до меня дошло, что он бросил меня на твердый асфальт при помощи какого-то приема, похожего на прием Харайгоси из дзюдо.

- Я немного феминист, поэтому не хочу быть грубым с женщинами. Но с другой стороны,

я весьма беспощаден к мужчинам! - невзначай произнес он, сев на меня верхом.

- Ух... Ты об этом пожалеешь, - выдавил я и сердито посмотрел на Конана.

- Не беспокойся, не беспокойся! Пока никто ничего об этом не знает, мне ничего не будет! Это ни капли его не беспокоит.

- Итак, почему бы нам не взглянуть, что ты прячешь в том кармане?

Я крепко схватил свой пиджак обоими руками.

- Ого! Судя по твоему отчаянному сопротивлению, похоже, там и правда есть нечто, имеющее отношение к Ёко-тян.

Я не должен был отводить взгляд, когда он посмотрел мне в глаза.

- Ха! В яблочко?! Порой моя интуиция удивляет даже меня самого! Все интереснее и интереснее! - засмеялся он, а в его глазах снова зажегся странный свет.

Конан попытался разжать мою хватку, которую я, все еще находясь под ним, изо всех сил пытался удержать.

- О-го-го. Ты не знаешь, когда остановиться!

Конан посмотрел по сторонам.

- Ха, здесь никого нет, - пробормотал он. - Веришь ты мне или нет, но я раньше тоже учился в старшей школе. В то время я был довольно испорченным мальчишкой. Почему-то он начал говорить о прошлом.

- Причем испорченные ребята, вроде нас, для упрочения дружбы при помощи кулаков выбирали, сюрприз, пустынные тоннели под железнодорожными путями! Наверное, теперь ты понял, почему я в самом начале спросил тебя, уж не собрался ли ты устроить со мной поединок.

Я не понимал, к чему он клонит, и это пугало меня.

- Не догадываешься, почему мы обычно собирались под железнодорожными путями? В этот момент земля подо мной начала дрожать. Похоже, приближается поезд.

- Дело в том, что все крики тонут в шуме проходящего поезда.

Словно подтверждая его слова, в воздухе раздался оглушительный грохот, который подавил все остальные звуки.

- Ты же шутишь, верно?

Мои испуганные слова, разумеется, утонули в этом шуме.

От вибрации, создаваемой поездом, мое тело затрясло. Нет, пожалуй, это дрожал я сам.

Я почувствовал лбом холодное прикосновение металла.

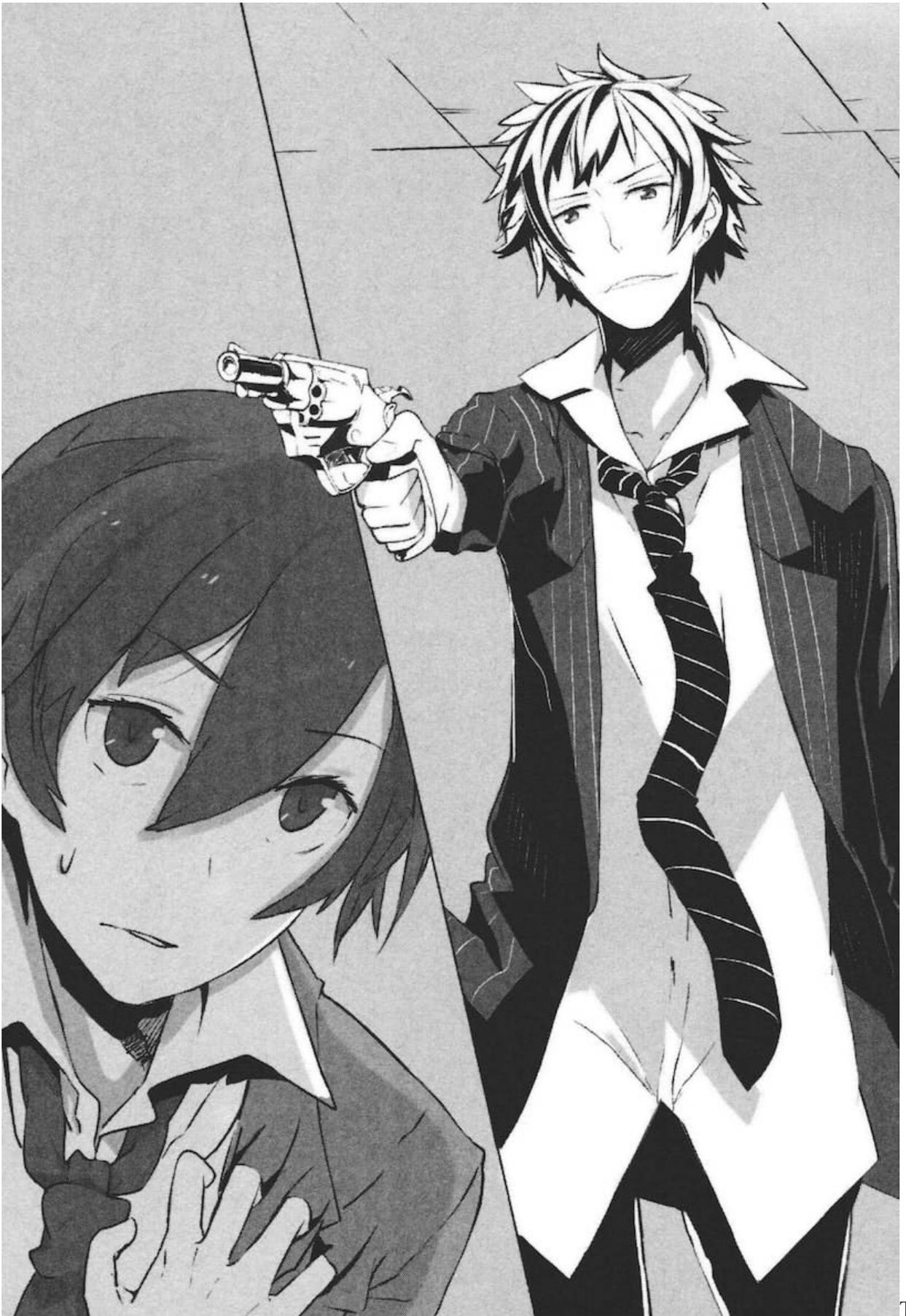
Все еще крайне сконфуженный, я уставился на то, что находилось у меня перед глазами.

В вытянутой руке Конан сжимал черный предмет. Цилиндрический наконечник этого твердого черного объекта был приставлен к моему лбу.

Как только грохот немного спал, и я стал различать нормальные звуки, Конан невыразительно произнес: «Если правильно выбрать время, то этот шум скроет даже звук выстрела».

Я неумышленно сглотнул.

*«Не может быть. Может, он и правда псих, но вряд ли на самом деле нажмет на курок. Должно быть, это всего лишь глупое представление, устроенное для того, чтобы запугать меня»,* - говорил мне мой разум.



Т  
ак Однако волосы прилипли ко лбу. Сердце разбилось, а дыхание вышло из-под контроля. Контрастируя с логическим мышлением, тело было так напряжено, что я даже не мог моргнуть.

- А сейчас - отпусти.

Я вложил в пальцы всю оставшуюся силу.

- Вот это дух. Хороший парень.

Однако мои руки были с легкостью отброшены. К сожалению, у меня не осталось сил, чтобы сопротивляться ему.

Конан умело расстегнул одной рукой обе пуговицы пиджака и засунул руку во внутренний карман.

Когда он достал ее, пальцы сжимали маленький сложенный клочок бумаги.

- Ха, лист бумаги. Интересно, что я тут найду?

Он решил, что я полностью потерял волю к сопротивлению, поэтому убрал револьвер от моего лба и обеими руками развернул лист.

Конан скользнул по нему взглядом с серьезным выражением лица.

Поскольку он сидел на мне, я не мог двигаться, поэтому мне пришлось рассматривать бетонный потолок, который был не очень интересным.

«О, время, иди быстрее!» - безмолвно попросил я.

- Позволь мне прояснить одну вещь. Кто написал этот рецепт?

Он поднес этот лист к моим глазам.

- Я не знаю, - выдавил я из себя и отвернулся.

- Значит, моя интуиция меня не подвела, - уверенно произнес Конан. - Судя по твоей реакции, это ты его написал.

Я сохранял молчание.

- На первый взгляд, буквы выглядят очень, гм, по-мальчишески, поэтому я учел такую возможность! Но я имею в виду, что написанное тут совершенно расходится с образом, сложившимся у меня о тебе, понимаешь? Ты и эта вещь, ха. С каким чувством ты это писал? О, нет, только не говори мне, что ты писал этот текст с таким невозмутимым лицом!

Видимо, из-за моего невозмутимого лица он внезапно схватился за живот и начал дрожать со слезами на глазах. Он хихикал, набирая обороты, словно взлетающий самолет. А затем...

- Ха-ха!

Он разразился громким смехом. Самолет только что взлетел в небо.

Его хохот раздавался по всему тоннелю и безжалостно обрушивался на меня со всех сторон. Я испытал огромное унижение из-за того, что поставил себя в глупое положение.

- А-а-а, прекрати, а-а-а, я умираю! Умираю от смеха! Ах, я несколько лет так не смеялся...

Теперь и вспомнить нельзя будет – заржу как лошадь, - сказал Конан, все еще смеясь и постанывая. - Ах, должен признать, что такой контраст застал меня врасплох. Это что-то новенькое. Никогда бы не подумал, что наш ворчливый Нономия-кун может написать такое сладчайшее письмо, способное возбудить любовь даже в самой невинной девушке на земле.

Он опять не смог сдержаться и захохотал.

Заглавие листа, протянутого мне Конаном, гласило:

«Рецепт Любви.»

Рецепт Любви содержал все варианты игривых фраз и действий, служащих для того, чтобы завоевать девичье сердце. Слова, настолько сладкие, что они не проиграли бы вкусу блинов, облитых кленовым сиропом, полностью покрывали страницу, не оставляя ни единого свободного места.

Разумеется, это очень страшный предмет, даже малая частица которого способна вызвать тошноту у любого обычного человека вроде меня, не имеющего физической защиты от

сладких слов.

Если ты всю ночь напролет собственноручно пишешь настолько опасную вещь, вкладывая в нее весь свой разум, то сохранность твоего рассудка гарантировать больше нельзя. Даже если ты выживешь, то у тебя останется ужасная душевная травма на всю жизнь.

Единственный уцелевший заявляет, что живой человек просто цепенеет всего через несколько минут после того, как начинает это писать.

Закончив, наконец, смеяться, Конан тихо спросил меня:

- И? Ты хочешь, чтобы я закрыл дело лишь из-за этого?

- Я был бы очень признателен.

Он схватил мою голову обеими руками и склонился надо мной. Мое темное поле зрения стало еще темнее.

- Но я не могу отступить на полпути! - заявил он, пронзая меня глазами.

- Но это, - начал я, самоуверенно улыбнувшись, - твоя точка зрения только как детектива.

- О чем ты?

Над ним появился вопросительный знак. Поэтому, отвечая на его вопрос, я усмехнулся.

- Прямо сейчас ты выглядишь абсолютно счастливым!

Он мог сказать, чего хотел, но его глаза сверкали, как у ребенка, только что попавшего в парк развлечений. Конан выглядел для меня так, словно состоял из радости.

- Разве ты уже не достаточно повеселился?

Поглаживая подбородок, Конан начал размышлять над моими словами.

Он не стал отрицать, когда я заявил, что он выбрал работу детектива не из-за чувства справедливости.

Но он сказал, что хочет наслаждаться наблюдением за людьми и их отношениями.

Короче говоря, самому Конану все равно, на самом ли деле Цукимори убила свою мать или же нет. Хотя поиск истины и был частью его хобби, но он никогда не являлся его основной целью.

Поэтому я исходил из того, что *на самом деле* должно являться его целью. И пришел к следующему заключению: с того момента, как я осознал, что мы похожи друг на друга, я чувствовал, что такого конца не избежать.

- О да, ты меня уделал!

Конан крутанул на пальце свой револьвер и убрал его в кобуру, спрятанную под пиджаком.

- Как только я засмеялся, это определило мое поражение. После такого приступа смеха я больше не могу говорить, что мне было скучно.

Как только он встал, то протянул мне руку. Я ухватил ее.

- Хорошо, я закрою дело.

А затем он поднял меня на ноги.

- Спасибо.

Слова благодарности вырвались у меня изо рта. Похоже, я испытал облегчение.

Учитывая нашу схожесть, мне несложно было понять мотивы его действий, но у меня не было ни шанса на победу в споре, поскольку он был намного опытнее. По сути, моя первая попытка как раз и была отбита его ошеломительным напором.

Поскольку шансы были не в мою пользу, я приготовил в качестве козырной карты «Рецепт Любви».

Основная цель заключалась в создании непредвиденной ситуации. Я хотел удивить Конана, сделав то, чего он совершенно от меня не ожидал. И, наконец, при помощи этой неожиданности выбить землю у него из-под ног.

Мое отчаянное сопротивление не было игрой. Я так сильно хотел сохранить свой козырь до последнего, что даже забрал бы его с собой в могилу.

Если бы не револьвер, я бы мог и проиграть.

- Ах, да, мне уже пора, - сказал Конан, одной рукой стряхивая пыль с костюма. - Помни, что для больших шишек это происшествие настолько ничтожно, что даже не попало в новости. Понимаешь, у любой организации, не только полиции, есть тенденция не тратить время, деньги и рабочую силу на ничтожные вещи. В конце концов, им ничего не даст расследование инцидента, на который всем наплевать.

- Похоже на деловые отношения, - я последовал его примеру и обеими руками стряхнул пыль со своей формы.

- Точно. Если взглянуть с этой стороны, возможно, я на самом деле являюсь кем-то вроде офисного сотрудника, - его кивок был полон согласия. - Ну, дело еще и в том, что даже я не могу постоянно работать над каждым мелким происшествием, несмотря на то, как сильно желают этого все остальные! Я имею в виду, у меня же талант. Они хотят, чтобы я расследовал громкие преступления.

А затем он сложил рецепт и невозмутимо положил в карман своего пиджака.

- Эй, отдай! - я торопливо остановил его.

- Хм? О чем это ты? Это же *мое*, не так ли?

- Нет, это *мое*. Пожалуйста, верни его.

- Обойдешься.

- Но он же тебе совершенно не нужен.

- Это сокровище, которое я искал всю жизнь. Это незаменимая память о тебе. Время от времени я буду перечитывать этот рецепт и вспоминать тебя и те счастливые дни, что мы провели вместе с тобой.

- Прекрати. Ты определенно хочешь сделать из меня посмешище!

- Никогда бы не подумал.

Наблюдая за его невозмутимостью, я не смог сдержать вздох.

- Да ладно, разве это не хорошая сделка? В обмен на этот жалкий клочок бумаги я закрою дело! Если это не отличный финал, то что?!

- Это не физическая проблема, а психологическая.

- Ну, поскольку ты парень, то у тебя должно быть несколько шрамов.

Зажигая сигарету, Конан слабо улыбнулся.

- Понимаешь, даже я иногда думаю, что обладаю скверным характером. Но мы же не можем просто взять и поменять наши пристрастия или наши ценности, верно?

Я понял, что соглашаюсь с задумавшимся передо мной Конаном.

- Говорят, что человек в состоянии поменять свой образ жизни, но я считаю, что это всего лишь сладкая ложь. По крайней мере, я точно не смогу. Если ты хочешь поменять свою жизнь, то тебе придется отбросить все, что ты делал до этого момента, и стать новым человеком. Я люблю себя таким, какой я есть. Поэтому мне не остается ничего другого, кроме как цепляться за свои нынешние принципы!

А затем он показал мне свою ухмылку, которая очень ему идет.

- Один из моих знакомых сказал нечто подобное. Что-то вроде того, что мир с самого начала является полным дерьмом, поэтому нужно жить по своим правилам.

- Ого. Мы бы обязательно поладили.

- Да, согласен. Не знаю, как насчет нее, но ты непременно будешь ей очарован.

- Значит, это женщина?

- Да.

- Хо-хо, ты обязательно должен как-нибудь нас познакомить.

- Если у меня будет на это время.

- Кстати...

- Да?

- Что это было на самом деле? Что ты скрывал?

Пока я не могу ответить ему.

Конан заверил меня, что закроет это дело. А он не такой человек, чтобы нарушить свои обещания.

Но я все еще не могу заставить себя рассказать о рецепте убийства кому-либо еще.

Однако Конан внезапно потрепал меня по голове.

- Извини. Забудь об этом. Ты бы назвал мой вопрос необдуманным.

Он выдохнул немного дыма.

Рельсы закрипели, заставляя вибрировать весь тоннель, и заглушили все остальные звуки вокруг нас.

В то время, пока не было слышно других звуков, Конан чувствовал себя, как дома, и смаковал сигарету, тогда как я смотрел на далекое синее небо, словно наслаждаясь наблюдением за звездами.

Наконец, поезд прошел и забрал с собой создаваемый им грохочущий мир.

- Удачи, Нономия-кун. Я недолго был с тобой, но мне понравилось это время!

Это были первые слова, что я услышал после того, как шум утих.

- Я тоже... отчасти наслаждался этими днями.

- Отчасти?! Боже мой... - сказал он и неторопливо направился к выходу, шаркая туфлями.

Я молчаливо смотрел ему в спину, когда он нелепо помахал мне рукой.

- Ах, позволь мне под конец прояснить один момент, - его шаги замерли рядом с выходом из прохода. - Счастлив? Черта с два! Чтоб ты знал! Я совсем не счастлив! Я хотел подольше поиграть с тобой и Ёко-тян!

Он так сильно напоминал малыша, который не хотел, чтобы заканчивались летние каникулы, что я даже засмеялся: «Господи!..»

- Счастливо.

- Пока!

Хотя мы прощались не навсегда, но вряд ли мы в скором времени увидим друг друга. Мы можем жить в одном городе, но у нас не будет возможностей для встречи. Просто наши пути случайно пересеклись. Вот такими и были наши взаимоотношения. Между мной и Конаном, между двумя людьми разных возрастов и занятий.

- Ах, да! Я почти забыл...

Он быстро обернулся и подмигнул.

- Вообще-то, я одинаково люблю и женщин, и мужчин!

- Э?..

Он помахал мне на прощанье рукой: «Пока-а-а-а!» - и исчез в свете дня, оставив меня в смятении.

- Би? Да иди ты!

Я был уверен, что это очередная злая шутка, и он просто надо мной посмеялся.

- Как глупо, - я тряхнул головой.

Я изо всех сил пытался заставить себя поверить в то, что это *была* всего лишь шутка, но ничего не мог поделать с мурашками, покрывшими все мое тело.

Черт, Конан остался бездельником до самого конца. Я никогда не встречал таких людей. В этом мире их, должно быть, не так много. Я понял, что, наверное, никогда больше его не увижу.

Поэтому для меня это расставание было немного печальным.

Махнув на прощанье рукой, я развернулся и направился к противоположному выходу.

Когда я покинул тоннель, мой разум занимала только она и никто более.

## Лунный Свет

Я позвонил ей ночью.

«Я хочу с тобой поговорить».

Я назначил ей встречу, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Поскольку встреча, скорее всего, будет долгой, мы решили провести ее в субботу, после работы. Она предложила встретиться у нее дома, но я отказался. Это место никак не ассоциировалось с хорошими воспоминаниями.

Потому она предложила встретиться на холме парка, где нашли ее мать. Мой ответ последовал незамедлительно.

«Хорошо».

Конечно, мне не очень понравилось, что она выбрала тот парк, но вид оттуда весьма радовал глаз.

Если подумать, ее нисколько не удивила моя неожиданная просьба. Она с готовностью согласилась.

Полагаю, она ждала этого дня.

Нет, не так.

Она с нетерпением ждала этого дня.

Вот о чем говорил ее голос – она говорила так, словно речь шла о свидании.

Это была лунная ночь.

Свет золотой луны, смотревшейся королевой среди звезд, очень ярко освещал землю, заставляя забыть, что сейчас ночь.

От этого парка можно было дойти до дома Цукимори за пару минут.

Когда я увидел зеленый забор парка, дыхание участилось настолько, что казалось, что я сейчас упаду в обморок.

Я посмотрел на часы. Был двенадцатый час, потому что я уже успел забежать домой, принять душ и переодеться.

Ну, мне хотелось направиться в парк сразу после работы, но Цукимори сказала «нет».

Она настаивала, чтобы мы приоделись для нашего первого свидания.

Не принимая внимания то, что это было не свидание, я согласился. И правильно сделал.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы отделить себя от повседневной жизни.

Я подошел к парку. В нем не было ничего особенного, просто маленькое местечко, покрытое деревьями, с разбросанным то тут то там игровыми площадками. Единственное, что бросалось в глаза, – белая деревянная башня рядом с обрывом.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Свежий воздух заполнил мои легкие. Я медленно выдохнул, в последний раз проверил левый нагрудный карман и вошел в парк.

- Я устала ждать.

Я прищурился и посмотрел туда, откуда исходил голос.

- Но я должен поблагодарить тебя за то, что ты пришла вовремя.

Я затаил дыхание. Белоснежная Цукимори сидела на красных турниках.

- Тебе идет черное, Нономия-кун.

Кроме белой рубашки под пиджаком, я и правда был одет во все черное.

Цукимори хихикнула: «Но именно этого я и ожидала, потому оделась во все белое».

На ней было белое платье, а на ногах белые туфли. На плечи она накинула прозрачную белую шаль, в волосах была белая заколка.

Мне казалось, что сама луна держалась на плечах белой, как снег, Цукимори.

- Начнем наше свидание?

Ёко Цукимори скрестила ноги и оперлась на плечо, слегка откинув голову. Локон прекрасных черных волос спадал на ее губы.

Эта картина была похоже на сон. Я быстро покачал головой, чтобы развеять это впечатление.

- Помнишь, на следующий день после того, как попросила меня встречаться с тобой, ты сказала, что нам необходимо лучше понимать друг друга?

- Да, - она кивнула головой.

- Еще ты сказала, что я могу принять решение, когда мы узнаем друг друга, верно?

- Да, - она прищурила один глаз.

- К несчастью, я все еще не понимаю тебя. Мы пока не можем встречаться.

- Тогда что ты хочешь узнать обо мне?

«Все», - чуть не сказал я. Но, судя по ее уверенной улыбке, я мог спросить только одно.

- Это ты убила ее?

Моментом позже она прыгнула с турников в темное синее небо.

Ее шаль развеялась, как крылья лебедя, а сама она приземлилась так мягко, словно была перышком, упавшим с этих крыльев.

- И о чем это мы говорим?

- Что ж, ты можешь назвать это... - я притворился, что раздумываю, и продолжил со своим обычным безучастным лицом, - разгадкой головоломки Ёко Цукимори.

Цукимори продолжала улыбаться, как и всегда.

- Ясно, похоже, нас ждет кое-что поинтереснее свидания.

Но именно такой я и хотел видеть ее, моего драгоценного врага.

Одно время я думал, что Цукимори никого не убивала, поскольку был уверен, что она не станет так глупо поступать.

Однако с появлением крайне проницательного мужчины ситуация приняла неожиданный оборот. Моя теория была разбита вдребезги парой сомнительных обстоятельств и противоречий, о которых поведал мне Конан.

По правде, мои сомнения неизбежно бы проснулись вновь и без него, учитывая, как хорошо я знал Цукимори и рецепт убийства, случайно попавший ко мне.

Кому-то может показаться странным то, что я уверился в ее невиновности.

Я и вправду думал, что во всем виновата ее мать, потому что рецепт убийства был написан ее рукой. Однако эти улики не доказывали невиновности Цукимори.

Я сам был решающим фактором в своей вере в ее непричастность.

Только теперь я понял, что очень не хочу видеть ее убийцей. Можно сказать, что мое воображение лишь за это и держалось, потому что мне не хотелось терять интересного человека.

Другими словами, ее невиновность была моим капризом.

Я сел на перила, а она забралась на качели.

Я начал объяснять, почему начал сомневаться в ней, вспоминая одну причину за другой.

Подозрительно вовремя сделанный звонок из кулинарной школы; беззвучный режим на ее телефоне; ее неестественное поведение, когда она пошла за полотенцем, а не начала искать свою мать, и то, что предсмертная записка была написана не от руки, а напечатана на компьютере. Еще я сказал ей о своей гипотезе, по которой она желала, чтобы именно я нашел предсмертную записку.

Цукимори молча слушала меня и кивала, ничего не отрицая и не подтверждая.

Выслушав меня до конца, она задумчиво взглянула на небо, прежде чем с уверенностью спросить: «Это ведь наблюдения Конана-сана?»

Я кивнул головой. Все верно, большую часть аргументов я почерпнул из бесед с Конаном.

- Но я согласен с ним, так что можешь считать их моими.

Цукимори притворно удивилась.

- Так вы об этом шушукались все время? – она нахмурилась и слегка надула губы. – Как подло! Вы оба меня подозреваете?

- Нет, - я покачал головой. – Конан-сан к этому делу больше не причастен. Я – единственный, кто подозревает тебя.

Она восхищенно ахнула: «Не верится, Конан-сан больше не подозревает меня, а ведь он был так настойчив. Что за магию ты использовал, Нономия-кун?»

- Все благодаря твоей подсказке, - туманно объяснил я, не упомянув о «Рецепте любви». «Если ты хочешь узнать, о чем он думает, просто подумай, что бы ты сделал на его месте!»

Без этой подсказки я, наверное, так и не смог разобраться с Конаном.

- О, так я смогла помочь тебе? – Цукимори улыбнулась. Этим взглядом она напоминала заботливую сестру, которая радуется достижению своего младшего брата.

Поэтому я тяжело вздохнул.

«Понятно... она и правда спасла меня», - подумал я.

Она с первого слова догадалась, что это аргументы Конана, а значит, прекрасно знала, о чем мы говорили.

Она была потрясающей актрисой, если вспомнить вечер, когда нас выпроводила из кафе Мирай-сан, - ее откровенно агрессивное поведение было очень необычным, да и то, как она упомянула Конана, вряд ли можно назвать простым упоминанием.

Похоже, она в очередной раз играла со мной. Должен признать: как актер, она гораздо лучше меня.

Из-за того, что я продолжал молчать, она слегка склонила голову: «М-м?»

Она не переставала улыбаться с самого начала. Несмотря на то, что я называл ее «убийцей».

Ее улыбка была похожа на товарный знак. В сознании остальных людей, Ёко Цукимори выглядела всегда улыбающейся святой девой.

Однако я не хотел видеть ее такой. Прямо сейчас я мечтал, чтобы она перестала улыбаться.

Мои пальцы сами потянулись к левому нагрудному карману.

- Точно, я хочу кое-что тебе отдать.

В конце концов, я никак не мог использовать «это». Моя рука скользнула в пиджак.

Я вытащил сложенную вчетверо бумажку. «Что это?» - спросила Цукимори.

Я наблюдал за тем, как Цукимори смотрела на развернутую бумагу.

Со все еще потупленным взглядом она прошептала: «Я всегда рада твоим подаркам, но это на него не очень похоже».

- Ничем не могу помочь - в конце концов, это и правда не подарок. Я просто возвращаю кое-что законному владельцу, - я не отводил от нее взгляда. – Это твое, не так ли?

Я посмотрел ей в глаза, не смея дышать или моргнуть. Можно сказать, что я оберегал «это» только ради этого момента. Я не хотел пропустить ее реакцию.

Она вскинула голову с улыбкой, похожей на полумесяц.

- Да, мое! – с поражающей готовностью подтвердила она.

- Тогда поговорим об этом... «Рецепте убийства».

Именно этот козырь я с успехом защитил от Конана.

Она с иронией засмеялась: «По-другому и быть не могло. Что ж, конечно, ты никогда не пропустишь такой «интригу»».

Кажется, Цукимори была такой же, как и всегда.

- Если честно, то я предпочла бы не говорить об этом, но, если хочешь, я могу оправдать твои ожидания. Взамен обещаю мне...

В мыслях я задавался вопросом: заметила ли она легкое изменение на своем лице?

- ...что не возненавидишь меня. Хорошо?

Она улыбалась, как и всегда, но ее глаза были серьезны.

Я наблюдал за Ёко Цукимори, какой ее никто не знал. Мне казалось, что я стал чуть ближе к ней. Конечно, лишь этого мне было недостаточно.

Я хотел знать больше о той Цукимори, о которой не ведал никто.

Но спешить незачем – до рассвета еще далеко.

- Ты знала об этом с самого начала?

- О чем?

- О том, что я нашел рецепт убийства.

Эта догадка блуждала в моей голове с первых минут. В конце концов, она ни с того ни с сего попросила меня встречаться с ней, хотя мы практически не общались. Она подошла ко мне сразу после того, как я подобрал рецепт убийства.

Но лишь теперь я убедился. Отсутствие реакции на мое заявление доказало, что она знала обо всем.

Цукимори в раздумьях приподняла брови

- Знала, - в конечном итоге она спокойно кивнула головой. – Помнишь, что случилось на следующий день?

Я напряг память.

- В утро ты заговорил со мной, Нономия-кун. К моему большому удивлению. И я задумалась, с чего бы. Ну а разгадка нашлась быстро.

- Так я сам вырыл себе могилу... - я машинально хлопнул себя по лбу.

Как по-идиотски все вышло! Поддавшись любопытству, я заговорил с ней, и, конечно, с ее точки зрения все это выглядело не совсем обычно.

Я потряс головой, отгоняя прочь лишние мысли, сделал глубокий вдох и продолжил, тщательно подбирая слова:

- Когда я только нашел рецепт убийства, - я начал развивать тему, словно пытаюсь покрыть свой промах, - я думал, что его написала ты. Даже не сомневался, что владелец рецепта – его автор. Впрочем, слово «рецепт» мне не нравилось. Разве это не «план убийства»?

Только мой голос раздавался в залитом луной парке.

- Но когда я узнал, что твоя мать работала учителем в кулинарной школе, то понял, что слово «рецепт», видимо, было для нее обычным термином... и, конечно, твоя мать его и написала. Почерк на рецепте совпадал с почерком на записке, которую я забрал из твоего дома.

- Ты всегда оправдываешь мои ожидания, Нономия-кун, - сказала она и вновь замолчала. Без сомнений, важное замечание, но оно не отрицало того, что я сказал.

- Итак, я спрошу: почему рецепт твоей матери оказался у тебя?

Я слегка наклонился вперед, чтобы украдкой взглянуть на ее лицо.

- Я случайно нашла ее рецепт после того, как начала учиться в старшей школе...

Оно было спокойным и задумчивым.

- И сразу поняла, кого она хотела убить.

- Твоего отца.

- Да. К слову, это не единственный рецепт убийства – их намного больше. Видимо, я нашла не все.

- Вот как.

Мне захотелось прочесть и те рецепты.

- Думаю, мама так и не догадалась, что я знаю о них. Я ничем не выдавала себя.

- О чем ты тогда подумала? Что ты хотела сделать после того, как нашла рецепты?

- Ну...

Задумчиво глядя на небо, она завела прядь волос за ухо. Наверное, подыскивала подходящие слова.

- Когда я в первый раз прочитала рецепт, то не поверила, что у нее могут быть такие мысли.

Я уставился на девушку.

- Для меня она всегда была обычной домохозяйкой. Женщиной, которая следит за своей внешностью и поведением.

- После похорон довольно сложно представить ее такой.

Я вспомнил сломанную женщину, которую утешала одетая в черное Цукимори. Мне не понравилось то, как хрупкое представление о ее матери разбилось вдребезги.

- Не знаю, за кого ты ее принимал, но не забывай, чьей матерью она была, - улыбка Цукимори могла бы украсить обложку модного журнала. – Моей матерью.

Какая дочь - такая и мать? Нет, «какая мать – такая и дочь» будет вернее. В любом случае, как только я подумал об этом, то сразу все встало на свои места. Также и с ее отцом.

- Моя мать работала в крупнейшей в округе кулинарной школе. Каждый день она вела уроки у огромного количества учеников. Кажется, она еще время от времени принимала участие в кулинарном шоу на местном телевидении и выпустила несколько кулинарных книг. Я слышала, что она была довольно известна - «прекрасный кулинарный ученый».

Мое представление о ее матери снова изменилось.

- Теперь представь, что эта женщина написала такую гадость. Я была поражена, - она слегка пожала плечами, показывая свое удивление.

- Гадость, да? – я повторил за ней одно важное слово.

- Но ты ведь подумал о том же? После того, как я прочла рецепт, я всерьез задалась вопросом: неужто она и вправду собиралась убить кого-то с помощью этого? Это даже не было похоже на план. Теперь мне кажется, что она выбрала слово «рецепт», так как это слишком примитивно для плана.

- А-а, понятно.

Я придерживался того же мнения.

- Точно, для плана убийства он выглядит незавершенным. Можно смело называть себя везунчиком, если он сработает.

- М-м, - согласилась она, но то, что я сказал дальше, заставило ее приподнять бровь.

- Однако мне кажется, что именно незавершенность делает его таким полезным.

- В смысле?

В этом дурацком списке действий я видел свои плюсы. Я с самого начала именно так думал об этом рецепте.

- Кто поверит в план, который строится на удаче?

Цукимори не знала, что сказать. Конечно, ведь всего пару секунд назад она говорила, что это не могла написать ее мать.

- Ведь если представить, что этот план сработал – разве он не выглядел бы как несчастный случай

- Какой занимательный взгляд на рецепт, - кивнула она.

Я продолжил:

- Я знаю один инцидент, подтверждающий мою гипотезу...

- Смерть моего отца? – она ответила до того, как я успел закончить.

- А ты сама веришь в это?

Меня несколько смутила ее неожиданная реакция.

- К чему отрицать? Каждый начнет сомневаться, хоть раз прочтя этот рецепт.

Она, держа листок кончиками пальцев, покачала им возле лица.

Я, наконец, осознал, почему она так меня беспокоила.

- Пока я не нашла рецепты, я и понятия не имела, что у моей матери был такой порывистый нрав. Полагаю, во всем была виновата ревность, – хотя родители давно уже забыли о своих чувствах. У моего отца была любовница. Наверное, ее просто бесило, что у папы была другая женщина. Иногда женщины могут быть ревнивей, чем мужчины. Будь осторожен, Нономия-кун.

Хотя мы говорили о ее матери и ее семье, я чувствовал в ее тоне равнодушие. Словно это ее не касалось. Словно она говорила о сплетнях про соседей.

Я лишь сильнее убеждался.

- Я думаю, это ты убила своих родителей, - прямо сказал я, пока Цукимори смеялась надо мной.

- Даже если у меня нет повода?

Она, улыбаясь, подняла голову.

- Не то чтобы я совсем забыл про мотив. Меня он крайне интересует. Но с теоретической точки зрения тебе вполне это было по силам.

Глаза прищурившейся Цукимори на мгновение стали похожи на полумесяцы.

- Ты уже признала, что написанное в рецепте убийства похоже на аварию, в которой погиб твой отец. И если это была не случайность, а намеренно совершенное преступление, то его мог совершить только тот, кто заранее знал о содержании рецепта.

Цукимори положила подбородок на руку и испытующе взглянула на меня.

- То есть преступление мог совершить только тот, кто прочел рецепт?

Я закрыл глаза и сделал вдох.

- Я знаю, что до аварии рецепт читали трое. Первый - это автор рецепта, твоя мать.

Второй, конечно же, я, получивший его по случайности. И наконец...

Я показал на листок, который она держала в руке.

- Та, кто потеряла рецепт, - Ёко Цукимори. То есть, ты.

Цукимори продолжала молчать.

- Я уверен, что Ёко Цукимори могла осуществить такой план, каким бы плохим он ни был. Она шепотом прервала свое молчание.

- Знаешь ли ты, что я чувствую?..

- Если бы я так легко понимал твои чувства, то не плясал бы под твою дудку все это время.

- Я тронута. Я чувствую столько любви в твоих словах, потому что ты понимаешь меня.

Хотя ты наверняка скажешь своим обычным холодным голосом, что я ошибаюсь.

- Ты ошибаешься.

Я выполнил ее просьбу, добавив в голос больше холодка, чем обычно.

Я совсем не понимал ее. Хотя я обвинял ее в убийстве, она улыбалась. Из-за ее искренности я почти поверил, что она ничего не скрывала.

Абсолютная самоуверенность просачивалась сквозь самообладание? Или она думала, что сможет отразить все мои обвинения?

«Этого недостаточно. Пока я не погружусь глубже и не пробью ее скорлупу изнутри, мне никогда не увидеть того, чего я желаю».

- Я все думал, - начал я. - Не слишком ли ты объективна в отношении своих родителей?

Ты настолько спокойна, словно говоришь о совершенно чужих тебе людях.

На лице Цукимори проступило сомнение.

- Думаешь? Мне семнадцать, и я уже не в том возрасте, чтобы зависеть от своих родителей. Разве в остальных семьях по-другому?

Я незамедлительно возразил:

- Конечно, по-другому.

Цукимори замолчала и нахмурилась.

- Ох, ну же, тут точно что-то неладно. Твоя мать составляла планы по убийству твоего отца! Вы же одна семья, тебе надо было остановить ее!

Глаза Цукимори на миг расширились.

- Знаешь, почему я спрашивал о том, что ты делала, когда нашла рецепты? Потому что я надеялся, что ты скажешь, что хотела отговорить ее. Но ты говорила только о своих мыслях по поводу рецептов...

Она приоткрыла свой рот, желая что-то сказать.

- Ты вообще хотела остановить ее?

Беспомощность, отразившаяся на ее лице, ответила на мой вопрос яснее, чем любые слова.

Она съежилась, обняв свои стройные ноги.

- Пусть ты почти и не общалась с родителями – странно, что всем вокруг вы виделись идеальной семьей.

Вспоминая поведение Цукимори, я понял, что семья все же была для нее не на последнем месте. После смерти родителей иногда она выглядела очень слабой. Я уверен, семью терять она не хотела.

- Они были неинтересными?

Вот какой вывод я сделал.

Про неинтересные для себя вещи я тоже говорю равнодушно.

- Скорее, нам просто не нужно было интересоваться друг другом, - пробормотала она. – Знаешь, я не ненавидела своих родителей. Честно. Просто семья Цукимори была основана на идее индивидуализма. Невмешательство в дела друг друга было нашим неписанным правилом. Только так мы и могли поддерживать гармонию в семье.

Словно вспоминая, Цукимори слегка прищурилась.

- Я с детства все делала сама. Мама без папы тоже не унывала. Отец же просто следил за бюджетом и не вмешивался в хозяйство. Хочешь верь, хочешь нет, но когда я была ребенком, я считала его добрым дядей, который снабжал нас деньгами.

Ее губы скривились в самоуничижении.

- Как ты и сказал, я никогда не задумывалась о том, чтобы остановить свою мать.

С бессильной улыбкой она опустила взгляд.

- Я приняла рецепт убийства, поскольку считала, что у мамы были свои мысли и своя жизнь. Но, наверное, ты прав – мне нужно было остановить ее.

Она сжала кулаки, ногти впились в ладонь.

- Если бы я росла в другой семье, я бы повела себя по-другому.

Цукимори подняла голову.

- Но знаешь, - беззаботно сказала она. – Меня воспитывали так с самого рождения.

Ее глаза были поразительно чистыми. В искренней и величавой внешности не было ни капельки сожалений. По моему мнению, Ёко Цукимори была очень сильной.

Но в то же время такой одинокой.

В этот возвышенный момент, она была прекрасна и эфемерна, как мираж, заставив трепетать бабочек в моем животе.

- Тебе не было одиноко?

Она прямо ответила на мой вопрос, покачав головой. «Ни капельки», - и улыбнулась.

Жить, не полагаясь ни на кого, должно быть, довольно одиноко. Однако она утверждала, что ничего такого не чувствовала.

- Даже теперь? – я вновь задал ей этот вопрос. – Тебе все еще не одиноко даже сейчас, когда твои родители умерли?

По мне жить так – ужасно одиноко. Может быть, я бредил, но Цукимори, молча сидевшая на качелях, так и выглядела.

Мигом позже она неловко улыбнулась и взглянула на небо. Луна, отражавшаяся в ее глазах, придала им золотистое сияние.

Когда она вновь посмотрела на меня, она заявила:

- Мне не одиноко...

Сейчас она говорила абсолютно серьезно.

- Потому что ты пришел сюда ради меня, Нономия-кун.

В ее глазах и на ее губах не было и тени улыбки.

В этот памятный момент ее улыбка все-таки исчезла.

Часы на башне начали отбивать двенадцать часов.

Ей незачем было убивать своих родителей. По крайней мере, я не мог придумать причин. Я полностью уверился, что Ёко Цукимори ничего такого не совершала.

И все-таки ее родителей больше нет.

Я прошептал:

- Не знаю, что и сказать.

Да и о чем тут говорить?

Я поднялся с перил, потому я не мог больше сидеть, и пошел в парк, оставив ее позади.

Приводя мысли в порядок, я медленно шел и ощущал землю под ногами при каждом шаге.

Мои ноги сами вели меня к обрыву с хорошим видом на город.

Наконец, я дошел до этого обрыва.

Он был обозначен проржавевшей зеленой оградой примерно на уровне пояса. Я перегнулся и посмотрел вниз. Падать отсюда недолго.

Я положил скрещенные руки и подбородок на ограду, из-за чего вся ограда немного прогнулась. Я смотрел на город.

Освещенные улицы заполнили мой взор. Ему было далеко до потрясающей ночной столицы, но мне нравился родной город.

Несмотря на небольшие размеры, в нем всегда что-то происходило. В эту ночь где-то там, внизу неслась красная спортивная машина, которую вел детектив. Не спит ли еще та любительница шоколада? Маленькая девочка, напоминавшая обезьянку, наверняка уже прибыла в страну снов.

Лица людей, которых я знал, промелькнули перед глазами, словно слайд-шоу.

- Разве не очаровательно? Это я и хотела показать тебе, Нономия-кун.

Девушка, которая мелькнула в моей голове последней, похоже, была связана с девушкой, наблюдавшей за городом рядом со мной.

Пронизывающий ветер взъерошил ей волосы. Она обняла себя за плечи.

Это напомнило мне о дождливом дне, когда она полностью вымокла.

Я ни за что не смог бы забыть, как тогда спросил ее, почему люди убивают друг друга.

Конечно, я не забыл и ее ответ.

Как только это воспоминание всплыло в памяти, тело внезапно начало дрожать, я стал хихикать.

- Я все-таки нашел ответ. Я, наконец, понял, почему ты убила своих родителей! – прошептал я.

Она лишь спокойно сказала:

- Вот как.

Я видел ее лишь краем глаза, равно как и она меня.

- Потому что тебе этого захотелось.

Когда я, смеясь, сказал это, она ответила с улыбкой девочки, получившей конфетку:

- Ты великолепен.

Как она и сказала той ночью, лишь словом «захотелось» можно было объяснить то, у чего не было причин.

Я засмеялся, потому что этот ответ был очень глуп. Кто в это поверит?

Единственными, кто смогли понять это, были я и... Ёко Цукимори.

Она вдруг подошла ко мне.

- Если все, что ты сказал, - правда, то я ужасная женщина, - прошептала она мне на ухо. – Убила своих родителей, обманывала всех, дурачила тебя и все еще живу, ни о чем не заботясь.

В тот момент... полупрозрачная шаль начала падать на землю.

- Но ведь иногда человека не сковывают правила. Он не ограничен ничем, обладает ужасающей свободой...

Я оторопел. Она, ни секунды не сомневаясь, запрыгнула на ограду, и забор стал медленно прогибаться к пропасти вместе с ней.

- Нономия-кун. Тебе решать! Если ты не накажешь меня, ужасная женщина Ёко Цукимори останется на воле.

Сидя на ограде, она сделала невозможное – отклонилась назад, к пропасти. Ее волосы спадали вниз в бездонную тьму. Только ее белые стройные руки удерживали стройное тело от падения. Ее белоснежная шея была прямо перед моими глазами.

- Тебе решать, достойна ли я жить... ты ведь понимаешь?

Легкого толчка в грудь будет достаточно, чтобы она упала.

- Ты сошла с ума?.. Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

Я стал сомневаться в ее адекватности.

- Кто знает? Я считаю, что я в здравом уме. Ну, хотя я и вправду сошла с ума, раз уж мне нравится такой чудак, как ты.

Словно наслаждаясь лунным светом, она безмятежно закрыла глаза.

- Я давным-давно решила посвятить всю себя моему «избранному». Уж поверь.

Похоже, что «все» включало в себя и ее жизнь.

- Я тебя ни черта не понимаю. Кто вообще этот избранный?

Ее ответ был коротким и ясным.

- Мой принц.

Ее слова сопровождалась счастливой улыбкой. Ни тени страха, она была серьезна.

Внезапно образ ее матери, описанный Конаном, мелькнул в моей голове. По моему телу пробежала дрожь. Я представил себе...

Перед глазами появилась поразительно прекрасная картина мертвого тела Ёко Цукимори, окруженного бесчисленными азалиями.

Я сглотнул. Я был возбужден до предела. Мои пальцы сами потянулись к ее груди.

Когда их кончики коснулись ее груди, она ахнула и оттянула носки туфель.

Кровь начала закипать от переполнявшего меня волнения. О, какое сладкое искушение!

Всего лишь одним пальцем я мог оборвать жизнь Ёко Цукимори.

Ее превосходное белоснежное платье выглядело для меня погребальным одеянием.

Она без сомнений уже сделала необходимые приготовления. Я подозревал, что в ее сценарии была строка «убитая горем девочка последовала за родителями в лоно смерти».

Другими словами, столкнув ее вниз, я останусь безнаказанным.

Она называла меня своим принцем. Если бы я на самом деле был принцем, моя роль заключалась бы в том, чтобы освободить принцессу, запертую в замке.

«Цукимори. Прости, что не оправдываю твои ожидания, но я не принц. Я всегда был и буду наблюдателем. Эта роль подходит мне больше всего».

Мое сердце забилося сильнее. Дыхание побуждало меня довести дело до конца. Сделав глубокий вдох и стиснув зубы, я медленно потянулся к девочке в погребальном одеянии и – скользнув рукой по ее спине, изо всех сил потянул ее к себе.

Я упал на спину, держа ее в руках. Пока я кривился от боли, она приподнялась, усевшись на меня.

- Не забывай, - начала она, приложив руку к груди, - что ты спас эту жизнь.

«Ты сам подобрал щенка, так что следи и ухаживай за ним тоже сам», - когда я вспомнил слова своей матери, мое настроение опустилось ниже плинтуса. С каких пор я стал таким хорошим?

- Ты проверяла меня?  
- Не волнуйся. Ты не пожалеешь, что спас меня.  
Она с оптимизмом сжала руку в кулак. По ее почти провокационной улыбке я понял, что она предвидела такое развитие событий.  
Я засмеялся.  
- Я давно жалею...  
...Что встретил тебя.  
- Прости, но ты не могла бы слезть с меня?  
Она нагло сидела на нижней части моего живота. Хотелось заняться ее воспитанием.  
К несчастью, она не намеревалась слезать с меня. Она опустила на колени, поставила руки по обе стороны от моей головы, склонилась и начала говорить, смотря прямо в глаза:  
- Что ты сделаешь? Что ты хочешь сделать? Доложишь полиции о рецепте и о том, что я тебе рассказала?  
При каждом движении ее чарующих губ мои волосы развевались от ее дыхания.  
- Я не стану останавливать тебе!  
Скорее всего, она не провоцировала меня - ее лицо все еще было безмятежно, ее голос был искренен.  
- Какая ты смелая.  
Я нахмурился.  
- Неужели думаешь, что сможешь одурачить полицию? Или ни во что не ставишь мои способности?  
- Нет! – она покачала головой. – Я просто знаю, что невиновна.  
Она была спокойна.  
- Давай кое-что проверим... если бы случилась авария, походившая на убийство, и я сказала бы тебе, что она случилась лишь из-за случайного стечения обстоятельств, ты бы мне поверил?  
Волосы Цукимори развевались ночным ветром и щекотали кончик моего носа.  
- Конечно нет!  
Из-за ее совершенного спокойствия я на миг помедлил.  
- Правда? Ты все равно мне неверишь, так что я просто позволю тебе делать то, что хочешь.  
Мигом позже на ее лице появилась улыбка, которую в моем воображении сопровождали кружившиеся на ветру перья.  
- Но помни, что для меня есть только одна истина.  
Может ли смеющийся так человек быть лжецом?  
Я не знал.  
- К тому же, я выбрала тебя. Так что нет ничего странного, что я уважаю твое решение, даже если оно не совпадает с моим желанием.  
- Выбрала? – с подозрением повторил я.  
«Выбрала» звучало иначе, чем «избранный». Похоже, что «выбрала» означало что-то вроде «доверяла».  
- Ты понял неправильно лишь одно, Нономия-кун.  
- Что же?  
- Ты не случайно нашел рецепт убийства.  
- Что?..  
Я невольно повысил голос.  
- Пожалуйста, вспомни тот день.  
Он все еще вертелся в моей памяти. Это произошло после школы. Я нашел рецепт убийства в ее блокноте, который она уронила на землю.  
Внезапно она хихикнула.  
- Я очень способная девушка, ты же знаешь. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь вроде меня...

В тот момент ее лицо надолго отпечталось в моей памяти. Оно было потрясающе жестоким и прекрасным.

- ...может потеряет такую важную вещь?

Невозможно. Она никак не могла так ошибиться, ибо была единственным совершенным человеком, которого я знал.

В тот день я был на собрании – регулярном собрании старост. От парней старостой был я. Так кто был от девушек?

Эта была девушка прямо перед моими глазами.

«Точно, она поспешила вернуться в класс после того собрания. Полагаю, что она сделала это для того, чтобы выиграть время, чтобы убедиться, что рецепт убийства попадет в мои руки “случайно”».

Как я не заметил? Утренний поиск рецепта был лишь игрой на публику, она хотела убедить меня, что «случайно» потеряла его.

Похоже, я плясал под ее дудку с самого начала. От осознания этого унижительного факта я застыл на месте и даже был напуган. Я был настолько шокирован, что даже не стонал.

Цукимори, хихикая, слезла с меня.

- Все шло по моему плану. И сейчас идет. Мои желания определяют, как все сложится.

Обычно такие утверждения выглядят чрезвычайно надменными, но когда их говорит Ёко Цукимори, они звучат нерушимым фактом.

- Но тебе не кажется, что такая жизнь ужасно скучна? Есть ли смысл в жизни?

Она зашагала к своей шали, лежавшей на земле.

- Тебя не интересует подарок, если ты уже знаешь, что внутри, - она опустила плечи. – Тем не менее, я решила быть такой Ёко Цукимори, о которой все мечтали, потому что легко играть примерную ученицу и не так-то плохо ощущать, что ты соответствуешь ожиданиям.

Подняв шаль, она вновь накинула ее на плечи, легко оттолкнулась от земли, словно балерина, и приземлилась прямо у моей головы. Тень закрыла мой взор, и я был почти уверен, что луну закрыли темные облака. Но это она склонилась надо мной, положив руки на бедра.

- Хочешь знать, почему я доверила рецепт тебе, Нономия-кун?

Я уже чувствовал, что такое лукавое лицо не сулило хорошего ответа.

- Потому что ты выглядел самым скучающим человеком из тех, кого я только встречала! – сказала она так, словно нашла что-то дорогое своей душе.

Я отвел взгляд.

Прямо в яблочко.

Как она и сказала, я всегда жаловался на то, каким скучным выглядел для меня мир. Мое воображение всегда было тайным убежищем, где я отдыхал от скуки повседневной жизни. Я поднял рецепт убийства и встал на ноги.

- Ты превзошел все мои ожидания. Разговаривать с тобой оказалось так увлекательно, Нономия-кун. Каждый день стал таким захватывающим, когда ты пришел в мою жизнь. Мое сердце билось чаще. Я сразу поняла, что ты мой «избранный судьбой». Потому было так легко помешаться на тебе.

Все происходило согласно ее плану, и я, глупец, с готовностью заглотил наживку.

С тяжелой походкой я зашагал к ограде, словно притягиваемый ею. По звуку шагов я заметил, что она побежала за мной.

- Ах!..

Ограда заскрипела. Цукимори с силой схватилась за нее и, склонившись, посмотрела на тьму рядом со мной. Она быстро поняла, что больше ничего не могла сделать, выпрямилась и повернулась ко мне.

- Ты не пожалеешь об этом?

Моя правая рука висела над пропастью.

Белый бумажный самолетик выплывал в воздухе круги, медленно погружаясь во тьму. Он, наверное, зацепится за какой-нибудь выступ и со временем превратится в пыль.

- Все хорошо. Он больше не нужен.

Я был таким же. Я не искал истины, лежавшей за рецептом убийства, из-за чувства справедливости.

- Так ты веришь в мою невиновность?

Я повернулся к ее улыбающемуся лицу и холодно заявил: «О чем ты? Конечно, я все еще подозреваю тебя!»

Она прищурила глаза.

- Ты нелогичен. Зачем тогда ты выбросил рецепт убийства?

- Кто поверит в такую абсурдную историю? Что мне сказать полиции, если они спросят о твоём мотиве? Думаешь, что «ох, похоже, ей так захотелось» пройдет?

Не зная ее, не понять и мотив. Увидев истинное лицо Ёко Цукимори, только я бы услышал такое заявление.

- Но разве у тебя нет другого выбора? Это ответ, который ты нашел. И не важно, поверят тебе или нет, - игриво сказала она.

- Ага. Я только опозорюсь, - ответил я, покачав головой.

Магия исчезла, как только я протянул рецепт убийства, свою козырную карту, ей и раскрыл его содержание.

Я понял, что, в конце концов, рецепт убийства был просто «клочком бумаги».

Она показала мне, что он был ценен не тем, что был рецептом убийства, хотя я лелеял его, как собственную жизнь, но тем, что был рецептом убийства Ёко Цукимори.

В тот момент, когда я оправился от шока от игры в кошки-мышки, на меня хлынуло другое чувство.

Это чувство, так не подходившее моему характеру, можно было описать, как защитную реакцию.

Как она и сказала, она доверила рецепт мне, потому что я очень скучал. Потому что она поняла, что я наверняка проявлю интерес к тому, что предлагал этот рецепт.

Я служил источником развлечения.

Она тоже искала чего-то захватывающего в своей скучной повседневной жизни. В этом плане наши интересы дополняли друг друга.

Однако я пришел к другому выводу.

По мне, груз рецепта убийства мог оказаться для нее слишком велик.

Она была потрясена. Находка рецепта убийства и совершенно неожиданной стороны своей матери беспокоило ей больше, чем она могла себе представить. Она неосознанно продолжала думать, что с этим делать, и, в конце концов, после долгих поисков доверила рецепт мне.

Этот сигнал нельзя было назвать просьбой о помощи. Возможно, она просто хотела поделиться информацией. Может быть, она всего лишь хотела, чтобы про него узнал кто-то еще.

Этот груз и вправду был чересчур велик, чтобы нести его одному.

Может быть, я слишком много воображал, но я ничего не мог с этим поделать, потому что именно такое впечатление у меня сложилось. Моя досада испарилась.

Мысль о том, что сама Ёко Цукимори, которая могла гордиться тем, что она единственный совершенный человек в мире, тряслась, как беспомощная девочка и полагалась на меня, заставила сердце забиться чаще.

«Как же чудесно», - говорило оно.

Мой взгляд упал на циферблат часовой башни.

- Уже за полночь?

Когда я прошептал это, она поспешно развернулась, подол ее платья крутанулся, как зонтик. Стрелка часов давно перевалила за полночь.

- Боже мой. Как я могла пропустить такое важное событие?

Какая редкость – она была обескуражена.

- Вообще-то, сегодня – мой день рождения. Ох, а как же мой план выключивать у тебя все, что на ум придет, как только пробьет двенадцать...

- Поздравляю, - сказал я до того, как она продолжила.

Поправив одежду и прическу, она повернулась ко мне, улыбаясь во все лицо.

- Знаешь, Нономия-кун, мой день рождения уже наступил...

- Я только что поздравил тебя. Ты не слушала?

- Слушала, так что запоздало благодарю. Но, видишь ли, я бы предпочла не только слова, но и...

- Нет.

- Я еще не закончила, Нономия-кун. Ты должен слушать, что говорят другие.

- Запомни кое-что, Цукимори. У меня не такие хорошие манеры, чтобы слушать предвестие беды.

- Не беспокойся! Я не стану просить никакого дорогого подарка. Что ж, это подарок, но скорее воспоминание, - сказала она, доставая мобильный телефон и вертя им перед своим носом. – Я хочу сделать сфотографировать нас.

- Ты же знаешь, что я не люблю фотографироваться.

- Не любишь?

Прикинулась, что не знает. Усами как-то раз в кафе попросила меня сфотографироваться. Цукимори точно это видела.

- Пожалуйста. Я больше ничего не попрошу. Этот день только раз в году, ну пожалуйста! Несмотря на мольбу в голосе, она схватила меня за запястье обеими руками. Она собиралась заполучить то, что желала.

- Хорошо! Но только одну, поняла?

Я быстро сдался, потому что знал, что усилия, затраченные на преодоление ее упрямства, не стоили того.

- Спасибо огромное! – она возликовала, захлопав в ладоши. – Давай сфотографируемся у часовой башни! – сказала она и тут же зашагала, потянув меня за руку.

Башня была высотой в три наших роста и окрашена в белый цвет.

- М-м, где бы встать?.. – она не могла решить, где нам сфотографироваться. Когда я сказал, что это не имеет значения, она упрекнула меня, сказав, что у нее всего один шанс. Когда она спросила меня, позволю ли я в таком случае сфотографировать нас несколько раз, мне пришлось захлопнуть рот, опереться о стену и ждать, пока она не выберет место. Я никак не мог понять, чем одно место отличается от другого, но она удовлетворенно сказала: «Да, здесь. Похоже, тут будет лучше всего».

- Подойди сюда, - она помахала мне рукой. Я подошел к ней.

Она была ко мне так близко, как никогда раньше. Кроме ее тонкого платья, я чувствовал и кое-что иное, не имевшее никакого отношения к одежде.

- Мы не поместимся в кадре, если я так не сделаю, - заявила она, вытянув руку с мобильным телефоном, до того, как я мог возразить. Подумав, что лучше мне сфотографировать нас, потому что у меня руки длиннее, я взял у нее телефон. Когда я узнал, на какую клавишу мне нужно нажать, она попросила меня немного подождать и сняла шаль.

Я смотрел на нее с вытянутой рукой, думая о том, что она делает, пока она оборачивала шаль вокруг головы, закрепив ее белым цветком, который она использовала, как украшение.

- Хорошо, - сказала она и, возможно, из-за моего подозрительного взгляда добавила: - Разве это не мило и не в духе принцессы?

И правда, ей это очень шло.

Я нажал на кнопку по ее сигналу, раздался щелчок. Она нетерпеливо забрала у меня телефон, чтобы посмотреть на фото.

Разглядывая его, она слегка кивнула: «Да, прямо как я себе и представляла».

Время от времени она даже хихикала. Хорошо, что ей понравился этот подарок.

- Спасибо, что позволил сделать эту фотографию. Я буду дорожить ею.

- Да, дорожи ею так сильно, чтобы никто никогда ее не увидел, и я буду спокоен.

Мне даже не хочется представлять, что случится, когда парни из нашей школы узнают об этой фотографии. Компания Камогавы первой пришла на ум.

- Какая жалость. Я уже представила, как буду хвастаться ею перед Мирай-сан и Чизуру...

Слава богу, теперь ты этого не сделаешь.

- Ох, что ж, буду наслаждаться ею одна. Смотреть на нее во время занятий с широкой улыбкой. Целовать ее перед сном.

- Стоит удалить фотографию прямо сейчас?

- Да шучу я, - она озорно засмеялась.

Вот что значит иметь над кем-то преимущество.

- Хочешь взглянуть?

- С удовольствием.

Так как она собиралась хранить это фото, мне нужно было проверить, как я на нем получился.

Я приблизил лицо к экрану телефона, который она держал у своей груди, слегка согнув колени. И услышал ее слова, когда мое ухо было рядом с ее губами.

Подождав, пока я не рассмотрел фотографию, она прошептала:

- Видишь? Мы выйдем, словно жених и невеста на тайной свадьбе у церкви.

Я уставился на экран. На фотографии были мужчина в черном костюме и женщина в белом платье, счастливо прижавшиеся друг к другу.

Немного включив воображение, шаль на голове девушки выглядела, как фата невесты. И, как только я увидел девушку в таком виде, парень представился одетым во фрак.

Фантазия – страшная сила: я заметил, что часовая башня выглядела, словно церковь. Если бы невеста держала в руках букет, это было бы настоящей свадебной церемонией.

Я вытянул руку, чтобы забрать телефон, но она ускользнула от меня, развернувшись, словно кружившийся на ветру лепесток.

- Отдай мне телефон.

- Нет! Я знаю, ты хочешь удалить фотографию.

- Конечно, хочу!

Я снова протянул к ней руку. Однако она отдалялась от меня, словно маленькая фея, танцующая на воде. Тогда она забралась на горки.

- Нономия-кун, я здесь! – и она невинно замахала, почти как ребенок.

Ёко Цукимори на самом деле была свободной и дикой. Для меня это было чересчур.

- Я ухожу.

Эта ночь утомила меня.

- Постой! – крикнула она, когда я прошел мимо горок, намереваясь уйти из парка. Я просто повернул голову и посмотрел на нее.

- Почему ты пришел один?

Под лунным светом Цукимори в фате выглядела так же величественно, как Жанна Д'Арк.



- Почему ты никому не сказал о рецепте убийства? Ты мог сделать это в любое время. Да хоть бы Конану... Думаешь, он бы не убедил всех в своей правоте? – несколько мрачно спросила она меня.

В ее глазах был лишь я.

Я согнулся от смеха.

Почему? Потому что я сразу понял, как легко могу ответить на ее вопрос. Подумать только, я не знал ничего о себе, хотя был так осторожен со всеми. Я в самом деле был идиотом.

Теперь я понял.

Убила ли она родителей или кого-то еще или нет, была ли она невиновна, было ли это несчастным случаем, который больше всего походил на умышленное убийство, несмотря на то, что это была всего лишь авария, случившаяся из-за случайного течения обстоятельств... Это не имело значения.

Она приподняла бровь.

- Все просто... - сказал я, смотря в небо.

- Я – единственный в этом мире, кто имеет право сомневаться в тебе.

Нам не были нужны другие. Мне было бы достаточно одной настоящей Ёко Цукимори. Наконец, холодный ночной ветер донес до меня горячий шепот.

- М-м, я все-таки не одинока.

Мои глаза были широко раскрыты, когда я повернулся к горке, освещаемой серебристым лунным светом.

Она улыбалась со слезами на глазах, чуть не плача от радости.

Не зная, что сказать, я закрыл рот и развеял по ветру образ Ёко Цукимори, которую я не знал.

Внезапно она присела и заскользила вниз, не заботясь об одежде, подбежала ко мне и запрыгнула прямо на мою спину, обхватив за шею шею.

Уткнув лицо в моей спине, она глухо сказала:

- Ты единственный в мире, кто может сомневаться во мне.

Ее голос был радостным.

Я не настолько вежлив, чтобы позволять кому-нибудь запрыгивать на меня без разрешения, но она так крепко прижималась ко мне, что я не мог освободиться. Она словно заковала меня в кандалы, что ужасно хорошо описывало наши отношения.

Я прекратил сопротивляться и с вздохом взглянул на небо.

Серебристый свет луны падал на землю, словно шелковые нити, поглощаемые землей.

Словно луна хотела окрасить все, что было на земле, в свой белый свет.

По сравнению со светом луны весь остальной свет выглядел тускло. Не имело значения, как ярко сияли звезды, как светло было в городе - ничто не могло затмить луну.

Я неосознанно потянулся к луне... зная, что не смогу дотянуться.

Решение, которое я принял сегодня ночью, могло оказаться неправильным. Возможно, я буду долго о нем жалеть.

Нет, у меня может и не быть возможности пожалеть о нем.

Потому что я смог узнать Ёко Цукимори.

Я закрыл глаза.

Луна в эту ночь была тепла и нежна.

## Послесловие

80% это довольно высокая вероятность.

Например, получив за тест 80 баллов из 100, никто не будет жаловаться. Или выйти на улицу без зонтика, хотя прогноз погоды обещал дождь с вероятностью 80%, крайне опрометчиво. И вот если сказать: «Из десяти кандидатов восемь награждаются призами в последнем раунде», невозможно *не* начать мечтать, правда?

«Если я выиграю, то смогу использовать призовые деньги в качестве первого взноса за новую машину!», «Я с легкостью смогу купить комплект Блю-рей дисков Стеллвии!» Кто сможет осудить меня за такие пустые мечты?

Возможно, вы уже знаете, но ответ был следующий: «Глубоко сожалеем, но мы должны...» - тем самым он разнес железным молотом мои скромные и тихие мечты.

Однако! Как говорится, когда одна дверь закрывается, другая открывается.

«Глубоко сожалеем, но мы должны сообщить вам, что отправленная вами работа не прошла отбор. Однако мы хотим опубликовать ее».

Без колебаний. Словно выстрел! Я повысил голос и четко прокричал:

- Я отказываюсь!

Я бы отдал правую руку за такое интересное предложение. Опубликовать книгу под замечательной маркой Dengeki Bunko - это для меня просто мечта. Однако на кону стояла моя гордость. Несмотря ни на что, я хотел оставаться на стороне апельсинового сока! Я хотел однажды выиграть эту награду своими силами и гордо открыть двери ASCII Media Works. Таким было мое первое решение.

Да, кстати, я до сих пор не представился. Как невнимательно с моей стороны. Меня зовут Нацуки Мамия, и я имею честь дебютировать в Dengeki Bunko с моей новеллой «Лунный свет».

Ну да... Послушайте! Разве вы преисполнены гордостью? Вы можете купить новую машину при помощи гордости?! Что бы вы сделали на моем месте, дорогие читатели?

Скомкайте эту бесполезную гордость и бросьте ее в корзину!

Благодарности.

Юдзамэ-сама и Кумэта-сама, «Лунный свет» существует лишь благодаря вам. Я говорю вам спасибо от всего сердца. Кстати, кого мне следует обвинить за комплектацию Блю-рей дисков Стеллвии? Жду, когда вы выйдете на связь.

А также я хотел бы поблагодарить Сиромисо-сама и всех остальных, принимавших участие в создании великолепных иллюстраций

Далее, я хотел бы выразить благодарность моим родителям, моей младшей сестре, моим друзьям и всем тем людям, которых я знаю... или я так думал, но я просто скажу им об этом сразу после того, как напишу эти строки, потому что так будет намного быстрее.

Последнее, но не менее важное, - мои глубочайшие благодарности тем, кто сейчас читает этот текст. Я так счастлив, что с трудом сдерживаю слезы. С нетерпением жду нашей следующей встречи. С вами был *Нацуки Мамия*.

ПЕРЕВОД: MARK\_DIAMOND  
КОРРЕКЦИЯ: ROSETALI

